

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 1 (19)

Ярославль
2024

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – № 1 (19). – 159 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-1-19. – EDN XQIENV.
2024, № 1 (19). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Большрева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тию**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Стой Полинь**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цизюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюо Фучи**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Карабулатова Ирина Советовна**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Холнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024

© Юго-Западный университет КНР, 2024

© Авторы статей, 2024

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».
Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2024. – № 1 (19). – 159 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-1-19. – EDN XQIENV.
2024, № 1 (19). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Karabulatova Irina Sovetovna**, Doctor of Philology, Professor, Moscow State University, M. V. Lomonosova, Moscow; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilevich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskommadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after

K. D. Ushinsky», 2024

© Southwest University of the People's Republic of China, 2024

© Authors of articles, 2024

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бугайчук Т. В. Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: точки соприкосновения 5

Таланов С. Л. Государственная политика России по предотвращению межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов 19

Ван Ляньцзэн, Ван Минь Самоформирование имиджа Китая (на материале русскоязычного перевода Доклада о работе правительства КНР).36

ФИЛОЛОГИЯ

Соколов Б. В. Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром».....53

Забияко А. А., Лю Ши Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20-40-х гг. XX в. 71

Федотова А. А. «Форма сопротивления системе»: образ распятия в творчестве И. А. Бродского 1960–1970-х гг. 87

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган Генезис и история осмысления феномена народности как эстетической категории в русской культуре XIX в. .103

Болдырева Е. М. Мифологема царь-рыбы в произведениях В. Астафьева «Царь-рыба» и Фу Юэхуэя «Рыбий царь».....120

Басалова Н. С. Основы государственности Египта Птолемеев: социокультурный аспект 144

Правила приёма редакцией научного журнала рукописи статьи к рассмотрению о публикации 154

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Bugaichuk T. V. “Soft power” policy and the formation of civil identity: common grounds.....6

Talanov S. L. Russia's state policy on the prevention of interethnic, interconfessional and intercultural conflicts 20

Wang Liancen, Wang Min China's image self-formation (based on the Russian translation of the Work Report).....37

PHILOLOGY

Sokolov B. V. Baron Ungern's image in Alexander Fadeyev's novel The Rout.....54

Zabiyako A. A., Liu Shi Lyrical self-perception images of the Russian emigration in China in the 20-40s of the XX century 72

Fedotova A. A. “A form of resistance to the system”: the image of crucifixion in I. A. Brodsky's work of the 1960-1970s...88

CULTURAL SCIENCE

Svyatoslavsky A. V., Nguyen Thi Thu Ngan Genesis and history of conceptualizing the phenomenon of national character as an aesthetic category in the XIX century Russian culture 104

Boldyreva E. M. Mythologeme tsar-fish in V. Astafyev's story The Tsar-Fish and Fu Yuehui's story The Fish King 121

Basalova N. S. Principles of the statehood in Ptolemaic Egypt: sociocultural aspect.....145

Rules for submitting the manuscript of the article to editors of the scientific journal for publication review 157

Научная статья
УДК 323.2
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-5
EDN DTDLZM

**Политика «мягкой силы» и процесс формирования
гражданской идентичности: точки соприкосновения**

Татьяна Владимировна Бугайчук

Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования «мягкой силы» в политике для формирования и развития гражданской идентичности россиян. Акцентируется внимание не на традиционном применении «мягкой силы» в качестве инструмента внешней политики государства по созданию его привлекательного образа для зарубежных партнеров, а на её использовании в качестве ресурса успешной реализации внутренней политики государства, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автор убеждает, что «мягкая сила» должна быть нацелена на создание позитивного образа государства для собственных граждан с целью продвижения государственной политики и формирования у россиян гражданской идентичности как основы стабильности общества и национальной безопасности страны. Сравнительно недавно появившийся политический концепт «общероссийская гражданская идентичность» широко обсуждается и используется как в российских, так и в зарубежных политических кругах. Автор подчеркивает, чем больше разнообразных политических инструментов, ресурсов и возможностей государство и общество создает и использует для формирования гражданской идентичности, тем более динамично и системно она формируется как залог социально-политической стабильности и единения. Современный период исторического развития мирового сообщества требует усиления политики «мягкой силы» по созданию положительного образа многонациональной и многоконфессиональной России, особенно в сознании молодого поколения, посредством формирования ценностной системы личности на основе единой истории и культуры, традиционных общероссийских духовно-нравственных ценностей, общего языка и образования, общих представлений о семье и её роли в общественном развитии.

Ключевые слова: гражданская идентичность; «мягкая сила»; молодое поколение; традиционные ценности; Россия; СМИ; государственная национальная политика

© Бугайчук Т. В., 2024

*Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: 5
точки соприкосновения*

Для цитирования: Бугайчук Т. В. Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: точки соприкосновения // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 5-18. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-5>. <https://elibrary.ru/DTDLZM>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

“Soft power” policy and the formation of civil identity: common grounds

Tatyana V. Bugaychuk

Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor at the department of general and social psychology, theory and methods of professional education. Yaroslavl State pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Abstract. The article considers the possibilities of using “soft power” in politics to form and develop the Russian citizens' civil identity. The focus of attention is not on the traditional use of “soft power” as a tool of the state foreign policy to create an image attractive to foreign partners, but on its use as a resource for the successful home policy of the state, aimed at keeping up and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The author insists that “soft power” should be aimed at creating a positive image of the state for its own citizens in order to promote Russia’s state policy and form the civil identity as a basis for the social stability and national security of the country. It is not without reason that the relatively recent political concept of “all-Russian civil identity” is widely discussed and used both in Russian and foreign political circles. The author emphasizes that the more diverse political tools, resources and opportunities the state and society create and use for forming civil identity, the more dynamic and systemic it is being formed as a guarantee of socio-political stability and unity. The current period of world historical development requires strengthening the “soft power” policy to create a positive image of a multi-ethnic and multi-confessional Russia, especially in the minds of the younger generation, by forming the personal value system on the common historical and cultural basis, traditional Russian spiritual and moral values, common language and education, common ideas about the family and its role in social development.

Keywords: civil identity; “soft power”; young generation; traditional values; Russia; mass media; state national policy

For citation: Bugaychuk T. V. “Soft power” policy and the formation of civil identity: common grounds. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 5-18. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-5>. <https://elibrary.ru/DTDLZM>.

Введение

XXI век – это век «рождения» и применения новых политических

механизмов и возможностей воздействия на гражданскую позицию личности. Одним из таких меха-

низмов и является «мягкая сила». Сегодня, на наш взгляд, особенно остро встал вопрос о роли «мягкой силы» в становлении и развитии гражданской идентичности у молодого поколения россиян. Новые мировые реалии, связанные с цифровизацией общества, специфическими условиями деятельности в период пандемии коронавируса и системной экономической и информационной войной против России, актуализирующей с началом специальной военной операции на Украине, четко показали значимость ориентации внутренней политики нашего государства на формирование гражданского самосознания россиян, патриотического воспитания и гражданского образования детей и молодёжи. Основываясь на словах великого русского педагога К. Д. Ушинского «<...> дело воспитания такое важное и такое святое, именно святое дело, так как именно здесь сеются семена благоденствия или несчастья миллионов соотечественников, здесь раскрывается завеса будущего нашей родины» [Ушинский, 1950, с. 43] и собственном большом опыте практической педагогической деятельности, мы осмелимся утверждать, что воспитание есть «мягкая сила». На основе сказанного в данной статье ставится крайне актуальный сегодня вопрос: *«Какова роль политики «мягкой силы» в формировании гражданской идентичности личности, а значит, и в развитии российской государственности?»* – и ведутся поиски ответа на него.

Теоретические основания исследования

Понятие «мягкой силы» в политический сленг ввел американский политолог Джозеф Най [Най, 2006]. Под этим политическим феноменом он понимал «способность получать желаемые результаты за счет привлекательности, а не принуждения или финансовых ресурсов» [Nye, 2004. 191 p., Най, 2014, с. 56]. В своей статье Н. Н. Федотова пишет так: «Мягкая сила (гибкая власть) – <...> это власть привлекательности, в основе которой лежат три группы ресурсов, заключенные в ее культуре (в тех странах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет). Мягкая сила особенно сильна, когда работают все три ресурса, но этого редко удается достичь» [Федотова, 2022, с. 10].

Как отмечает А. С. Косякина, в российском политическом словаре термин «мягкая сила» официально появляется, начиная с 2012 года [Косякина, 2022]. Именно в этом году В. В. Путин, участвуя как кандидат в выборах Президента РФ, в своей программной статье «Россия и меняющийся мир» заявил о необходимости использования инструментов «мягкой силы», благодаря которым Россия стала бы привлекательным и надежным международным партнером, открытым для

сотрудничества с зарубежными странами [Путин В. В. Россия и меняющийся мир]. Данную мысль В. В. Путин подчеркивает в своем выступлении на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 года. Он отмечает, что Россия отстает от других крупных международных игроков, которые уже разработали и начали реализовывать свои стратегии «мягкой силы». «...Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой мягкой силы, безусловно, есть над чем подумать» [Путин В. В. Россия в меняющемся мире ...].

Действительно, после распада Советского Союза Россия оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе и в этих условиях вопросы «мягкой силы» были фактически исключены из повестки дня руководства страны. А. О. Наумов отмечает тот факт, что в постсоветский период в России продолжали функционировать созданные еще во времена СССР институты «мягкой силы», но они работали по инерции, не получали должного финансирования и не давали какого-либо результата [Наумов, 2019]. Отечественный ученый М. М. Лебедева, описывая существующее положение дел, обращает внимание, что традиционное и явно доминирующее в России

понимание «мягкой силы» – это невоенные методы воздействия на противоположную сторону [Лебедева, 2017]. Как мы видим, в нашей стране «мягкую силу» рассматривали и часто до сих пор рассматривают как инструмент внешней политики государства. Но мы в своей статье постараемся уйти от этого стереотипного подхода и обратить внимание на применение «мягкой силы» во внутренней политике с целью формирования и развития гражданской идентичности собственных граждан, начиная с самого раннего возраста, на основе создания положительного образа нашей великой Родины.

Результаты и дискуссия

Гражданская идентичность как критерий государственной стабильности, гарант национальной безопасности и развития государства в целом требует подключения всевозможных средств для ее формирования и развития [Бугайчук, 2023]. Гражданская идентичность есть компонент гражданского самосознания личности, определяющий эту личность как часть государства, гражданского общества, носителя гражданских ценностей, языка, культуры, исторической памяти и т. д. И, конечно, важная роль в становлении идентичности отводится государству. К сожалению, как отмечает политолог В. А. Авксентьев, долгое время в период «холодной войны», когда в мире о нашей стране говорили в отрицательном ключе, у россий-

ских граждан (особенно у молодежи) формировалась «негативная идентичность». Но, например, в период Перестройки и распада СССР доминировал вариант идентичности «Россия – это часть Европы», – отмечает исследователь российской «мягкой силы» В. Феклюнина [Feklyunina, 2015]. Эту мысль в своих научных трудах подтверждает и доктор политических наук В. А. Авксентьев. Он отмечает, что объекты негативного воздействия на идентичность менялись в зависимости от политической конъюнктуры. Так, основными «мишенями» в 2016–2017 гг. стали российская государственность, армия, православная церковь. Далее инструментом, направленным против российской идентичности, стал «большой спорт». Значимые для российских граждан события быстро «забывались» и активно критиковались. Например, зимняя олимпиада в Сочи 2014 года, мероприятие мирового масштаба, сопровождалась серьезными резонансными антироссийскими событиями (бойкотом олимпиады главами зарубежных государств, допинговым скандалом, в котором обвинили российских спортсменов, активизацией действий сторонников евромайдана на Украине). Как мы понимаем, эти события «мешали» гражданам положительно воспринимать свою страну, испытывать чувство гордости. Именно этого и хотели достичь противники развития России, боясь укрепления ее авторитета и её наци-

ональных интересов. Сегодня мы все замечаем, что интернет-СМИ активно заполняются сообщениями, например, «сбежали из России», «Россия проиграла...», «Россия – сосредоточение зла», «Россия угрожает свободному миру...» и т. д. [Авксентьев, 2018, с. 49]. *Разве приведенные выше примеры, которые радостно обсуждаются в интернет-пространстве, мы не имеем права трактовать как политические инструменты подавления российской государственности?* Очевидно, что информационные технологии активно влияли, влияют и будут влиять на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности нашей Родины [Кондрашов, 2017]. Мы им должны активно противостоять, используя «мягкую силу» в процессе формирования и развития внутренней общероссийской гражданской идентичности.

Нельзя не отметить, что в последние годы вопрос о развитии общероссийской гражданской идентичности становится особенно актуальным. Ещё в 2016 году на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям в Астрахани Президент России Владимир Путин одобрил идею принятия Закона о российской нации и отнес эту задачу «к актуальной, которую совершенно точно нужно реализовать» (31.10.2016) [Указ о национальных целях развития ...]. Воспитание патриотизма, формирова-

ние гражданской позиции молодого поколения, в целом, является на сегодняшний день ключевой задачей социокультурной модернизации общества и представляет одно из приоритетных направлений государственной политики. Не случайно, задачами, обозначенными уже в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», было признано «гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи», необходимость популяризации «общественных ценностей, таких, как <...> права человека, патриотизм, служение отечеству, ответственность, активная жизненная и гражданская позиция» [Концепции долгосрочного социально-экономического ...]. Вот почему укрепление программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности становится особенно значимой. В продолжение развития идей о российской нации и национальной политике В. В. Путин в 2018 году подписал два важнейших документа – Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ Президента ... от 7 мая 2018 года № 204 ...] и Указ «Стратегия государственной национальной политики

Российской Федерации на период до 2025 года» [Стратегия государственной национальной ...]. Также были утверждены методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по вопросам реализации государственной национальной политики, где среди приоритетных задач была обозначена задача укрепления единства российской нации на основе развития гражданской идентичности. Значительную ясность в решение упомянутой задачи внесли:

– обновленная Стратегия национальной безопасности РФ [Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 ...];

– Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 ...];

– Концепция гуманитарной политики [Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 ...];

– новая Концепция внешней политики России [Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 ...].

Во всех этих документах обозначены важные аспекты развития российского государства, – цивилизации – которое привержено «принципам равенства, справедливости, невмешательства во внутренние дела других государств», готово к «взаи-

мовыгодному сотрудничеству без предварительных условий», признает «национальную и культурную идентичность, традиционные духовно-нравственные ценности величайшими достижениями человечества и видит их основой для последующего благополучного развития человеческой цивилизации» [Указ Президента ... от 21.07.2020 № 474 ...]. Важным идеологическим механизмом стала президентская платформа «Россия – страна возможностей», охватывающая своими проектами самые разные целевые аудитории и наглядно показывающая, чем живет и чем гордится российское общество.

Все представленные выше документы показывают направление развития и внутренней, и внешней политики государства, где гражданская идентичность обозначена как основной современный политический концепт. В связи с этим очевидно, что ключевые политические «битвы» сегодня идут за систему ценностей, за четкое чувство идентификации «свой-чужой», то есть за сознание людей. В противоречивых условиях глобализации и деглобализации возникают и целенаправленно «взрачиваются» маргинальные идентичности, которые больше связаны с кризисом идентификационного развития, ориентированы на преобладание личного над коллективным. В XXI веке именно идентичность становится главной темой, на которую направлена чужая «мягкая сила» в информационных и ги-

бридных конфликтах [Авксентьев, 2018]. Вот почему «мягкая сила» государства должна быть ориентирована в первую очередь на своих граждан, именно они должны стать основными субъектами восприятия важных для нашей страны и цивилизации смыслов.

Таким образом, одной из основных проблем использования «мягкой силы» с целью формирования гражданской идентичности личности в XXI веке является проблема готовности и умения граждан, так называемых реципиентов информационного воздействия, работать с информацией: воспринимать, интерпретировать и операционализировать ее с учетом сформированной системы ценностей и, соответственно, собственной идентичности. При этом как отмечает А. В. Борисов, «мягкая сила» начнет «работать», когда доверие к информации и готовность действовать в соответствии с ней базируется на репутации источника воздействия, также связанного с ожидаемой потенциальной выгодой, которую приобретает, или, как ему кажется, может приобрести потребитель информации. Информационное сообщение лишь тогда становится элементом системы, обеспечивающей трансляцию «мягкой силы», когда оно опирается на успех источника информационного сообщения. «Мягкая сила» лежит в основе воздействия – она позволяет менять повестку дня, создавая тот социальный порядок, который со-

ответствует целям ее обладателя [Борисов, 2020]. Именно поэтому в вопросах формирования гражданской идентичности «мягкая сила» должна быть ориентирована на создание собственного российского контекста, а не на борьбу с западными идеями, так как само понятие борьбы уже связано с «жесткой силой». Значит, политика «мягкой силы» не может сводиться только к продвижению и навязыванию ценностей и норм гражданам своей страны, воздействию на массовое сознание, информационному сопровождению внешнеполитических усилий государства. «Мягкая сила» – это система рассказов об успехах нации и страны на протяжении её истории, побуждающих граждан разделять общие ценности и следовать государственным путем (Например, рассказы о победе России в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., о достижениях наших спортсменов на различных спортивных состязаниях, об успехах российской науки, о создании самой действенной вакцины против коронавируса в пик эпидемии и т. д.). Для российского народа «мягкая сила» выступает инструментом умелой политики информирования всех социальных слоев об успехах и достижениях Родины как в прошлом, так и в самых разных сферах жизни и деятельности современного сообщества.

На наш взгляд, история страны, религия, семья, культура, спорт, язык, образование и наука – это

основные ресурсы внутренней политики «мягкой силы» России. Но, к сожалению, как отмечает американский специалист по изучению России, М. Ларуэль, спецификой «мягкой силы» России является то, что она носит не универсальный, а «нишевый» характер. Под этим ученый понимает ограниченный характер воздействия политики «мягкой силы»: ориентацию на достаточно узкую аудиторию граждан страны, использование небольшого количества имеющихся российских информационных ресурсов, к которым традиционно можно отнести российскую историю и культуру, историко-культурное советское наследие, а также современную консервативную политическую идентичность россиян и статус России как защитника от либерального порядка на международной арене [Laruelle, 2021].

Выводы

Очевидно, что сегодня мы должны на государственном уровне отказаться от «нишевого» характера внутренней политики «мягкой силы» и формировать общероссийскую гражданскую идентичность путем системной интеграции как традиционных, так и современных ценностей и смыслов российского государства и общества во всех жизненных областях. Носителями этих смыслов и ценностей должны стать педагоги, наставники, родители, политики, общественные деятели, предприниматели, работники СМИ, блогеры, – все те, кто являет-

ся патриотом России, думающим о её сохранении и развитии, и одновременно служит авторитетом для молодого поколения, от гражданского самосознания которого зависит будущее нашей цивилизации.

Значит, при проведении политики «мягкой силы» важно обращать внимание на отличительные особенности современной российской молодежи. Молодое поколение, безусловно, гораздо более информировано, меньше подвержено стереотипным представлениям о прошлом нашей страны, его отношении к мировым глобалистским и либеральным идеям достаточно позитивное или нейтральное, но при этом следует учитывать «гибкость и пластичность» мышления молодых. Молодежи, в целом, присущи патриотические чувства, она готова выстраивать свою гражданскую позицию в соответствии с направлением, которое задается государственной политикой. Но её постоянное погружение в мировую информационную среду посредством новых технологий требует соответствующих новых подходов к формированию самосознания становящейся личности. Несомненно, что системное и продуманное на государственном уровне с позиций формы и содержания использование политики «мягкой силы» внутри страны (прежде всего в системе образования, науки и культуры, в средствах массовой информации и институтах гражданского общества) будет способствовать эффек-

тивности сложного в период мировой социально-политической нестабильности процесса формирования и развития общероссийской гражданской идентичности.

Попробуем выделить основные условия эффективного формирования гражданской идентичности с учетом использования ресурсов «мягкой силы» внутри российского государства.

Во-первых, в образовательной и молодежной политике государства следует уделять особенно большое внимание вопросам эффективной работы общественно-государственной системы формирования общероссийской гражданской идентичности.

Во-вторых, в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности обязательно учитывать исторические, культурные, социальные, политические, экономические, национальные и конфессиональные особенности страны.

В-третьих, предложенный системный, интегративный характер использования «мягкой силы» в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности, с одной стороны, должен способствовать преодолению «нишевости» политики «мягкой силы», а с другой стороны, должен стать основой преемственности процесса формирования гражданской идентичности и системного взаимодействия субъектов реализации процесса (начиная с семьи и детского сада и заканчивая вузом и местом работы).

В-четвертых, в постиндустриальную информационную эпоху необходимо понимать превалирующую роль и особую значимость СМИ в формировании как личной, так и коллективной гражданской идентичности на основе общей ценностной системы: единой истории и культуры, традиционных общероссийских духовно-нравственных ценностей, общего языка и образования, общих представлений о семье и её роли в общественном развитии.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А. Российская идентичность как мишень медийной индоктринации // Медийная индоктринация: антропологические исследования / отв. ред. В. К. Малькова, В. А. Тишков. Москва : НЭА РАН, 2018. С. 43-57.
2. Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Проблемы постсоветского пространства. 2020. №7(2). С. 130-141.
3. Бугайчук Т. В. Концепт гражданской идентичности в современных социально-политических реалиях / Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 170-177.
4. Кондрашов А. О. Национальная идентичность и ее использование в информационной войне (на примере политического конфликта на Украине) / А. О. Кондрашов, А. С. Розанов // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 67-81.
5. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. URL: <http://government.ru/info/6217/>. (Дата обращения: 06.04.2018).
6. Косякина А. С. Российский подход к концепции «мягкой силы». Анализ и прогноз // ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63-75.
7. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3(54). С. 212-223.
8. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск ; Москва : ФСПИ Тренды, 2006. 221 с.
9. Най Дж. С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. Москва : АСТ; 2014. 444 с.
10. Наумов А. О. От Советского Союза к Российской Федерации: эволюция отечественной системы «мягкой силы» и публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 102-116.
11. Путин В. В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1779/1364>. (Дата обращения: 26.12.2023).
12. Путин В. В. Россия и меняющийся мир. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738>. (Дата обращения: 26.12.2023).
13. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с учетом изменений, внесенных Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 года № 703). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7202001>. (Дата обращения: 25.05.2021).

14. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>. (Дата обращения: 08.02.2021).
15. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 21.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>. (Дата обращения: 08.02.2023).
16. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>. (Дата обращения: 26.12.2023).
17. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>. (Дата обращения: 08.02.2023).
18. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 91 // Официальный интернет-портал правовой информации. 03.07.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=35&rangeSize=1>. (Дата обращения: 26.12.2023).
19. Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Официальный интернет-портал правовой информации. 05.09.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019>. (Дата обращения: 26.12.2023).
20. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. 09.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>. (Дата обращения: 26.12.2023).
21. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К. Д. Собр. соч. В 11 т. Т.8. / Сост. В. Я. Струминский. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. 776 с.
22. Федотова Н. Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». №2. 2022. С. 10-17.
23. Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the 'Russian world(s)' // European Journal of International Relations. 2015. № 22(4). Pp. 773–796.
24. Laruelle M. Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence [Electronic resource] // Russie.Nei.Visions. No. 122. Ifri. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf. (Accessed date: 07.12.2023).
25. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

Reference list

1. Avksent'ev V. A. Rossijskaja identichnost' kak mishen' medijnoj indoktrinacii = Russian identity as a target of media indoctrination // Medijnaja indoktrinacija: antropologicheskie issledovanija / otv. red. V. K. Mal'kova, V. A. Tishkov. Moskva : NJeA RAN, 2018. S. 43-57.
2. Borisov A. V. «Mjagkaja sila»: specifika otechestvennogo ponimaniya = “Soft power”: specifics of national understanding // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. №7(2). S. 130-141.
3. Bugajchuk T. V. Koncept grazhdanskoj identichnosti v sovremennyh social'no-politicheskikh realijah = The concept of civil identity in modern socio-political realities / T. V. Bugajchuk, O. A. Korjakovceva // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2023. № 3 (76). S. 170-177.
4. Kondrashov A. O. Nacional'naja identichnost' i ee ispol'zovanie v informacionnoj vojne (na primere politicheskogo konflikta na Ukraine) = National identity and its use in information warfare (the case of the political conflict in Ukraine) / A. O. Kondrashov, A. S. Rozanov // Cennosti i smysl. 2017. № 6 (52). S. 67–81.
5. Konceptii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 g. = The concepts of long-term socio-economic development of the Russian Federation up to 2020. URL: <http://government.ru/info/6217/>. (Data obrashhenija: 06.04.2018).
6. Kosjakina A. S. Rossijskij podhod k koncepcii «mjagkoj sily». Analiz i prognoz = Russian approach to the concept “soft power”. Analyses and prospects // IMJeMO RAN. 2022. № 2. S. 63-75.
7. Lebedeva M. M. «Mjagkaja sila»: ponjatie i podhody = “Soft power”: the concept and approaches // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. №3(54). S. 212-223.
8. Naj Dzh. Gibkaja vlast': kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike = Flexible power: how to succeed in world politics. Novosibirsk ; Moskva : FSPI Trendy, 2006. 221 s.
9. Naj Dzh. S. Budushhee vlasti: kak strategija umnoj sily menjaet XXI vek = The future of power: How smart power strategy is changing the XXI century. Moskva : AST; 2014. 444 s.
10. Naumov A. O. Ot Sovetskogo Sojuza k Rossijskoj Federacii: jevoljucija otechestvennoj sistemy «mjagkoj sily» i publichnoj diplomatii = From the Soviet Union to the Russian Federation: evolution of the national “soft power” system and public diplomacy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2019. № 2. S. 102-116.
11. Putin V. V. Rossija v menjajushhemsja mire: preemstvennost' prioritetov i nove vozmozhnosti = Russia in the changing world: continuity of priorities and new opportunities. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1779/1364>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).
12. Putin V. V. Rossija i menjajushhij mir = Russia and the changing world. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).
13. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (s uchetom izmenenij, vnesennyh Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 6 dekabrya 2018 goda № 703) = Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025 (including amendments introduced by the De-

cree of the President of the Russian Federation No. 703 of December 6, 2018). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7202001>. (Data obrashhenija: 25.05.2021).

14. Ukaz o nacional'nyh celjah razvitija Rossii do 2030 goda = The Decree on Russia's national goals for development until 2030. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>. (Data obrashhenija: 08.02.2021).

15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.07.2020 № 474 «O nacional'nyh celjah razvitija do 2030 goda» = The Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 № 474 “On the national goals for development until 2030” // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 21.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>. (Data obrashhenija: 08.02.2023).

16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. № 229 «Ob utverzhenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» = The Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 № 229 “On approving the Concept of the Russian Federation's foreign policy”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).

17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2018 goda № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» = The Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the Russian Federation's development until 2024”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>. (Data obrashhenija: 08.02.2023).

18. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii», p. 91 = The Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”, cl. 91 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 03.07.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=35&rangeSize=1>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).

19. Ukaz Prezidenta RF ot 05.09.2022 № 611 «Ob utverzhenii Konceptii gumanitarnoj politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom» = The Decree of the President of the RF dated 05.09.2022 No. 611 “On approving the Concept of the Russian Federation's humanitarian policy abroad” // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 05.09.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).

20. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = The Decree of the President of the RF dated 09.11.2022 No. 809 “On approving the Principles of state policy for preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values” // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 09.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>. (Data obrashhenija: 26.12.2023).

21. Ushinskij K. D. Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogicheskoj antropologii // Ushinskij K. D. Sobr. soch. V 11 t. T.8 = Ushinsky K. D. Man as a subject

of education. Experience in pedagogical anthropology // Ushinsky K. D. Collected works. In 11 vol. V.8. / Sost. V. Ja. Struminskij. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1950. 776 s.

22. Fedotova N. N. Mjagkaja sila Rossii: vyzovy i perspektivy = The soft power of Russia: challenges and prospects // Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna». Serija «Nauki o cheloveke i obshhestve». №2. 2022. S. 10-17.

23. Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the ‘Russian world(s)’ // European Journal of International Relations. 2015. № 22(4). Pp. 773–796.

24. Laruelle M. Russia’s Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence [Electronic resource] // Russie.Nei.Visions. No. 122. Ifri. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf. (Accessed date: 07.12.2023).

25. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 16.01.2024; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 323
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-19
EDN EYLIGA

**Государственная политика России по предотвращению
межнациональных, межконфессиональных
и межкультурных конфликтов**

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. Автором статьи предпринята попытка изучить как часто иностранные студенты из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Китая сталкиваются с разного рода конфликтами (межнациональными, межкультурными, межконфессиональными). В рамках исследования выявлено, что граждане стран СНГ в большей степени, чем представители Китая, сталкиваются с агрессией со стороны представителей других национальностей. Установлено, что у иностранных студентов, чьи родители имеют высшее образование, лучше развиты навыки и умения по разрешению конфликтов. Чем выше уровень освоения русского языка тем, меньше оказывает стрессогенное воздействие новая культура на человека. Девушки-мигранты больше, чем юноши мигранты подвержены «культурной утомляемости». В процессе исследования выявлено, что чем ниже уровень образования у иностранного гражданина, тем выше степень неприязни, предубеждения, вражды по отношению к гражданам РФ. Автором статьи установлено, что чем выше курс обучения, тем меньше иностранный гражданин испытывает в рамках обучения в вузе предубежденность и вражду. Чем ниже курс обучения, тем чаще конфликты возникают из-за языковых барьеров и интерпретативных ошибок. Выявлено, что большая часть студентов граждан РФ на I курсе имеет четко устоявшиеся стереотипы в отношении представителей других национальностей (иностранцев), что при определенных ситуациях приводит к конфликтам. Национальность иностранного гражданина влияет на процесс коммуникации: к гражданам из Китая российские студенты относятся лучше, чем к гражданам из Таджикистана, Узбекистана. Доказано, что чем больше опыт межкультурного взаимодействия у российских студентов с иностранными гражданами, тем меньше стереотипов о ценностях и нормах, присущих иностранным студентам, магистрантам, что напрямую ведет к сокращению конфликтов.

Ключевые слова: межнациональные конфликты; межкультурные конфликты; «культурный шок»; идентичность; межкультурная коммуникация; студенты; иностранные граждане

© Таланов С. Л., 2024

Для цитирования: Таланов С. Л. Государственная политика России по предотвращению межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 19-35. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-19>. <https://elibrary.ru/EYLIGA>.

Original article

Russia's state policy on the prevention of interethnic, interconfessional and intercultural conflicts

Sergey L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher at the Center for studying adaptation processes in a changing society, Federal Research Sociological Center of the RAS, Moscow

talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. The author of the article makes an attempt to study how often foreign students from Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, China face different kinds of conflicts (interethnic, intercultural, interreligious). The study reveals that citizens of CIS countries face aggression from representatives of other nationalities to a greater extent than Chinese people. It has been found that international students whose parents have higher education are better at conflict management. The more advanced the level of the Russian language is, the less stressful is the impact of the new culture on the person. Migrant girls are more susceptible to “cultural fatigue” than migrant boys. The study shows that the lower a foreign citizen’s level of education is, the greater is the dislike, prejudice and hostility towards the citizens of the RF. The author has found that foreign students in their senior years of studying at university feel less prejudice and hostility, but the lower the year of studying, the more frequent are the conflicts caused by language barriers and misunderstanding. The majority of Russian 1st year students have clearly established stereotypes in relation to members of other nationalities (foreign citizens), which leads to conflicts in certain situations. The nationality of a foreign citizen influences the communication process: Russian students' attitude to Chinese citizens is better than to citizens of Tajikistan and Uzbekistan. The author proves that the more experience of intercultural communication Russian students have with foreign citizens, the fewer stereotypes there are about the values and norms specific to foreign students, which results in fewer conflicts.

Keywords: interethnic conflicts; intercultural conflicts; “culture shock”; identity; intercultural communication; students; foreign citizens

For citation: Talanov S. L. Russia's state policy on the prevention of interethnic, interconfessional and intercultural conflicts. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 19-35. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-19>. <https://elibrary.ru/EYLIGA>.

Актуальность исследования дается рост межнациональных, Согласно информации МВД РФ, межкультурных и межконфессиональных конфликтов. По данным в последнее время в России наблю-

социологов, в основном эти конфликты возникают из-за непонимания и незнания межнациональных, межкультурных и межконфессиональных особенностей, и взаимодействия людей друг с другом, при вербальной, невербальной и паравербальной (тембр, громкость и т. д.) коммуникациях [Бабуркин, 2017]. Попадая в другую культурную среду, не каждый способен пережить «шок культурного перехода» («культурный шок»), в результате человек становится агрессивным, вспыльчивым и т. д.

Проблемы возникают не только у тех, кто приехал (психическое потрясение), а также и у той части населения, которая взаимодействует с иностранными гражданами. Из-за постоянного стресса, депрессии, незнания основ культуры страны пребывания, а также навязанного рекламой, фильмами и т. п. «образа успеха», часть иностранных граждан часто идет на конфликты. Кроме того, ситуация усложняется еще и тем обстоятельством, что примерно одна треть мигрантов не может адаптироваться к быстро меняющейся реальности и начинают совершать преступления.

По мнению позиционных экспертов, чем выше уровень образованности или образования у иностранного гражданина, тем меньше вероятность перехода конфликтной ситуации в конфликт. Но, к сожалению, по данным статистики МВД России, наблюдается рост преступ-

ности (экстремизм, терроризм, распространение наркотиков) среди иностранных граждан, обучающихся в российских вузах. Учитывая вышеизложенное, мы предприняли попытку проанализировать уровень межнациональных, межкультурных, межконфессиональных конфликтов среди иностранных студентов, обучающихся в российских вузах и меры, принимаемые властями по их профилактике.

Постановка проблемы

В мире существует огромное количество крупных этносов (более 8 тыс.), а всего государств по данным ООН 193, то есть большинство стран мира являются многонациональными. При этом надо помнить, что ни одно общество не является однородным по составу. В обществе, как правило, присутствуют различные этнические культуры и субкультуры. По этой причине, ученые разных стран мира, активно изучают причины межнациональных, межкультурных, межконфессиональных конфликтов и пути их преодоления [Asquer, 2020; Lebeau, 2022; Килимник, 2022; Казарова, 2022; Субеев, 2019].

Проведенный нами вторичный анализ показал, что в основном ученые изучают проблемы, связанные с профилактикой экстремизма и ранним предупреждением межнациональных конфликтов [Давыдов, 2021; Килясханов, 2020; Lymarev, 2018; Mattsson, 2016].

Роль культуры межнационального общения в предупреждении конфликта культур широко освещена в трудах видных ученых социологов и политологов [Мати, 2017; Таланов, 2022].

Политологи, филологи, культурологи пришли к единому мнению, что к коммуникационным конфликтам чаще всего ведет низкая готовность к адаптации, а также фрустрированные индивидуальные потребности [Гаврилов, 2017].

Российские социологи пришли к выводу, что причинами коммуникативных конфликтов являются не только культурные различия, но и социальное неравенство, конфликт поколений и т. п. [Елисеева, 2020].

Для минимизации причин, ведущих к межэтническим, межконфессиональным и межкультурным конфликтам политологи предлагают проводить больше мероприятий, направленных на знакомство людей с культурными традициями и особенностями представителей других этносов и т. п. [Месилов, 2017; Зазнаев, 2021].

Зарубежные ученые в своих исследованиях пришли к выводу, что образование является эффективным средством профилактики межнациональных конфликтов [Borden, 2014; Bruckmann, 2014; Delaney, 2014; Lebeau, 2022].

Выводы, полученные исследователями, учитывались нами при разработке программы исследования.

Эмпирическая база исследования

Анализ статистики Росстата демонстрирует, что в российских ву-

зах в настоящее время обучается наибольшее количество иностранных граждан из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Китая. Учитывая данное обстоятельство, мы решили провести опрос среди студентов, магистрантов и аспирантов из этих стран, чтобы учесть их значительное представительство в российских учебных заведениях.

В 2023 году были опрошены иностранные студенты (4 курса), магистранты (2-го года обучения), обучающиеся в: РУДН; КФУ; МФПУ; СПбПУ; МГУ; ВШЭ; СПбГУ.

При исследовании была применена двухступенчатая выборка, выборка квотная со случайным механическим отбором респондентов на две ступени:

Первая ступень – отбор вузов, в которых в 2023/2024 академическом году обучалось наибольшее количество иностранцев. Отобрали 7 вузов.

Вторая ступень – онлайн опрос. Сначала пользователи самых популярных социальных сетей (ВКонтакте), увидев рекламу на веб-сайте, зарегистрировались на сайте панели. Затем респондент оставлял базовую социально-демографическую информацию о себе (свою профильную анкету) и только после этого, он становился участником панели. Если респонденты соглашались принять участие, то переходили по ссылке и самостоятельно заполняли анкету. Специальная программа позволяла контролировать, что каждый респондент может отдать свой голос только

один раз. Онлайн-опрос проводился в соответствии с заданными квотами, рассчитанными для каждого вуза в соответствии с численностью в нем иностранных студентов.

Переменные квотирования: пол, страна, уровень образования родителей, статус (студент, магистрант). Объем выборки составил $n=1\ 200$ человек.

Для респондентов проводилась серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрантами, $n=50$.

Проведена серия глубинных интервью позиционных экспертов (председатели региональных отделений Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России»; члены общественно наблюдательных комиссий (ОНК); ученые, которые занимаются предотвращением межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов), $n=50$.

Авторская гипотеза

Государственная политика РФ по предотвращению межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов будет более эффективной по сравнению с имеющейся практикой, при соблюдении следующих условий:

- улучшения (совершенствование) миграционной политики;
- повышения уровня взаимодействия между государственными ведомствами в сфере профилактики межнациональных конфликтов;

– граждане РФ будут проявлять терпимость по отношению к представителям других этнических, культурных и религиозных групп путем преодоления стереотипов в межкультурном общении;

– если обяжут иностранных граждан при получении визы, гражданства, поступления в образовательное учреждение проходить (тренинги) обучение по межкультурной коммуникации;

– во всех вузах, в которых учаются иностранные граждане, ввести в учебную программу курс «Основы межкультурной коммуникации»;

– преподавателям систематически повышать квалификацию по формированию межкультурной толерантности и стратегии разрешения конфликтов.

Рабочие гипотезы

1. граждане стран СНГ в большей степени, чем представители Китая, сталкиваются с агрессией со стороны представителей других национальностей;

2. у иностранных студентов, чьи родители получили высшее образование, лучше развиты навыки и умения по разрешению конфликтов;

3. иностранные студенты из семей, чьи родители не получали высшего образования, имеют фрагментарные представления о стратегии разрешения конфликтов;

4. чем выше уровень освоения русского языка, тем меньше оказывает стрессогенное воздействие но-

вая культура на человека (меньше «культурный шок»);

5. девушки-мигранты, больше чем юноши-мигранты, подвержены «культурной утомляемости» («шоку культурного перехода»);

6. чем ниже уровень образования у иностранного гражданина, тем выше степень его неприязни, предубеждения, по отношению к гражданам РФ;

7. чем выше курс обучения, тем меньше предубежденности и вражды испытывает иностранный гражданин во время учебы в высшем учебном заведении;

8. чем ниже курс обучения, тем чаще возникают конфликты из-за языковых барьеров и интерпретативных ошибок;

9. на первом курсе большинство студентов – граждан РФ, имеют четко устоявшиеся стереотипы в отношении представителей других

национальностей (иностранных граждан), что при определенных ситуациях приводит к конфликтам. Национальность иностранного гражданина влияет на процесс коммуникации. Российские студенты положительно относятся к гражданам из Китая, чем к гражданам из Таджикистана и Узбекистана.

10. Чем больше опыт межкультурного взаимодействия у российских студентов с иностранными гражданами, тем меньше у них стереотипов о ценностях и нормах, присущих иностранным студентам и магистрантам, что напрямую ведет к сокращению конфликтов.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, как иностранные студенты относятся к людям других национальностей, культуры или лицам, исповедующим другие религии (см. табл. 1).

Таблица 1.

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям других национальностей?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Положительно ко всем людям	33	45	28	60
Положительно, но только к некоторым национальностям	28	14	17	11
Отрицательно ко всем людям	7	5	5	—
Отрицательно, но только к некоторым национальностям	12	14	21	11
Нейтрально	14	10	10	13
Нейтрально, но только к некоторым национальностям	6	7	14	5
Затрудняюсь ответить	—	5	5	—

Как видно из ответов опрошенных, большая часть студентов из Китая положительно относится к лю-

дям других национальностей. Вызывает озабоченность тот факт, что ряд студентов из Казахстана, Узбекиста-

на, Таджикистана и Китая указали, что отрицательно относятся к представителям ряда национальностей. В анкете были предусмотрены открытые вопросы, чтобы респонденты могли дать развернутые ответы. Так, большинство опрошенных независимо от гендерных особенностей и национальности отметили, что в рамках обучения на 1 курсе имели множество негативных стереотипов

относительно граждан ряда национальностей. Со временем через общение, в рамках спорта, волонтерства, самодеятельности и т. д., негативные стереотипы удалось разрешить.

Далее мы изучали, как иностранные студенты относятся к людям, исповедующим другие религии (см. табл. 2).

Таблица 2.
Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям, исповедующим другую религию?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Нейтрально к людям, исповедующим другую религию	37	44	50	12
Положительно, но только к некоторым конфессиям	30	23	21	—
Положительно к людям, исповедующим другую религию	25	15	13	80
Отрицательно, но только к некоторым конфессиям	8	13	16	—
Отрицательно ко всем людям, исповедующим другую религию	—	—	—	—
Нейтрально, но только к некоторым конфессиям	—	—	—	—
Затрудняюсь ответить	—	5	—	8

Из ответов респондентов следует, что большинство студентов из Китая относятся положительно к представителям других конфессий, в то время как большинство студентов из Узбекистана и Таджики-

стана выражают нейтральное отношение к представителям других религий. Далее мы изучали, как иностранные студенты относятся к людям другой культуры (см. табл. 3).

Таблица 3.

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к людям другой культуры?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Положительно ко всем людям, представляющим иной культурный код	40	50	32	67
Положительно, но только к некоторым людям другой культуры	30	16	22	13
Нейтрально	18	15	15	15
Отрицательно, но только к некоторым людям другой культуры	12	14	21	—
Нейтрально, но только к некоторым людям другой культуры	—	—	—	5
Отрицательно ко всем людям, представляющим иной культурный код (иную духовную или художественную культуру)	—	—	5	—
Затрудняюсь ответить	—	5	5	—

Анализ таблиц 1-3 показывает, что, в целом, респонденты положительно относятся к представителям другой культуры, чем к людям другой национальности и вероисповедания.

Далее мы изучали, испытывают ли иностранные студенты проблемы при общении с людьми других национальностей, культур или вероисповеданий (см. табл. 4).

Таблица 4.

Ответы респондентов на вопрос: «Испытывали или испытываете Вы проблемы при общении с людьми других национальностей, культур или вероисповеданий в рамках обучения в вузе?» *

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Сейчас нет проблем при общении	90	89	87	85
Были проблемы на 1 курсе	12	14	21	11
Были проблемы на 2 курсе	8	6	7	—
Были проблемы на 3 курсе	—	—	—	—
Были проблемы на 4 курсе	—	—	—	—
На 1 курсе магистратуры	—	—	—	—
На 2 курсе магистратуры	—	—	—	—
Есть проблемы при общении, но только с представителями некоторых национальностей	5	6	8	5
Есть проблемы при общении	—	—	—	—
Затрудняюсь ответить	5	5	5	—

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, проблемы при общении были только у небольшого числа иностранных студентов, в основном, на 1 и 2 курсах обучения.

Далее мы изучали, испытывают ли иностранные студенты проблемы при общении с людьми других национальностей, культур или вероисповеданий вне рамок обучения в вузе (см. табл. 5).

Таблица 5.

Ответы респондентов на вопрос: «Испытываете ли Вы в настоящее время проблемы при общении с людьми других национальностей, культур или вероисповеданий вне рамок обучения в вузе?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
В общественных местах	26	67	78	6
В районе проживания вне общежития	13	25	34	5
В других районах города	12	25	34	—
В общежитие	5	5	6	—
В общественном транспорте	—	5	6	—
В вузе	—	—	—	—
Не испытывают проблем	—	—	—	84
Затрудняюсь ответить	5	5	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Из ответов видно, что студенты из Таджикистана и Узбекистана чаще всего сталкиваются с проблемами при общении вне вуза, в то время как студенты из Китая чувствуют себя более комфортно при общении с представителями других национальностей. Большинство опрошенных студентов из Таджикистана и Узбе-

кистана отметили, что русские относятся к ним нейтрально или положительно, в то время как представители ряда других национальностей – негативно.

Далее мы изучали основные источники получения информации о гражданах, проживающих в России (см. табл. 6).

Таблица 6.

Основные источники получения информации о гражданах, проживающих в РФ*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Рассказывали родители, дедушки, бабушки и другие родственники	85	88	90	24

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Рассказывали друзья	21	22	14	15
В школе увлекательно рассказывали о РФ о людях, проживающих в стране, ее культуре и т. д.	17	21	24	63
Периодически смотрел новости о РФ и т. п.	14	16	13	29
Общение согражданами, которые учились в РФ	12	8	9	11
Общение с гражданами из России на своей Родине	11	21	12	11
Туристические, образовательные поездки и т. п.	8	11	8	11
Радио	6	7	7	7
Газеты, журналы	5	5	-	7
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов опрошенных, основные источники получения информации о гражданах России – это рассказы родителей, дедушек, бабушек и других родственников.

Одним из важных индикаторов, который указывает о наличии согласия или разногласий между

представителями разных национальностей (культур, религий), является отношение иностранных граждан к браку с представителями других национальностей. В связи с этим, в рамках нашего исследования, мы изучали взгляды иностранных студентов на межэтнические браки (см. табл. 7).

Таблица 7.

Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к межэтническим бракам?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Отрицательно	66	65	71	53
Положительно	17	15	13	33
Положительно, но только с представителями некоторых национальностей	12	8	6	9
Нейтрально	5	6	5	5
Затрудняюсь ответить	—	6	5	—

Как видно из ответов, большая часть опрошенных, независимо от национальности, вероисповеданий,

пола, отрицательно относится к межэтническим бракам.

Далее мы изучали, в чем причины межнациональных, межкультурных и межконфессиональных конфликтов (см. табл. 8).

Таблица 8.

Ответы респондентов на вопрос: «В чем Вы видите причины межнациональных, межкультурных, межконфессиональных конфликтов?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
В существовании стереотипов, из-за которых происходит непонимание обычаев, традиции других культур	100	100	100	100
В отсутствии должного поведения представителей других национальностей	46	64	72	81
В низком материальном обеспечении определенной части населения	44	18	17	62
Низкий уровень образования населения	42	33	25	67
В неправильной государственной политике	34	46	76	13
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Из ответов опрошенных видно, что основными причинами конфликтов являются закрепленные в обществе стереотипы.

Далее мы изучали, какие мероприятия, связанные с этнокультур-

ным развитием и профилактикой межнациональных, межкультурных, межконфессиональных конфликтов, проводятся в вузах (см. табл. 9).

Таблица 9.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие мероприятия, связанные с этнокультурным развитием, проводятся в вашем вузе?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Информационно-просветительские мероприятия, в частности, читают лекции о профилактике экстремизма и терроризма сотрудники ФСБ и МВД	100	100	100	100
Демонстрация кинофильмов	77	78	75	78
Форумы, конференции, круглые столы, семинары	74	78	80	82
Встречи с деятелями культуры, общин, диаспор и т. п.	67	64	68	69

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Китай
Спортивно-оздоровительные мероприятия, посвященные межкультурному взаимодействию	58	57	58	57
Экскурсии (музей, выставки и т. п.)	56	55	58	57
Затрудняюсь ответить	5	5	—	—

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Из таблицы 9 видно, что в вузах преимущественно проводятся мероприятия по информационному просвещению.

Согласно результатов интервью позиционных экспертов (n=50), можно привести следующие высказывания респондентов:

Юсуф, 22 года, студент из Таджикистана.

«Мне нравится привлекать внимание, чувствовать себя значимой личностью. Но в РФ, особенно в общественных местах, я себя ощущаю изгоем, аутсайдером. Я думал об этом. Пришел к выводу, что из-за того, что огромное количество моих соотечественников работают в России, на не престижных должностях, не требующих интеллектуальных способностей, у обывателей складывается впечатление, что все таджики имеют низкий уровень образования. В принципе, я очень хорошо отношусь к людям, поскольку я исповедую ислам, и у нас сказано, что люди не делятся по национальности».

Азиз, 22 года, студент из Узбекистана.

«Меня всегда учили, что важно поддерживать удовлетворительные

отношения со всеми окружающими тебя людьми. Мне нравится быть в центре внимания, я не нарцисс. Я просто люблю привлекать внимание, интерес окружающих. Но в РФ меня стараются не замечать. С русскими девушками сложно устанавливать доверительные отношения, даже наличие у меня большого количества денег не меняет ситуацию. Своей дорогой машиной, одеждой, часами и т. д., я только еще больше всех раздражаю. В итоге, я постоянно нахожусь в агрессивном и подавленном настроении, а из-за этого периодически возникают конфликты».

Хэпин, 22 года, студент из Китая.

«Мне нравится Россия и люди, живущие в ней. Уже четыре года как я учусь в Москве. Ни разу еще не сталкивался с конфликтами. Хотя перед поездкой в РФ, я много читал информации на различных сайтах в интернете, что не все граждане России толерантно относятся к иностранцам. Но это все стереотип. У меня большое количество дружеских отношений с представителями РФ. Хотя я и замечаю, что иногда в общении к некоторым иностранным студентам (та-

джикам, узбекам) относятся агрессивно и с высокомерием».

Мы видим из типичных высказываний респондентов, что у наших опрошенных очень развита потребность в аффилиации, то есть потребность поддерживать хорошие отношения с другими людьми.

Проведена серия глубинных интервью позиционных экспертов, n=50. Далее приводим некоторые типичные высказывания респондентов.

Председатель регионального отделения ООГО «Ассамблея народов России».

«Государственная политика РФ по предотвращению межнациональных конфликтов ведется недостаточно эффективно. Надо совершенствовать миграционную политику. Понимаю, что очень низкая рождаемость, высокая смертность и т. п., но в страну, к сожалению, как правило, приезжают те, кто не планируют интегрироваться, а пытаются навязать свои ценности, раздражают местное население, совершают преступления и т. п. Мы приезжим строим детские сады и т. д., но надо создать хорошие условия для граждан РФ, а потом уже и для приезжих. Надо впускать страну только высококвалифицированные кадры. Ужесточить прием экзамена по русскому языку».

Профессор, 65 лет.

«Если мы срочно не усовершенствуем российское миграционное

законодательство, то через 60-80 лет наша страна будет совершенно с другим культурным кодом. У мигрантов по 5-7 детей, а у нас на одну женщину репродуктивного возраста приходится всего 1,4 ребенка. Нам без мигрантов не обойтись. Важно, чтобы те, кто приезжают учиться в вузы РФ, оставались после обучения и работали на нашу экономику».

Член ОНК-4, 5 созывов, 50 лет.

«Проверяю места принудительного содержания около 6 лет. Вижу, что в исправительных колониях из 1 200 заключенных примерно по 300-400 человек из стран ближнего зарубежья. Кроме того, вызывает тревогу и тот факт, что наблюдается рост преступности среди иностранных студентов обучающихся в российских вузах, причем они совершают преступления экстремисткой, террористической направленности. А ряд студентов из СНГ, целенаправленно приезжают продавать наркотики гражданам РФ. Надо не только лишать приобретенного гражданства лиц, нарушающих законы РФ, но и, в целом, ужесточить наказания для иностранных граждан».

Мы видим, что позиционные эксперты считают, что необходимо срочно совершенствовать миграционную политику. В частности, предлагают ужесточить наказания для иностранных граждан, совершающих административные и уголовные правонарушения.

Заключение

В рамках исследования нашли подтверждение основная и рабочие гипотезы.

С целью совершенствования государственной политики России по предотвращению межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов, необходимо:

1. систематически и целенаправленно осуществлять мониторинг и диагностику межнациональных, межконфессиональных и межкультурных отношений;

2. проводить социологические исследования, направленные на изучение межэтнических отношений, толерантности и интолерантности в образовательной среде вузов;

3. администрация вуза должна выстраивать взаимодействие с

национальными диаспорами и общинами;

4. преподавателям систематически повышать квалификацию в области профилактики межнациональных, межкультурных и межконфессиональных конфликтов;

5. совершенствовать миграционную политику, в частности, за нарушение российского законодательства, депортировать иностранных граждан из РФ;

6. увеличить в вузах количество культурно-просветительских мероприятий, направленных на воспитание культуры межнационального обмена;

7. ужесточить уголовную ответственность за проявление дискриминации по отношению гражданам разных национальностей.

Библиографический список

1. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) / С. А. Бабуркин, С. Л. Таланов // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2017. № 1. С. 27-32.
2. Гаврилов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2017. № 6. С. 24-30.
3. Давыдов А. В. Профилактика экстремизма в студенческой среде / А. В. Давыдов, Д. Т. Березин, Ф. Ю. Кушнарев, Н. А. Храмков // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2021. № 3. С. 32-41.
4. Елисеева Е. С. Межнациональные конфликты в студенческой среде // *Форум молодежной науки*. 2020. Т. 1, № 6. С. 25-31.
5. Зазнаев О. И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 1. С. 25-42.
6. Казарова Д. С. Проблема межнациональных конфликтов и культурной адаптации в современном обществе, пути разрешения и предупреждения таких конфликтов / Д. С. Казарова, П. С. Володина, В. А. Типунова // *Обзор педагогических исследований*. 2022. Т. 4, № 3. С. 235-242.
7. Килимник Е. В. Межнациональные конфликты в Казахстане в постсоветский период // *Теория и практика мировой науки*. 2022. № 10. С. 8-15.

8. Киясханов М. Х. Об общественной опасности националистического экстремизма и межнациональных конфликтов // Интернаука. 2020. № 21-3 (150). С. 24-25.
9. Матис В. И. Роль культуры межнационального общения в предупреждении конфликта культур // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2017. №5. С. 75-90.
10. Месилов М. А. Современная международная практика разрешения межнациональных и межэтнических конфликтов (организационно-правовой опыт) / М. А. Месилов, Л. В. Милованова // Российское государственное управление. 2017. № 1. С. 119-129.
11. Субеев Р. Г. Межнациональные конфликты и глобальные угрозы современности: анализ современной политической ситуации в Великобритании // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 1, № 4. С. 168-176.
12. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
13. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // Public Management Review. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
14. Borden, C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in Higher Education, 2014. 55(2), Pp. 196-217.
15. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary Education and Management. 2014. 20(3), Pp. 193-206.
16. Delaney, J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // Research in Higher Education, 2014. 55(5), Pp. 433-466.
17. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy Reviews in Higher Education. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
18. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy Reviews in Higher Education. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
19. Lymarev A.V. Prevention of Terrorism and Extremism in Universities // European Journal of Natural History. 2018. № 2. P. 84-87.
20. Mattsson C., Hammarén, N., Odenbring, Y. Youth 'at risk': A critical discourse analysis of the European Commission's Radicalisation Awareness Network Collection of approaches and practices used in education// Power and Education. 2016. № 8(3). 251-265.

Reference list

1. Baburkin S. A. Mezhnacional'nye otnosheniya v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Interethnic relations in universities of central Russia (based on the data of the Yaroslavl region) / S. A. Baburkin, S. L. Talanov // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2017. № 1. S. 27-32.
2. Gavrilov A. V. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii = Education as a tool of “soft power” in Russia’s foreign policy // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 6. S. 24-30.
3. Davydov A. V. Profilaktika jekstremizma v studencheskoj srede = Preventing extremism in students’ environment / A. V. Davydov, D. T. Berezin, F. Ju. Kushnarev, N. A. Hramkov // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2021. № 3. S. 32-41.
4. Eliseeva E. S. Mezhnacional'nye konflikty v studencheskoj srede = Interethnic conflicts in students’ environment // Forum molodezhnoj nauki. 2020. T. 1, № 6. S. 25-31.
5. Zaznaev O. I. Jetnicheskij konflikt i forma pravlenija: sovremennye diskussii = Ethnic conflicts and the form of government: contemporary debates // Polis. Politicheskie issledovanija. 2021. № 1. S. 25-42.
6. Kazarova D. S. Problema mezhnacional'nyh konfliktov i kul'turnoj adaptacii v sovremennom obshhestve, puti razresheniya i preduprezhdenija takih konfliktov = The problem of interethnic conflicts and cultural adaptation in the modern society, ways to resolve and prevent such conflicts / D. S. Kazarova, P. S. Volodina, V. A. Tipunova // Obzor pedagogicheskikh issledovanij. 2022. T. 4, № 3. S. 235-242.
7. Kilimnik E. V. Mezhnacional'nye konflikty v Kazahstane v postsovetskij period = Interethnic conflicts in Kazakhstan in the post-Soviet period // Teorija i praktika mirovoj nauki. 2022. № 10. S. 8-15.
8. Kiljashanov M. H. Ob obshhestvennoj opasnosti nacionalisticheskogo jekstremizma i mezhnacional'nyh konfliktov = On the social danger of nationalist extremism and interethnic conflicts // Internauka. 2020. № 21-3 (150). S. 24-25.
9. Matis V. I. Rol' kul'tury mezhnacional'nogo obshhenija v preduprezhdenii konflikta kul'tur = The role of the interethnic communication culture in preventing conflicts of cultures // Social'naja integracija i razvitie jetnokul'tur v evrazijskom prostranstve. 2017. №5. S. 75-90.
10. Mesilov M. A. Sovremennaja mezhdunarodnaja praktika razresheniya mezhnacional'nyh i mezhjetnicheskikh konfliktov (organizacionno-pravovoj opyt) = Modern international practice of resolving national and ethnic conflicts (organizational and legal experience) / M. A. Mesilov, L. V. Milovanova // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2017. № 1. S. 119-129.
11. Subeev R. G. Mezhnacional'nye konflikty i global'nye ugrozy sovremennosti: analiz sovremennoj politicheskoj situacii v Velikobritanii = Interethnic conflicts and global threats of the present: analysis of the current political situation in the UK // Moja professional'naja kar'era. 2019. T. 1, № 4. S. 168-176.
12. Talanov S. L. Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The role of education in Russia's soft power policy: strategic directions and tools // Mir russkogovorjashhijh stran. 2022. № 2 (12). S. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.

13. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // *Public Management Review*. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.

14. Borden, C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // *Research in Higher Education*, 2014. 55(2), Pp. 196-217.

15. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // *Tertiary Education and Management*. 2014. 20(3), Pp. 193-206.

16. Delaney, J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // *Research in Higher Education*, 2014. 55(5), Pp. 433-466.

17. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // *Policy Reviews in Higher Education*. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.

18. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // *Policy Reviews in Higher Education*. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.

19. Lymarev A.V. Prevention of Terrorism and Extremism in Universities // *European Journal of Natural History*. 2018. № 2. P. 84-87.

20. Mattsson C., Hammarén, N., Odenbring, Y. Youth 'at risk': A critical discourse analysis of the European Commission's Radicalisation Awareness Network Collection of approaches and practices used in education // *Power and Education*. 2016. № 8(3). 251-265.

Статья поступила в редакцию 08.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 08.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 327(510+470)
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-36
EDN BXAOTY

Самоформирование имиджа Китая (на материале русскоязычного перевода Доклада о работе правительства КНР)

Ван Ляньцэнь^{1✉}, Ван Минь²

¹Кандидат педагогических наук, доцент Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР, г. Чунцин.

²Аспирант Юго-Западного университета КНР. КНР, г. Чунцин.

¹wangliancen@126.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

²m15264988445@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-4845-7590>

Аннотация. Национальный имидж – это основное проявление комплексной силы страны, включающее в себя как общую идентификацию страны ее населением, так и общее восприятие международной общественностью различных аспектов страны. В последние годы по мере усиления позиций Китая на международной арене, его образ все чаще оказывается в центре внимания зарубежных СМИ. В формировании имиджа Китая можно выделить самоформирование и формирование имиджа другими инстанциями. В статье рассматривается изучение самоформирования имиджа китайского правительства, являющегося неотъемлемой частью имиджа Китая. В качестве исследовательского корпуса взят «Доклад о работе правительства КНР 2002-2022 гг.» и его перевод на русский язык, в качестве сравнительно-сопоставительного корпуса – «Послание Федеральному Собранию РФ». На основе трехмерной модели дискурсе-анализа и с использованием метода корпусного исследования в данной статье описываются лингвистические особенности русского перевода Доклада о работе правительства КНР путем подсчета высокочастотных слов и тематических слов в русском переводе доклада, объясняется процесс участия перевода в дискурсивной практике, делается попытка объяснить основные факторы процесса дискурсивной практики через анализ социальной практики. Результаты исследования показывают, что использование высокочастотных слов и тематических слов в русском переводе доклада успешно формирует образ китайского государства как авторитетного и строгого, ориентированного на людей, реалистичного, всеобъемлющего, заслуживающего доверия и последовательного в достижении целей. В результате анализа социальной практики дискурсивного процесса текста было установлено, что на дискурсивный процесс русского перевода доклада оказывают влияние такие факторы социальной практики как факторы общественного развития и политические факторы. Практическая значимость данного исследования заключается в объяснении процесса социальной практики формирования имиджа страны через дискурсивную

практику в процессе перевода Доклада, что позволит создать основу для самостоятельного формирования национального имиджа в переводе политического дискурса.

Ключевые слова: национальный имидж; национальное самосознание; конструирование имиджа; Доклад о работе правительства КНР; Послание Федеральному Собранию РФ; политический дискурс; национальная идентичность; перевод; трехмерный дискурс-анализ

Для цитирования: Ван Ляньцзэн, Ван Минь Самоформирование имиджа Китая (на материале русскоязычного перевода Доклада о работе правительства КНР) // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 36-52. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-36>. <https://elibrary.ru/BXAOTY>.

Original article

China's image self-formation (based on the russian translation of the Work Report)

Wang Liancen¹, Wang Min²

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southwest university of Chongqing, PRC, Chongqing

²Post-graduate student at Southwest university of Chongqing, PRC. Chongqing

¹wangliancen@126.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

²m15264988445@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-4845-7590>

Abstract. National image is the principal manifestation of a country's integrated strength, which includes both its general identification by the population and the perception of various aspects of the country by the international community. In recent years, as China's position in the international arena has been strengthening, its image is more often in the center of foreign media's attention. In China's image formation, one can distinguish image self-formation and image formation by other instances. This article examines the self-formation of the Chinese government's image, which is an integral part of China's image. The Report on the Work of the PRC Government 2002-2022 and its translation into Russian are taken as the research corpus; the Address to the Federal Assembly of the RF is taken as the comparative corpus. Based on the three-dimensional discourse analysis model and using the corpus research method, this paper describes the linguistic features of the Russian translation of the Work Report by calculating high-frequency words and thematic words in the Russian translation. The authors explain the role of the translation in discursive practice, attempting to explain the main factors of the discourse process through the social practice analysis. The results of the study show that using high-frequency and thematic words in the Russian translation of the Report succeed in creating an image of the Chinese state as authoritative and strict, people-oriented, realistic, comprehensive, trustworthy and consistent in achieving goals. The result of analyzing the social practice of the text discursive process, show that the discursive process of the Russian translation is influenced by such social practice factors as social development and political ones. The practical significance of this study is to ex-

---

Самоформирование имиджа Китая

(на материале русскоязычного перевода Доклада о работе правительства КНР)

plain the process of forming the national image through social discursive practice in the translation of the Report, which can help provide the basis for the national image formation in the political discourse translation.

Keywords: national image; national identity; image construction; the Report on the Work of the PRC Government; the Address to the Federal Assembly of the RF; political discourse; national identity; translation; three-dimensional discourse analysis

For citation: Wang Liancen, Wang Min China's image self-formation (based on the Russian translation of the Work Report). *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 36-52. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-36>. <https://elibrary.ru/BXAOTY>.

Введение

Национальный имидж – это познание и оценка политических, экономических, социальных, культурных и географических условий страны как с внутренней, так и внешней общественностью [孙有中, 2002]. Формирование правильного позитивного имиджа Китая поможет миру лучше понять современную КНР. Однако на международной арене обозначается мнение, которое ставит признание Китая под сомнение и неверно интерпретирует его, потому что право формировать имидж Китая узурпировали СМИ и ученые западных стран. Поэтому нам необходимо срочно формировать свой собственный национальный имидж и проявлять инициативу по повышению международного признания [侯衍社、侯耀文, 2019].

Доклад о работе правительства КНР может показать международному сообществу реальный и всесторонний имидж китайского правительства, что оказывает самое непосредственное и масштабное влияние на формирование имиджа

Китая. Поэтому изучение конструирования собственного имиджа Китая в переведенном докладе имеет большое значение для формирования хорошего национального имиджа Китая и формирования благоприятной внешней среды общественного мнения.

Степень исследованности проблемы

Китайские политологи провели большое количество исследований, посвященных анализу, формированию и распространению имиджа Китая. В исследованиях по анализу имиджа Китая Ван Кунь [王琨, 2021], Пэн Вэньцин [彭文庆, 2021], Ли Есинь [李晔辛, 2023], Цзэн Чаоцин [曾朝婧, 2023] анализировали национальный имидж Китая в СМИ, Чэнь Цзыжао [陈姿兆, 2023] и Чжан Ифэй [张艺菲, 2023] – имидж Китая в зарубежных путевых заметках. В области формирования имиджа Чжан Сяотин [张小婷, 2020], Ли Шуочжуан [李硕筭, 2022], Чжоу Цзыци [周子琪, 2022] и Го Инчао [郭英超, 2022] разработали стратегии оптимизации и

предложения по формированию национального имиджа Китая в учебниках, документальных и художественных фильмах. Что касается исследования распространения образа, то Линь Цзе [林杰, 2022], Ли Сяо [李潇, 2021], Тянь Дунмин [田东明, 2019], Ван Мяомяо [王苗苗, 2018] и Чжан Сивэй [张思维, 2012] рассмотрели способы и эффекты распространения национального имиджа в коротких видеороликах, сообщениях СМИ, международной деятельности, преподавания китайского языка и фильмах, выдвинули предложения по распространению национального имиджа Китая в новом веке.

В работах российских политологов и социологов также подробно рассмотрен процесс формирования имиджа России в разнообразных аспектах и сферах деятельности: имидж России в учебниках разных стран [Мякшева, 2023; Шаншиева, 2009], имидж России в представлении молодёжи разных стран [Дашковский, 2022; Максимова, 2008; Снежкова, 2019], влияние западных представлений на формирование национального имиджа России [Маткаримова, 2022; Кирюхина, 2015], роль СМИ и школьного преподавания в формировании имиджа России [Швецова 2012; Баринова, 2017], трансформация национального имиджа России в условиях политической конъюнктуры [Шестопап, 2022; Ильичева, 2023].

Российские ученые также проводили соответствующие исследования, посвященные национальному имиджу Китая: изучения имиджа Китая в глазах россиян [Хабаров, 2022; Жуков, Жукова, 2014], образ Китая в русской литературе [Литовская, 2017; Раскина, 2008], имидж Китая в Африке, Перу и Монголии [Штина, 2013; Терентьев, 2016; Горячев, 2018].

Китайские ученые на основе СМИ, книг и учебников анализируют образ страны, изучают принципы формирования имиджа и предложения распространения имиджа Китая, однако исследования проводятся больше на основе СМИ и учебников, привлечение в качестве материала для анализа официальных текстов и документов крайне недостаточно. Исходя из вышеизложенного, в данной работе в качестве исследовательского корпуса взят Доклад о работе правительства КНР 2002-2022 гг. (*далее Доклад*) и его перевод на русский язык. В качестве сравнительно-сопоставительного корпуса в статье взято Послание Федеральному Собранию РФ (*далее Послание*). На основе трехмерной модели дискурс-анализа Фэрклоу, в данной работе рассматриваются лингвистические характеристики Доклада с использованием метода корпусного исследования путем подсчета высокочастотных слов и тематических слов, а затем интерпретируется имидж Китая и факторы, влияющие на него [Fairclough, 1992].

Практическая значимость данного исследования заключается в объяснении процесса социальной практики формирования имиджа страны через дискурсивную практику в процессе перевода Доклада, что позволит создать основу для самостоятельного формирования национального имиджа в переводе политического дискурса.

Теоретические основы исследования

Н. Фэрклоу рассматривает дискурс как социальную практику и считает, что дискурс, как и другие формы социальной практики, подвержен ограничениям и влияниям всей социальной среды [Fairclough, 1989]. Он считает, что дискурс следует рассматривать с *трех точек зрения*: текста, дискурсивной практики и социальной практики, и предлагает трехмерную модель дискурс-анализа, в которой текст рассматривается как ядро дискурс-анализа, а от дискурсивной практики осуществляется переход к социальной практике. Фэрклоу указывает, что переход от текста к дискурсивной практике и социальной практике может быть реализован через «описание» (description), «интерпретацию» (interpretation) и «объяснение» (explanation), то есть описание лингвистических особенностей текста, интерпретация отношений между текстом и дискурсивной практикой и объяснение отношений между дискурсивной практикой и социальной практикой [Fairclough, 1992].

Трехмерная модель дискурс-анализа представляет собой операциональную модель анализа дискурса и широко используется в исследованиях по анализу дискурса в гуманитарных и социальных дисциплинах. Перевод Доклада как разновидность перевода национального политического дискурса, являясь государственным дискурсом, представляет собой не только языковое преобразование, но и предполагает совместное влияние различных социальных факторов. Включение дискурсивной практики в исследование перевода правительственной литературы на уровне дискурса позволяет выявить влияние социальных факторов, определяющих язык, на производство дискурса, а также прояснить способы, установки и позиции формирования национального имиджа в процессе перевода.

Таким образом, в данном исследовании за теоретическую основу взята трехмерная модель дискурс-анализа, и через описание лингвистических особенностей русского перевода Доклада объясняется процесс дискурсивной практики перевода, интерпретируется связь между дискурсивной практикой перевода и самоформированием имиджа Китая.

Проектирование исследования

Создание корпуса для исследования

В данном исследовании в качестве исследовательского корпуса

используются русский перевод Доклада за период 2002-2022 гг., а в качестве сравнительно-сопоставительного корпуса – Послание за тот же период. Доклад и Послание – это ежегодные правительственные документы, издаваемые правительствами двух стран, в основном подводящие итоги и планирующие работу государства,

сходные по форме и содержанию текста и в целом сопоставимые. Поэтому в данном исследовании создаются следующие собственные корпуса: «Китайско-русский параллельный корпус Доклада» и «Сравнительно-сопоставительный корпус», параметры которых приведены в табл. 1.

Таблица 1.

Параметр корпусов

Название корпуса		Объем текста (слов)	Всего (слов)
Китайско-русский параллельный корпус Доклада	Китайский корпус Доклада	1185,756	616,645
	Русский переводческий корпус Доклада	260,152	
Сравнительно-сопоставительный корпус		170,737	

Методология и этапы исследования

Данная статья основана на трехмерной модели дискурс-анализа Fairclough, используя метод корпусного исследования, в работе подсчитывается количество высокочастотных существительных, глаголов и тематических слов, описываются лингвистические характеристики Доклада по результатам полученных данных, объясняется процесс участия текста в дискурсивной практике. В исследовании предпринята попытка объяснить

взаимосвязь между дискурсивной практикой переводного текста и самоформирования имиджа Китая с учетом социального контекста.

Результаты исследования

Высокочастотные существительные

С помощью WordSmith 5.0 получен список высокочастотных слов Доклада и Послания, выделены 20 ключевых существительных (см. табл. 2.).

Таблица 2.

Список высокочастотных существительных

№	Доклад			Послание		
	существительные	частота	процент	существительные	частота	процент
1	Развитие	2,817	1,15 %	Год	1,100	0,71 %
2	Система	1,459	0,60 %	Россия	937	0,61 %
3	Реформа	1,249	0,51 %	Страна	867	0,56 %

Мир русскоговорящих стран

№	Доклад			Послание		
	существительные	частота	процент	существительные	частота	процент
4	Год	1,234	0,50 %	Человек	655	0,42 %
5	Работа	1,180	0,48 %	Развитие	605	0,39 %
6	Сфера	870	0,36 %	Система	468	0,30 %
7	Страна	865	0,35 %	Работа	459	0,30 %
8	Предприятие	839	0,34 %	Гражданин	456	0,30 %
9	Строительство	766	0,31 %	Решение	376	0,24 %
10	Уровень	706	0,29 %	Государство	366	0,24 %
11	Управление	698	0,29 %	Экономика	363	0,24 %
12	Производство	677	0,28 %	Задача	347	0,22 %
13	Рост	665	0,27 %	Регион	323	0,21 %
14	Мера	657	0,27 %	Проблема	317	0,21 %
15	Народ	654	0,27 %	Правительство	313	0,20 %
16	Жизнь	636	0,26 %	Жизнь	309	0,20 %
17	Обеспечение	569	0,23 %	Вопрос	300	0,19 %
18	Контроль	555	0,23 %	Возможность	297	0,19 %
19	Формирование	534	0,22 %	Число	290	0,19 %
20	Правительство	530	0,22 %	Уровень	283	0,18 %

Согласно результатам статистических данных, в Докладе и Послании присутствуют как общие, так и специфические высокочастотные существительные. *Год, работа, страна, развитие, правительство, жизни, уровень* – это общие высокочастотные существительные как в Докладе, так и в Послании. *Система, реформа, сфера, предприятие, строительство, управление, производство, рост, мера, народ, обеспечение, контроль, формирование* – это высокочастотные существительные, характерные для Доклада. *Россия, человек, система, гражданин, решение, государство, экономика, задача, регион, проблема, вопрос, возможность, число* – это высокочастотные существительные, характерные для Послания.

Общие высокочастотные существительные связаны с текстовыми характеристиками Доклада и По-

слания, то есть ежегодных отчетов, выпускаемых правительством о работе правительства по развитию страны и уровня жизни национального производства. Высокочастотные существительные, характерные для Доклада, связаны с национальной политикой Китая, объектами и стратегиями развития. Например, *реформа, народ, контроль* и другие существительные связаны с приверженностью Китая реформам и открытости, ориентированной на человека базовой государственной политике. *Предприятие, производство, управление* и другие термины, связаны с целями развития Китая. *Система, рост, мера* и другие относятся к построению нашей системы. Высокочастотные слова, характерные для Послания, подчеркивают национальную идентичность и национальные проблемы, такие как *Россия, человек, гражда-*

нин, задача, регион, проблема, вопрос, возможность.

Высокочастотные глаголы

С помощью WordSmith 5.0 получен список высокочастотных

слов Доклада и Послания, выделены 20 ключевых глаголов (см. в табл. 3):

Таблица 3.

Список высокочастотных глаголов

№	Доклад			Послание		
	глаголы	частота	процент	глаголы	частота	процент
1	Быть	1,638	0,67 %	Быть	1,971	1,28 %
2	Усиливать	756	0,31 %	Хотеть	364	0,24 %
3	Продолжать	712	0,29 %	Мочь	353	0,23 %
4	Стимулировать	659	0,27 %	Становиться	299	0,19 %
5	Предстоять	562	0,23 %	Сделать	294	0,19 %
6	Совершенствовать	550	0,23 %	Говорить	293	0,19 %
7	Следовать	499	0,20 %	Знать	255	0,17 %
8	Повышать	490	0,20 %	Работать	246	0,16 %
9	Продвигать	437	0,18 %	Сказать	240	0,16 %
10	Обеспечивать	426	0,17 %	Считать	237	0,15 %
11	Поддерживать	367	0,15 %	Иметь	208	0,13 %
12	Ускорять	323	0,13 %	Создать	205	0,13 %
13	Осуществлять	281	0,11 %	Обеспечить	203	0,13 %
14	Формировать	270	0,11 %	Принять	193	0,13 %
15	Идти	263	0,11 %	Просить	186	0,12 %
16	Углублять	257	0,11 %	Подчеркнуть	183	0,12 %
17	Улучшать	246	0,10 %	Предлагать	177	0,11 %
18	Увеличивать	207	0,08 %	Получить	140	0,09 %
19	Обеспечить	206	0,08 %	Делать	138	0,09 %
20	Усилить	201	0,08 %	Являться	116	0,08 %

По результатам статистического анализа данных видно, что существует большой разрыв между ключевыми глаголами, используемыми в Докладе и Послании. Глаголы *быть, обеспечить* являются высокочастотными словами, общими для Доклада и Послания, а высокочастотные глаголы, характерные для Доклада, в основном являются актуальными глаголами, выражающими специфику поведения, например, *усиливать, продолжать, стимулировать, совершенство-*

вать, следовать, повышать, продвигать, обеспечивать, поддерживать и т. д. В Послании хотя есть и глаголы, выражающие конкретные формы поведения, но четкого поведенческого значения у глагола нет, они составляют большую часть, такие как *хотеть, мочь, стать, иметь, делать, являться* и т. д.

В отличие от Послания, высокочастотные глаголы Доклада характеризуются высокой степенью прагматичности, и поведенческие смыслы тесно связаны с реалиями

развития Китая. Китай находится на этапе всестороннего развития с 2002 года до 2022 года, и страна под руководством правительства всесторонне содействовала развитию политики, экономики, культуры, жизнеобеспечения населения и экологии, концентрировалась на главных задачах соответствующих периодов и ликвидации проблем. Продвижение политики, совершенствование системы, продвижение начинаний, а также гарантия поддержки со всех сторон являются конкретным направлением работы

по национальному строительству Китая.

Тематические слова

Под тематическими словами понимаются слова, которые имеют большую разницу в частоте употребления в данном корпусе по сравнению с сопоставимым корпусом, и чем значительнее эта разница, тем сильнее тема. С помощью функции тематических слов WordSmith 5.0, был получен список тематических слов Доклада и Послания, извлечены 20 ключевых тематических слов, как показано в таблице 4:

Таблица 4.

Список тематических слов

№	Доклад			Послание		
	тематические слова	частота	процент	тематические слова	частота	процент
1	Развитие	2,817	1,15 %	Мы	2,169	1,41 %
2	Реформа	1,249	0,51 %	Это	1,904	1,23 %
3	Сельский	866	0,35 %	Не	1,603	1,04 %
4	Предприятие	839	0,34 %	Что	1,557	1,01 %
5	Строительство	766	0,31 %	Этот	1,510	0,98 %
6	Усиливать	756	0,31 %	Наш	1,175	0,76 %
7	Продолжать	712	0,29 %	Должный	1,127	0,73 %
8	Управление	698	0,29 %	Россия	937	0,61 %
9	Производство	677	0,28 %	Такой	697	0,45 %
10	Население	673	0,28 %	Но	679	0,44 %
11	Стимулировать	659	0,27 %	Уже	596	0,39 %
12	Основной	626	0,26 %	Я	474	0,31 %
13	Обеспечение	569	0,23 %	Гражданин	456	0,30 %
14	Предстоять	562	0,23 %	Только	423	0,27 %
15	Контроль	555	0,23 %	Российский	417	0,27 %
16	Совершенствовать	550	0,23 %	Решение	376	0,24 %
17	Юани	517	0,21 %	Государство	366	0,24 %
18	Карточка	513	0,21 %	Хотеть	364	0,24 %
19	Общественный	505	0,21 %	Мочь	353	0,23 %
20	Район	501	0,20 %	Сегодня	328	0,21 %

Результаты статистики показывают, что существует значительная

разница в тематических словах между Докладом и Посланием.

Взяв Послание в качестве сопоставимого корпуса, очевидно следующее: тематические слова Доклада были *развитие, реформа, сельский, предприятие, строительство, усиливать, продолжать, управление, производство, население, стимулировать* и другие существительные, глаголы и прилагательные с более четкими значениями. Если взять Доклад в качестве сопоставимого корпуса, то в тематических словах Послания больше местоимений, отрицаний и наречий с неясными значениями, таких как *мы, это, наши, уже, но* и т. д. В этом отношении тема доклада может быть более интуитивно отражена в тематике дискурса.

Анализируя дискурсивную практику, можно выделить следующее:

1. Использование таких высокочастотных слов, как *система, реформа, сфера* и других слов, связанных с национальной политикой Китая, в Докладе позволяет отразить политические особенности Китая, подчеркнуть приоритеты работы китайского правительства, такие как комплексное планирование, реформы и открытость, общее развитие, макроконтроль, ориентация на интересы народа, социальное обеспечение и другие направления деятельности правительства. Это способствует формированию ориентированного на людей и прагматичного имиджа Китая. В Послании акцентируется понятие государства и гражданственности с

помощью высокочастотных слов *Россия, человек, гражданин*, а также проблемы развития, стоящие перед государством, с помощью высокочастотных слов *задача, регион, проблема* и т. д. Это способствует формированию имиджа как дружественного и активно управляющего правительства РФ.

2. Исследуя словосочетания высокочастотных глаголов Доклада, таких как *усиливать, продолжать, стимулировать* и др., обнаруживается, что эти высокочастотные глаголы используются попеременно, часто с такими существительными, как *поддержка, мера, контроль, управление* и т. д. Это свидетельствует о том, что в Китае большое внимание уделяется государственной поддержке и государственному контролю, делается акцент на плановых мерах по стимулированию национального развития. Это способствует формированию авторитетного и строгого, комплексного, достоверного и надежного имиджа Китая. Использование высокочастотных глаголов, таких как *работать, создать, принять* и т. д., в Послании отражены активные действия правительства по участию в управлении страной.

3. Тематические слова Доклада – это реальные слова с более четкими значениями, а в тематических словах Послания больше местоимений, отрицаний и интонаций с неясными значениями. С точки зрения лексических значений тематических слов, тематические слова Доклада

Мир русскоговорящих стран

могут более интуитивно отражать коннотацию основной идеи дискурса. Для дальнейшего изучения эффекта дискурсивной практики тематических слов Доклада, неко-

торые тематические слова были дополнительно исследованы на предмет поиска коллокаций и приложений (см. табл. 5).

Таблица 5.

Поиск тематических слов Доклада

Слова	Поиск
РАЗВИТИЕ	Полное <u>развитие</u> получили наука, техника, образование, все сферы социальной деятельности (2002)
	всемерно обеспечивать <u>развитие</u> высокоэффективного сельского хозяйства (2002)
	<u>развитие</u> Китая стоит перед лицом беспрецедентных рисков и вызовов (2020)
СЕЛЬСКИЙ	Городской и <u>сельский</u> рынок находился в состоянии процветания (2003)
	ширить <u>сельский</u> рынок (2005)
	интенсифицируя <u>сельский</u> торговый оборот и строительство сельской рыночной системы (2007)
ПРЕДПРИЯТИЕ	Будут развиваться поселково-волостные <u>предприятия</u> , наращиваться уездная экономика (2005)
	оказывать всемерную помощь <u>предприятиям</u> , особенно средним, малым и микропредприятиям (2020)
	Поддерживалось здоровое развитие негосударственных <u>предприятий</u> (2022)
УСИЛИВАТЬ	<u>усиливать</u> строительство резервов национальной обороны (2003)
	<u>Усиливать</u> надзор и контроль за производством (2007)
	Необходимо <u>усиливать</u> контроль (2020)
НАСЕЛЕНИЕ	Специально расширялась потребительская сфера <u>населения</u> (2010)
	Осуществится в основном синхронный рост доходов <u>населения</u> и экономики (2016)
	Уверенно вырастут доходы <u>населения</u> (2021)

Результаты поиска показывают, что за последние два десятилетия перед Китаем стояли очень сложные задачи развития, и Китай придерживался принципов всестороннего, скоординированного и устойчивого развития, построил модернизированную экономическую систему, активно содействовал скоординированному развитию городских и сельских районов, стимулировал

жизнедеятельность всех типов рыночных субъектов и совершенствовал социалистическую рыночную экономическую систему. Китай придерживается партийного руководства, реформ и открытости, правильного пути политического развития, совершенствует систему государственного контроля и массового самоуправления на низовом уровне. В то же время, правитель-

ство КНР настойчиво обеспечивает и повышает уровень жизни людей, развивает образование, повышает уровень доходов населения, укрепляет социальную защиту.

Тематические слова Доклада отражают тот факт, что Китай под сильным руководством правительства разумно реагирует на вызовы риска и решительно идет вперед, постоянно совершенствуя все сферы политики, экономики и жизнеобеспечения населения в контексте задач развития страны. Это способствует формированию имиджа Китая как государственной системы прагматичной, ориентированной на человека, упорной в своих начинаниях.

Анализ социальных практик

Анализ текстов и дискурсивной практики показывает, что в Докладе с помощью высокочастотных существительных, глаголов и тематических слов можно более отчетливо передать авторитетный, строгий, ориентированный на людей, реалистичный, надежный и устойчивый имидж Китая. В данной работе проанализирован процесс дискурсивной практики в социальной практике и рассматривались социальные факторы, влияющие и сдерживающие процесс дискурсивной практики.

1. *Факторы социального развития.* Последние два десятилетия стали двумя десятилетиями всестороннего развития Китая, и для разрешения основных социальных проблем, государство КНР, руководствуясь научным пониманием развития, способствовало устойчивому экономическому и социальному развитию.

Первым ключевым моментом научного понимания развития является развитие, а его основной позицией – ориентация на человека, акцент на всесторонней координации и стабильности, а также на сбалансированном подходе. Ху Цзиньтао, Генеральный секретарь ЦК КПК с 2002 по 2012 годы, отмечал, что развитие – это общий ключ к решению всех проблем в Китае, и развитие имеет решающее значение для построения умеренно процветающего во всех отношениях общества и ускорения социалистической модернизации. Руководствуясь научным взглядом на развитие, Китай сосредоточил внимание на общем развитии национальных начинаний, сконцентрировался на теме «строительство» и продвигает важное строительство китайского общества, экономики, политики, культуры, социума, экологической цивилизации, партийного и государственного строительства с учетом национальных условий и стратегических возможностей Китая. Влияние этого социально-политического фактора отражается в дискурсивной практике таких высокочастотных и тематических слов, как *строительство, производство, реформа и сельский.*

После вступления социализма с китайской спецификой в новую эру, Китай решил сложные проблемы: построил умеренно процветающее во всех отношениях общество и продвинулся к цели построения современной социалистической державы во всех отношениях. Новая эпоха приверженности и развития социа-

лизм с китайской спецификой подчеркивает приверженность абсолютной руководящей роли партии, ставит на первое место народ, углубляет реформы во всех аспектах, управляет страной согласно законам, сохраняет и улучшает благосостояние людей в условиях развития. Влияние этого социально-политического фактора отражается в дискурсивной практике таких высокочастотных и тематических слов, как *контроль, усиливать, продолжать, управление и совершенствовать*.

2. Политические факторы. Китай – социалистическая страна, во главе которой стоит Коммунистическая партия Китая (КПК), являющаяся ведущим центром социалистического дела, представляющая требования к развитию производительных сил, направление культуры и коренные интересы народа. В процессе общественного строительства КПК владеет всей ситуацией, координирует действия всех сторон, является руководящим стержнем всех начинаний, и влияние этого фактора отражается при использовании в докладе высокочастотных слов и тематических слов, таких как *обеспечение, контроль* и т. д.

Заключение

Таким образом, на основе трехмерной модели дискурс-анализа, в

данном исследовании с помощью корпусного метода подсчитываются высокочастотные существительные, глаголы и тематические слова из Доклада КНР и Послания РФ. На основе описания лингвистических особенностей был проведен анализ национального имиджа Китая, который показал, что национальный имидж Китая, представленный в Докладе, включает в себя следующие элементы: (1) авторитетный и строгий; (2) ориентированный на людей; (3) ищущий истину в фактах; (4) согласованный план; (5) заслуживающий доверия и надежный; (6) настойчивый в борьбе. Анализируя социальную практику, данное исследование позволяет сделать вывод о том, что процесс дискурсивной практики Доклада находится под влиянием таких социальных факторов, как факторы социального развития и политические факторы. Доклад КНР может показать международному сообществу реальный и всесторонний имидж китайского правительства. Данное исследование помогает улучшить правильное понимание российским обществом имиджа китайского правительства и в то же время способствует формированию хорошего международного имиджа Китая.

Библиографический список

1. Барина И. И. Возможности школьной географии в формировании позитивного образа страны / И. И. Барина, В. П. Дронов, Д. Л. Лопатников // Наука и школа. 2017. №6. С. 200-205.
2. Горячев Н. Н. Россия и КНР в представлении перуанцев: каналы формирования и особенности восприятия // Россия и АТР. 2018. №2 (100). С. 83-100.
3. Дашковский П. К. Социологическое изучение образа России в представлениях

населения западной и центральной Монголии / П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева, Цэдэв Н. // Nations and religions of Eurasia. 2022. №2. С. 121-135.

4. Жуков А. В., Жукова А. А. Образы Китая в сознании русских Байкальского региона / А. В. Жуков, А. А. Жукова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 15. С. 47-56.

5. Ильичева М. В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемены кризисных потрясений // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. №3. С. 39-56.

6. Кирюхина А. А. Образы глав российской федерации и их проекция на международный имидж страны // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. №6. С. 89-94.

7. Литовская М. А. Китай и китайцы в русской советской детской литературе 1920–1930-х гг. / М. А. Литовская, Яо Чэнчэн // Детские чтения. 2017. №1 (11). С. 133-156.

8. Максимова С. Г. Россия между Востоком и Западом: образ страны в представлениях современной молодежи / С. Г. Максимова, Н. Ю. Кайзер // Известия АлтГУ. 2008. №2 (58). С. 102-105.

9. Маткаримова Г. В. Формирование образа России на западе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №3 (848). С. 75-82.

10. Мякшева О. В. Образ России в учебниках русского языка / О. В. Мякшева, М. В. Суркова // Жанры речи. 2023. №3 (39). С. 245–251.

11. Раскина Е. Ю. Образы китайской культуры в творчестве Н. С. Гумилева // Вестник ВятГУ. 2008. №4. С. 93-97.

12. Снежкова И. А. Образы России и Белоруссии в представлениях молодежи двух стран / И. А. Снежкова, И. И. Калачева, Н. В. Шальгина, Д. В. Громов // Власть. 2019. С. 107-112.

13. Терентьев В. И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. №406. С. 152-157.

14. Хабаров А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ. // Политическая лингвистика. 2022. №2 (92). С. 159-171.

15. Шаншиева Л. Н. Образ России в учебниках истории стран Балтии // РСМ. 2009. С. 90-99.

16. Швецова М. Г. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №3 (37). С. 288-298.

17. Шестопад Е. Б. Трансформация образа своей страны под влиянием политического контекста / Е. Б. Шестопад, Н. С. Скипин, А. А. Лазарев, Д. Д. Посохова, А. Ю. Коноплев // Вестник Московского университета. Серия. 12. Политические науки. 2022. №1. С. 7-28.

18. Штина Ю. В. Формирование образа Китая в странах Африки в начале XXI века // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. №3. С. 32-40.

19. Fairclough, N. Discourse and Social Change [M] . Cambridge: Polity Press, 1992.

20. Fairclough, N. Language and Power [M] . London and New York: Longman, 1989.

21. 陈姿兆.十九世纪西方来华游记中的中国形象[D].北京外国语大学, 2023.

22. 方静.中国 2022 年冬奥会申办宣传中的国家形象传播与塑造[D].华中师范大学, 2016.
23. 郭英超.新时代主旋律电影对中国国家形象的塑造研究[D].山东师范大学, 2022.
24. 侯衍社,侯耀文.价值、基础和方法:人类命运共同体话语体系的构建逻辑[J].求索, 2019,(05).
25. 李晔辛.符号聚合理论视域下法国主流媒体北京冬奥会报道中的中国形象研究[D].北京第二外国语学院, 2023.
26. 李梦瑶.外国本科生文化教材中的国家形象构建研究[D].中央民族大学, 2021.
27. 李硕筭.抗疫纪录片中中国国家形象的自塑与他塑[D].安徽财经大学, 2022.
28. 林杰.基于共情理论的中国国家形象传播研究[D].安徽财经大学, 2022.
29. 彭文庆.外国人在华拍摄短视频对中国国家形象的呈现研究[D].浙江传媒学院, 2021.
30. 孙秀婷.改革开放四十年纪录片画面符号与国家形象建构研究[D].山东师范大学, 2019.
31. 孙有中.国家形象的内涵及其功能[J].国际论坛, 2002, (03).
32. 田东明.新时代中国国家形象传播策略研究[D].山西财经大学, 2019.
33. 王琨.CNN 推特平台中的中国国家形象呈现研究[D].山东大学, 2021.
34. 王苗苗.国际汉语教学的中国形象传播研究[D].江西师范大学, 2018.
35. 曾朝婧.他者视阈下北京冬奥会的中国形象研究[D].重庆工商大学, 2023.
36. 张思维.新世纪中国电影中的国家形象传播[D].南京理工大学, 2012.
37. 张小婷.国际汉语教材中的中国文化形象建设研究[D].江西师范大学, 2020.
38. 张艺菲.形象学视角下 7-13 世纪阿拉伯游记中的中国形象研究[D].北京外国语大学, 2023.
39. 周子琪.框架理论视域下 CGTN 新疆纪录片对国家形象的建构研究[D].东华大学, 2022.

Reference list

1. Barinova I. I. Vozmozhnosti shkol'noj geografii v formirovanii pozitivnogo obraza strany = The potential of school geography in forming a positive country image / I. I. Barinova, V. P. Dronov, D. L. Lopatnikov // Nauka i shkola. 2017. №6. S. 200-205.
2. Gorjachev N. N. Rossiya i KNR v predstavlenii peruancev: kanaly formirovaniya i osobennosti vospriyatija = Russia and the PRC in the Peruvians' vision: formation channels and specifics of perception // Rossiya i ATR. 2018. №2 (100). S. 83-100.
3. Dashkovskij P. K. Sociologicheskoe izuchenie obraza Rossii v predstavlenijah naselenija zapadnoj i central'noj Mongolii = Sociological studies of Russia's image in the minds of the western and central Mongolian population / P. K. Dashkovskij, E. A. Shershneva, Cjedjev N. // Nations and religions of Eurasia. 2022. №2. S. 121-135.
4. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Obrazy Kitaja v soznanii russkih Bajkal'skogo regiona = China's images in the minds of the Russians in the Baikal region / A. V. Zhukov, A. A. Zhukova // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. 2014. №. 15. S. 47-56.
5. Il'icheva M. V. Obraz budushhego strany v predstavlenijah studencheskoj molodjozhi Rossii: transformacija v uslovijah peremeni krizisnyh potrjasenij = The image of the coun-

try's future as viewed by Russian students: transformation in the context of change and crisis // *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki*. 2023. №3. S. 39-56.

6. Kirjuhina A. A. Obrazy glav rossijskoj federacii i ih proekcija na mezhdunarodnyj imidzh strany = Images of the Russian Federation leaders and their projection on the international image of the country // *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij*. 2015. №6. S. 89-94.

7. Litovskaja M. A. Kitaj i kitajcy v russoj sovetskoj detskoj literature 1920–1930-h gg. = China and the Chinese in Russian Soviet children's literature of the 1920s and 1930s / M.A. Litovskaja, Jao Chjenchjen // *Detskie chtenija*. 2017. №1 (11). S. 133-156.

8. Maksimova S. G. Rossija mezhdu Vostokom i Zapadom: obraz strany v predstavlenijah sovremennoj molodezhi = Russia between East and West: the image of the country as viewed by contemporary youth / S. G. Maksimova, N. Ju. Kajzer // *Izvestija AltGU*. 2008. №2 (58). S. 102-105.

9. Matkarimova G. V. Formirovanie obraza Rossii na zapade = Forming the image of Russia in the West // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki*. 2022. №3 (848). S. 75-82.

10. Mjaksheva O. V. Obraz Rossii v učebnikah russkogo jazyka = The image of Russia in the textbooks of the Russian language / O. V. Mjaksheva, M. V. Surkova // *Zhanry rechi*. 2023. №3 (39). S. 245–251.

11. Raskina E. Ju. Obrazy kitajskoj kul'tury v tvorčestve N. S. Gumileva = Images of Chinese culture in N.S. Gumilev's work // *Vestnik VjatGU*. 2008. №4. S. 93-97.

12. Snezhkova I. A. Obrazy Rossii i Belorussii v predstavlenijah molodezhi dvuh stran = Images of Russia and Belarus in the minds of youth in the two countries / I. A. Snezhkova, I. I. Kalacheva, N. V. Shal'gina, D. V. Gromov // *Vlast'*. 2019. S. 107-112.

13. Terent'ev V. I. Obrazy Kitaja i kitajcev v nacional'nom samosoznanii mongolov = Images of China and the Chinese in the Mongols' national consciousness // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2016. №406. S. 152-157.

14. Habarov A. A. Obraz Kitaja v rossijskih i amerikanskih SMI = China's image in Russian and American mass media / A. A. Habarov, A. P. Chudinov, Jan Kje. // *Politicheskaja lingvistika*. 2022. №2 (92). S. 159-171.

15. Shanshieva L. N. Obraz Rossii v učebnikah istorii stran Baltii = Russia's image in the History textbooks in the Baltic countries // *RSM*. 2009. S. 90-99.

16. Shvecova M. G. Rol' SMI v konstruirovanii obraza strany = The role of mass media in constructing the country's image // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2012. №3 (37). S. 288-298.

17. Shestopal E. B. Transformacija obraza svoej strany pod vlijaniem političeskogo konteksta = Transforming the image of one's country under the influence of the political context / E. B. Shestopal, N. S. Skipin, A. A. Lazarev, D. D. Posohova, A. Ju. Konoplev // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija. 12. Politicheskie nauki*. 2022. №1. S. 7-28.

18. Shtina Ju. V. Formirovanie obraza Kitaja v stranah Afriki v nachale XXI veka = Forming China's image in African countries in the early XXI century // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2013. №3. S. 32-40.

19. Fairclough, N. *Discourse and Social Change* [M]. Cambridge: Polity Press, 1992.

20. Fairclough, N. *Language and Power* [M]. London and New York: Longman, 1989.

21. 陈姿兆. 十九世纪西方来华游记中的中国形象[D]. 北京外国语大学, 2023.

22. 方静.中国 2022 年冬奥会申办宣传中的国家形象传播与塑造[D].华中师范大学, 2016.
23. 郭英超.新时代主旋律电影对中国国家形象的塑造研究[D].山东师范大学, 2022.
24. 侯衍社,侯耀文.价值、基础和方法:人类命运共同体话语体系的构建逻辑[J].求索, 2019, (05).
25. 李晔辛.符号聚合理论视域下法国主流媒体北京冬奥会报道中的中国形象研究[D].北京第二外国语学院, 2023.
26. 李梦瑶.外国本科生文化教材中的国家形象构建研究[D].中央民族大学, 2021.
27. 李硕筭.抗疫纪录片中中国国家形象的自塑与他塑[D].安徽财经大学, 2022.
28. 林杰.基于共情理论的中国国家形象传播研究[D].安徽财经大学, 2022.
29. 彭文庆.外国人在华拍摄短视频对中国国家形象的呈现研究[D].浙江传媒学院, 2021.
30. 孙秀婷.改革开放四十年纪录片画面符号与国家形象建构研究[D].山东师范大学, 2019.
31. 孙有中.国家形象的内涵及其功能[J].国际论坛, 2002,(03).
32. 田东明.新时代中国国家形象传播策略研究[D].山西财经大学, 2019.
33. 王琨.CNN 推特平台中的中国国家形象呈现研究[D].山东大学, 2021.
34. 王苗苗.国际汉语教学的中国形象传播研究[D].江西师范大学, 2018.
35. 曾朝婧.他者视阈下北京冬奥会的中国形象研究[D].重庆工商大学, 2023.
36. 张思维.新世纪中国电影中的国家形象传播[D].南京理工大学, 2012.
37. 张小婷.国际汉语教材中的中国文化形象建设研究[D].江西师范大学, 2020.
38. 张艺菲.形象学视角下 7-13 世纪阿拉伯游记中的中国形象研究[D].北京外国语大学, 2023.
39. 周子琪.框架理论视域下 CGTN 新疆纪录片对国家形象的建构研究[D].东华大学, 2022.

Статья поступила в редакцию 14.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.
The article was submitted on 14.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 82-312.6
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-53
EDN IRRJMN

Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром»

Борис Вадимович Соколов

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант издательства «Вече», г. Москва
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация. В статье исследуется образ офицера в черной бурке в романе А. А. Фадеева «Разгром». Доказывается, что один из предводителей контрреволюции на Дальнем Востоке барон Р. Ф. Унгерн не только является прототипом этого персонажа, который дан только глазами красных, но и на самом деле действует в романе как неузнанный красными партизанами барон Унгерн. Также отмечается полемический характер сцены допроса офицером в бурке партизана Метелицы по отношению к сцене допроса маршалом Даву Пьера Безухова в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого. Фадеев, в отличие от Толстого, не допускал возможности установления человеческих отношений между врагами, поэтому Метелица пытается убить допрашивающего его офицера. В статье также анализируется, как отразился офицер в бурке в двух советских экранизациях «Разгрома» – в немом фильме «Разгром» (1931) и в фильме «Юность наших отцов» (1958). Доказывается, что в фильме «Юность наших отцов» образ офицера в бурке расширен и приближен к образу Унгерна, а романс на стихотворение Блока «Ветер принес издалека...» выполняет функцию очеловечивания врага и возможности установления между противниками человеческих отношений, которые в романе выполняет вопрос Метелице об оспе, опущенный в фильме. Сделан общий вывод о том, что замысел Фадеева заключался в том, что Унгерн в образе офицера в бурке мог быть узнан читателями. В романе «Разгром» встречается редкая ситуация, когда историческая личность одновременно является и прототипом одного персонажа, и скрытым (неузнанным) действующим лицом в своей исторической ипостаси в образе данного персонажа.

Ключевые слова: А. А. Фадеев; Р. Ф. Унгерн; «Разгром»; гражданская война в России; Л. Н. Толстой; «Война и мир»; прототип; экранизация; А. А. Блок; «Ветер принес издалека...»; Дальний Восток

Для цитирования: Соколов Б. В. Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 53-70. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-53>. <https://elibrary.ru/IRRJMN>.

Original article

Baron Ungern's image in Alexander Fadeyev's novel *The Rout*

Boris V. Sokolov

Doctor of philology, candidate of historical sciences, scientific consultant at the publishing house "Veche", Moscow

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract. The article studies the image of an officer in a black felt cloak in A. A. Fadeyev's novel *The Rout*, and proves that one of the leaders of the counter-revolution in the Far East, Baron R. F. Ungern, is not only the prototype of this character, seen only through the eyes of the Reds, but actually acts in the novel as Baron Ungern, unrecognized by the Red partisans. The author also notes the polemical nature of the scene where the officer in a felt cloak interrogates the partisan Metelitsa in relation to the scene of Pierre Bezukhov's interrogation by Marshal Davout in Leo Tolstoy's novel *War and Peace*. Unlike Tolstoy, Fadeyev did not allow the possibility of humane relations between enemies, so Metelitsa tries to kill the interrogating officer. The article also analyzes how the officer in a felt cloak is shown in two Soviet film adaptations of *The Rout* – in the silent film *The Rout* (1931) and in the film *The Youth of Our Fathers* (1958). In the film *The Youth of Our Fathers*, the image of the officer in a felt cloak is developed and brought closer to that of Ungern, and the romantic song on Blok's poem "The wind brought from afar..." acts as a factor humanizing the enemy and shows a possibility of establishing humane relations between the adversaries, whereas in the novel this role is played by Metelitsa's question about smallpox, which is omitted from the film. A general conclusion is made that Fadeyev's idea lies in the fact that Ungern as an officer in a felt cloak could be recognized by the readers. The novel "The Rout" presents a rare situation when a historical figure is both a prototype of a character and a hidden (unrecognized) character in his historical hypostasis in the image of this character.

Keywords: A. A. Fadeyev; R. F. Ungern; *The Rout*; Russian Civil War; L. N. Tolstoy; *War and Peace*; prototype; screen adaptation; A. A. Blok; "The wind brought from afar..."; the Far East

For citation: Sokolov B. V. Baron Ungern's image in Alexander Fadeyev's novel *The Rout*. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 53-70. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-53>. <https://elibrary.ru/IRRJMN>.

Введение

Роман Александра Фадеева «Разгром» (1926) довольно подробно исследован советским и российским литературоведением. В частности, определены основные прототипы тех персонажей, которые представляют красных. Так, Фадеев

никогда не скрывал, что основным прототипом командира партизанского отряда Иосифа Абрамовича Левинсона послужил командир Особого коммунистического отряда Иосиф Максимович Певзнер. Однако после того, как он был расстрелян в 1938 году по ложному

обвинению в шпионаже и вплоть до его реабилитации в 1956 году об этом не принято было вспоминать [Жуков, 1989, с. 30]. Фадеев описал первую встречу с ним в очерке «Особый коммунистический»: «Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами. Это был командир только что пришедшего на село красного партизанского отряда, действовавшего в районе города Спасска. Впоследствии образ этого командира много дал мне при изображении командира партизанского отряда Левинсона в романе «Разгром» [Фадеев, 1970, т. 4, с. 16]. Но поскольку очерк был впервые опубликован в газете «Лесная промышленность» 24 февраля 1938 года, а Певзнер был арестован 21 февраля 1938 года, имя Певзнера в очерке не было упомянуто [Беляев, 1970, т. 4, с. 474-475; Певзнер]. А героически погибший партизан-разведчик Метелица имел реального прототипа с точно такой же фамилией (или прозвищем). Как вспоминали местные старожилы, этот партизан был повешен (а не застрелен, как в романе) казаками в селе Ракитное (Авченко В. О. «Разгром»: век спустя // Новая газета во Владивостоке, 2013, № 192, 20 июня (<http://novayagazeta-vlad.ru/192/Istoriya/Razgromveksputya>). (Дата обращения: 10.02.2024)).

Скорее всего, сцену гибели Метелицы Фадеев полностью придумал, наградив героя-партизана более почетной смертью от пули, а не от петли. Как вспоминала первая жена Фадеева Валерия Герасимова, больше всего соответствовали характеру Фадеева из персонажей романа «Разгром» Левинсон и Метелица [Герасимова, 1989]. Как писал о романе «Разгром» дальневосточный писатель и журналист Василий Авченко, «В этом тексте – масса вторых доньев. Он, конечно, «красный», а не «белый», но он, как всякая хорошая литература, – о жизни в её сложности, а не о том, кто хороший, а кто плохой. Несмотря на наличие реальных прототипов и чётких топографических привязок, «Разгром» куда глубже, чем представляло советское вульгарное литературоведение» (Авченко В. О. *Разгром Фадеева* // Литературная газета, 2013, № 45, 13 ноября (<https://lgz.ru/article/-45-6438-13-11-2013/razgrom-fadeeva/>)). (Дата обращения: 10.02.2024)). Такое «второе дно» фадеевского романа связано с одним из наиболее запоминающихся персонажей – безмянным белоказачьим офицер в черной бурке и черной папахе. Из всех появляющихся в романе белогвардейцев только этот образ оказывается более или менее разработанным, тогда как другие белогвардейцы и японцы играют роли чисто эпизодические. И несмотря на то, что он действует только в двух главах романа из семнадцати, офицер в бурке

несет на себе важную смысловую нагрузку. На первый взгляд, данный персонаж кажется сугубо собирательным образом, не имеющим конкретных прототипов. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что у данного персонажа есть один вполне конкретный реальный прототип, что позволяет по-новому взглянуть на роль и значение этого образа. По мнению петербургского литературоведа И. Н. Сухих, в тексте романа «Разгром» нельзя найти «знаковых имен» [Сухих, 2001, с. 174]. Однако, на наш взгляд, по крайней мере, одно знаковое имя, пусть в скрытом виде, в фадеевском романе присутствует, как и в одной из двух советских экранизациях романа «Разгром», которые мы также рассмотрим в данной статье с точки зрения того, как в них отразился (или не отразился) образ офицера в бурке. Мы попытаемся доказать, что данный образ играет важную роль в поэтике «Разгрома», являясь антагонистом Левинсона. И, вероятно, в случае с офицером в бурке в «Разгроме» мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда историческая личность одновременно является прототипом одного из персонажей и, пусть в скрытом виде, является неузнанным действующим лицом романа в качестве данного персонажа в своей исторической ипостаси.

**Тайна офицера в черной бурке:
кого Фадеев скрыл под буркой**

В романе Фадеева интересующему нас персонажу уделено немало внимания в тексте. Впервые

он появляется в сцене, когда партизанский разведчик Метелица, находясь в саду, видит в раскрытое окно играющих в карты офицеров и подслушивает их разговор: «Их было четверо, они играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький старый попик в прилизанных волосиках и юркий на глаз, – он ловко сновал по столу худыми, маленькими ручками, неслышно перебирая карты игрушечными пальцами и стараясь заскочить глазами под каждую, так что сосед его, сидевший спиной к Метелице, принимая сдачу, просматривал ее боязно и торопливо и тотчас же прятал под стол. Лицом к Метелице сидел красивый, полный, ленивый и, как видно, добродушный офицер с трубкой в зубах, – должно быть, из-за его полноты Метелица принял его за начальника эскадрона. Однако во все последующее время он, по необъяснимым для себя причинам, интересовался больше четвертым из игравших – с лицом обрюзглым и бледным и с неподвижными ресницами, тот был в черной папахе и в бурке без погон, в которую кутался каждый раз после того, как сбрасывал карту» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 153-155].

С самого начала именно офицер в бурке в первую очередь привлекает внимание Метелицы, несмотря на то, что разведчик ошибочно считает главным среди играющих в карты не его, а другого офицера. Перед нами – традиционная сцена, когда положительный герой под-

слушивает отрицательных героев, замысляющих злодейство. Однако, вопреки ожиданиям, никаких ценных сведений из разговора офицеров между собой и со священником во время игры в тысячу Метелица не получает:

«Вопреки тому, что ожидал услышать Метелица, они говорили о самых обыкновенных и неинтересных вещах: добрая половина разговора вертелась вокруг карт.

– Восемьдесят играю, – сказал сидевший к Метелице спиной.

– Слабо, ваше благородие, слабо, – отозвался тот, что был в черной папахе. – Сто втемную, – добавил он небрежно.

Красивый и полный, прищурившись, проверил свои и, вынув трубку, поднял до ста пяти.

– Я пас, – сказал первый, отворачиваясь к попику, который держал прикуп.

– Я так и думал... – усмехнулась черная папаха.

– Разве я виноват, если карты не идут? – оправдываясь, говорил первый, обращаясь за сочувствием к попику.

– По маленькой, по маленькой, – шутил попик, сожмуриваясь и посмеиваясь мелко-мелко, точно желая подчеркнуть таким мелким смешком всю незначительность игры своего собеседника. – А двести два очка уже списали-с... знаем мы вас!.. – И он с неискренней ласковой хитрецей погрозил пальчиком.

“Вот гнида”, – подумал Метелица.

– Ах, и вы пас? – переспросил попик ленивого офицера. – Пожалуйста прикуп-с, – сказал он черной папахе и, не раскрывая карт, сунул их ей.

В течение минуты они с ожесточением шлепали по столу, пока черная папаха не проиграла. “А задавался, рыбий глаз”, – презрительно подумал Метелица, не зная – уходить ли ему или подождать еще. Но он не смог уйти, потому что проигравший повернулся к окну, и Метелица почувствовал на себе пронзительный взгляд, застывший в страшной немигающей точности» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 155].

Внезапный взгляд офицера в бурке заставляет Метелицу, не смотря на опасность, остаться в саду, и это предопределяет его трагический конец. Далее разговор игроков переходит на женщин, и здесь выясняется отношение офицера в бурке к женщинам:

«Тем временем сидевший спиной к окну начал тасовать карты. Он делал это старательно и экономно, как молятся не очень древние старушки.

– А Нечитайлы нет, – зевая, сказал ленивый. – Как видно, с удачей. Лучше бы и я с ним пошел...

– Вдвоем? – спросила папаха, отвернувшись от окна. – Она бы сдюжила! – добавила она, скривившись» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 153].

В следующий раз мы видим офицера в бурке тогда, когда он

допрашивает схваченного Метелицу, который, наконец, понимает, кто же у казаков начальник: «Через некоторое время он стоял перед знакомым ему человеком – в черной папахе и в бурке – в той самой комнате, в которую засматривал ночью из поповского сада. Тут же, подтянувшись в кресле, удивленно, не строго поглядывая на Метелицу, сидел красивый, полный и добродушный офицер, которого Метелица принял вчера за начальника эскадрона. Теперь, рассмотрев обоих, он по каким-то неуловимым признакам понял, что начальником был как раз не этот добродушный офицер, а другой – в бурке.

– Можете идти, – отрывисто сказал этот другой, взглянув на казаков, остановившихся у дверей.

Они, неловко подталкивая друг друга, выбрались из комнаты.

– Что ты делал вчера в саду? – быстро спросил он, остановившись перед Метелицей и глядя на него своим точным, немигающим взглядом.

Метелица молча, насмешливо уставился на него, выдерживая его взгляд, чуть пошевеливая атласными черными бровями и всем своим видом показывая, что, независимо от того, какие будут задавать ему вопросы и как будут заставлять его отвечать на них, он не скажет ничего такого, что могло бы удовлетворить спрашивающих» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 160-161].

Далее следует неудачная попытка офицера в бурке установить не-

кое подобие человеческих отношений с Метелицей:

«– Ты брось эти глупости, – снова сказал начальник, нисколько не сердясь и не повышая голоса, но таким тоном, который показывал, что он понимает все, что происходит теперь в Метелице.

– Что же говорить зря? – снисходительно улыбнулся взводный.

Начальник эскадрона несколько секунд изучал его застывшее рябое лицо, вымазанное засохшей кровью.

– Оспой давно болел? – спросил он.

– Что? – растерялся взводный. Он растерялся потому, что в вопросе начальника не чувствовалось ни издевательства, ни насмешки, а видно было, что он просто заинтересовался его рябым лицом. Однако, поняв это, Метелица рассердился еще сильнее, чем если бы насмехались и издевались над ним: вопрос начальника точно пытался установить возможность каких-то человеческих отношений между ними.

– Что ж ты – здешний или прибыл откуда?

– Брось, ваше благородие!.. – решительно и гневно сказал Метелица, сжав кулаки и покраснев и едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него. Он хотел еще добавить что-то, но мысль, а почему бы и в самом деле не схватить сейчас этого черного человека с таким противно-спокойным, обрюзглым лицом, в неопрятной рыжеватой щетине и не задушить его, – мысль эта вдруг так ярко овладела им, что он, запнувшись на слове, сделал

шаг вперед, дрогнул руками, и его рябое лицо сразу вспотело» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 160].

Однако офицеру удастся остановить Метелицу и, понимая, что установить человеческую связь с допрашиваемым не удалось, он переходит к угрозам:

«– Ого! – в первый раз изумленно и громко воскликнул этот человек, не отступив, однако, ни шагу назад и не спуская глаз с Метелицы.

Тот в нерешительности остановился, сверкнув зрачками. Тогда человек этот вынул из кобуры револьвер и потряс им перед носом Метелицы. Взводный овладел собой и, отвернувшись к окну, застыл в пренебрежительном молчании. После того, сколько ни грозили ему револьвером, суля самые ужасные кары в будущем, сколько ни упрасивали правдиво рассказать обо всем, обещая полную свободу, – он не произнес ни единого слова, даже ни разу не посмотрел на спрашивающих.

В самом разгаре допроса легонько приоткрылась дверь и чья-то волосатая голова с большими испуганными и глупыми глазами просунулась в комнату.

– Ага, – сказал начальник эскадрона. – Собрались уже? Ну что ж – скажи ребятам, чтобы взяли этого молодца» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 161].

После этого происходит смертельная схватка между Метелицей и офицером в бурке. Разведчик, сам в прошлом пастух, ценой своей жизни спасает от жестокой распра-

вы мальчика-пастушонка, у которого оставил своего коня: «– Сюда, сюда, – сказал начальник эскадрона, указав ему место рядом. Метелица, разом перешагнув ступеньки, стал рядом с ним. <...>

– Кто знает этого человека? – спросил начальник, обводя всех острым, сверлящим взглядом, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом лице.

И каждый, на ком останавливался этот взгляд, суетясь и мигая, опускал голову, – только женщины, не имея сил отвести глаза, смотрели на него немо и тупо, с трусливым и жадным любопытством.

– *Никто* не знает? – переспросил начальник, насмешливо подчеркнув слово “никто”, точно ему было известно, что все, наоборот, знают или должны знать “этого человека”. – Это мы сейчас выясним... Нечитайло! – крикнул он, сделав движение рукой в ту сторону, где на кауrom жеребце гарцевал высокий офицер в длинной казачьей шинели. <...>

– Кто наехал? Какая кобура? – спросил начальник, тщетно пытаясь понять, о чем идет речь. Мужик еще растеряней засучил шапкой и, вновь сбиваясь и путаясь, рассказал о том, как его пастух пригнал утром чужого коня – в седле и с револьверной кобурой в сумке.

– Вот оно что, – протянул начальник эскадрона. – Так ведь он не признает? – сказал он, кивнув на парнишку. – Впрочем, давай его сюда – мы его допросим по-своему...

Парнишка, подталкиваемый сзади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, взойти на него. Офицер сбежал по ступенькам, схватил его за худые, вздрагивающие плечи и, притянув к себе, уставился в его круглые от ужаса глаза своими – пронзительными и страшными...

– А-а... а!.. – вдруг завопил парнишка, закатив белки.

– Да что ж это будет? – вздохнула, не выдержав, какая-то из баб.

В то же мгновение чье-то стремительное и гибкое тело взметнулось с крыльца. Толпа шарахнулась, всплеснув многоруким туловищем, – начальник эскадрона упал, сбитый сильным толчком...

– Стреляйте в него!.. Да что же это такое? – закричал красивый офицер, беспомощно выставив ладонь, теряясь и глупея и забыв, как видно, что он сам умеет стрелять» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 162].

В схватке с Метелицей Фадеев подчеркивает inferнальные черты, присущие офицеру в бурке:

«Несколько верховых ринулись в толпу, конями раскидывая людей. Метелица, навалившись на врага всем телом, старался схватить его за горло, но тот извивался как нетопырь, раскинув бурку, похожую на черные крылья, и судорожно цеплялся рукой за пояс, стараясь вытащить револьвер. Наконец ему удалось отстегнуть кобуру, и почти в то же мгновение, как Метелица схватил его за горло, он выстрелил в него несколько раз подряд... Когда подоспевшие казаки тащили

Метелицу за ноги, он еще цеплялся за траву, скрипел зубами, стараясь поднять голову, но она бессильно падала и волочилась по земле.

– Нечитайло! – кричал красивый офицер. – Собрать эскадрон!.. Вы тоже поедете? – учтиво спросил он начальника, избегая, однако, смотреть на него.

– Да.

– Лошадь командиру!..

Через полчаса казачий эскадрон в полном боевом снаряжении выехал из села и помчался кверху, по той дороге, по которой прошлой ночью ехал Метелица» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 164].

И последний раз офицер в бурке появляется на страницах романа «Разгром» в момент неудачной атаки казачьего эскадрона на отряд Левинсона, когда казаки попадают в партизанскую засаду: «По желтым околышам и лампасам Левинсон узнал, что это были казаки. Он разглядел и командира в черной бурке. <...>

Эскадрон смешался; многие попадали на землю, но красивый офицер остался в седле, лошадь, оскалая зубы, пятилась под ним. В течение нескольких секунд растерявшиеся люди и лошади, вздымавшиеся на дыбы, бились на одном месте, крича что-то, неслышное из-за выстрелов. Потом из этой сумятицы вырвался отдельный всадник, в черной папахе и в бурке, и заплясал перед эскадроном, сдерживая лошадь напряженным жестом, размахивая шашкой.

Остальные, как видно, плохо повиновались ему, – некоторые уже мчались прочь, нахлестывая лошадей; весь эскадрон ринулся за ними. Партизаны повскакали с мест, – наиболее азартные побежали вдогонку, стреляя на ходу» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 166-168].

Офицер в бурке в романе показан только глазами красных – сначала разведчика и командира взвода Метелицы, а в последней сцене – командира партизанского отряда Левинсона. Из сообщаемых о нем сведений можно понять, что он храбр и обладает определенной харизмой, поскольку даже в безнадежной ситуации пытается бросить в атаку эскадрон, но его подчиненные, попавшие в партизанскую засаду, ему не повинуются. Офицер в бурке не лишен полководческих способностей, так как быстро оценивает полученную информацию и выступает против партизан, рассчитывая захватить их врасплох. Он также – рискованный игрок – спокойно играет в карты «сто в темную» и проигрывает, нисколько не переживая по этому поводу. Его взгляд – пронзительный, точный и немигающий, его мало кто способен выдержать, даже храбрец Метелица. Этот взгляд даже останавливает Метелицу, собравшегося броситься на офицера во время допроса. Глаза у офицера в бурке – пронзительные и страшные. Он очень жесток и при необходимости готов подвергнуть допросу с побоями даже несовершеннолетнего

ребенка («допросим по-своему»), что и провоцирует нападение на него Метелицы. К женщинам офицер в бурке относится с нескрываемым презрением («– Вдвоем? – спросила папаха, отвернувшись от окна. – Она бы сдюжила!»). «По каким-то неуловимым признакам» в нем чувствуется начальник, предводитель, и это ощущается окружающими. Офицер в бурке уподоблен нетопыри (летучей мыши) причем черная бурка напоминает крылья. А нетопыри, как отмечает историк Сергей Зотов, уже в средние века считались порождением темных сил, подручными колдунов и колдуний, а их крылья уподоблялись крыльям дьявола и дракона. Нетопыри также нередко ассоциировались с однополый любовью. Кроме того, нетопыри являются символом в магии и тайных науках, в том числе в алхимии и в астрологии, и ассоциируются с вампиризмом [См.: Зотов, 2021].

Отметим также, что характерные черты портрета офицера в бурке – черная бурка и черная папаха, рыжая щетина, неопрятность, противно-спокойное, обрюзглое лицо.

Всем этим характеристикам и внешним приметам отвечает один из предводителей белых на Дальнем Востоке – командир Азиатской конной дивизии барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг (1885/86-1921), которого современники также называли «черным бароном». Унгерн со своей дивизией базировался в Забайкалье, в районе

станции Даурия, и против красных партизан Уссурийского края, где происходит действие романа «Разгром», никогда не воевал. Но Фадеев вместе с 13-м (22-м) стрелковым полком участвовал в ноябре 1920 года во взятии Даурии, из которой только в августе ушел Унгерн, так что Фадееву и его товарищам пришлось сражаться не с казаками Унгерна, а с каппелевцами [Авченко, 2017, с. 108-109]. Будущий автор романа «Разгром» наверняка многое услышал о легендарном бароне от местных жителей. В частности, писатель и историк Геннадий Михайлович Литвинцев, родившийся в Маньчжурии, приводит воспоминание своего деда-эмигранта, как в Забайкалье во время отступления в Монголию «барон Унгерн в чёрной бурке и белой папахе, на вороном коне, грозит кому-то ташуром» [Литвинцев, 2020]. В Монголии Унгерн предпочитал щеголять в монгольском халате, в котором его, в конце концов, захватили в плен и в котором он предстал перед судом в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Но в Забайкалье он носил черную бурку, что отражено, в частности, в художественном фильме бурятского режиссера Бараса Халзанова «Кочующий фронт» (1971), где Унгерн является одним из действующих лиц.

Даже красные противники Унгерна признавали наличие у него военного таланта. По заключению историка Сергея Кузьмина, «Унгерн проявил несомненный талант

полководца» [Кузьмин, 2011, с. 199]. Широко известен также конец Унгерна, против которого восстала его собственная Азиатская дивизия, отступившая в Маньчжурию. Офицеры и казаки не вынесли жестокого отношения барона, который подвергал телесным наказаниям не только по отношению к рядовым, но и к офицерам. Одного же из провинившихся офицеров Унгерн подверг мучительной казни – публично сжег живьем. Эту казнь подробно описал адъютант барона есаул Алексей Макеев [Макеев, 1934]. В результате восстания Азиатской дивизии, в ходе которого были убиты многие приближенные Унгерна, барон вынужден был искать спасения в монгольском дивизионе, но монголы связали его и передали красным. У Фадеева в последней сцене с офицером в бурке казачий эскадрон отказывается слушать его и отступает без приказа.

Фадеев предпочел белую папаху заменить у своего офицера в бурке на черную, что больше соответствовало образу «черного барона». Кроме того, редко встречающаяся белая папаху сама по себе выделялась бы, тогда как писатель хотел сконцентрировать внимание читателей именно на бурке, которую он сравнивает с черными крыльями ворона, дракона или иного inferнального существа.

У Унгерна была рыжая борода и усы, а лицо его выглядело нездоровым. Вот обобщенный портрет барона, нарисованный его биографом

историком Сергеем Кузьминым на основе свидетельств современников: «Внешне он представлял собой тип остзейского немца. Выше среднего роста, худой, с плоской грудью, широкоплечий, прямой, с длинными руками. Голова круглая, небольшая, с высоким лбом, глаза глубоко посаженные, синие, голубые или серые (очевидно, в зависимости от освещения), нос прямой, с небольшой горбинкой на переносице, губы тонкие, бледные, обычно крепко сжатые, подбородок маленький, большие светло-рыжие усы, опущенные книзу, при разговоре несколько выдавались вперед передние зубы. В бытность в Монголии и Сибири он носил короткую рыжеватую бороду. Волосы редкие, слегка курчавые, светло-рыжие» [Кузьмин, 2011, с. 367]. Исследователь отмечает также хладнокровие и храбрость Унгерна [Кузьмин, 2011]. Похожее описание Унгерна дает служивший в Азиатской конной дивизии полковник Михаил Георгиевич Торновский: «Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжими усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной» [Торновский, 2004, с. 193]. И тот же Торновский подчеркивал, что «генерал Унгерн был большой враг женщин» [Торновский, 2004, с. 194]. Другой унгерновский офицер, поручик Николай Князев, указывал на «полное равнодушие к элементарным требованиям комфорта» у Унгерна и

подчеркнул, что барон «не чувствовал потребности в опрятной одежде» [Князев, 2004, с. 17]. И он же признавал, что «часто в рассказах и воспоминаниях о нем, барон представляется нам или чудовищем жестокости, или же идеальной фигурой всего Белого движения» [Князев, 2004, с. 24]. Естественно, для Фадеева Унгерн никак не мог быть идеальной фигурой, зато о жестокости барона ходили легенды. Многочисленные факты жестокости Унгерна были подтверждены на процессе над бароном в Новониколаевске 15 сентября 1921 года, с материалами которого, опубликованными в газетах, писатель наверняка был хорошо знаком. Так, в обвинительном заключении, опубликованном в газете «Советская Сибирь», отмечалось, что «при наступлении войсками Унгерна в отношении населения Советской России (в качестве системы покорения) применялись методы поголовного вырезания (вплоть до детей, которые, по заявлению Унгерна, вырезались на тот случай, чтобы не оставлять “хвостов”). В отношении большевиков и “красных” Унгерном применялись все виды пыток: разламывание в мельницах, битье палками по монгольскому способу (мясо отставало от костей и в таком виде человек продолжал жить), сажание на лед, на раскаленную крышу и т. д.» [Ход суда над Р. Ф. Унгерном..., 2004, с. 243]. Обвинителем на процессе был Емельян Ярославский (Миней

Израилевич Губельман), родной брат друга Фадеева Моисея Израилевича Губельмана. В данном случае не имело значения, все ли обвинения против Унгерна, например, в «размалывании в мельницах» соответствовали истине. Фадеев наверняка доверял советскому правосудию и верил, что все о жестокостях Унгерна – правда. Возможно, ему был известен и приказ Унгерна о выступлении в поход против советской Сибири, один из пунктов которого требовал: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями» [Приказ Унгерна, 1921, с. 171].

Также были широко распространены слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации Унгерна. В частности, в мемуарах одного неизвестного офицера Азиатской дивизии подробно описывались гомосексуальные вакханалии барона [См.: Соколов, 2022, с. 402]. В данном в случае важно не то, насколько правдивы эти сведения, а то, что подобного рода слухи были связаны с «черным бароном».

Строго говоря, командиром эскадрона офицера в бурке считает только Метелица, причем лишь потому, что тот является главным среди тех казачьих офицеров, которых видит разведчик. Но при этом этот офицер может быть просто старшим начальником, посетившим эскадрон. Унгерн, даже будучи начальником дивизии, нередко пускался в бой вместе с казачьими сотнями и даже взводами. Тот факт,

что приказ собрать эскадрон отдал не офицер в бурке, а «красивый офицер», и тот же офицер потом почтительно спрашивает, поедет ли офицер в бурке с эскадромом, как раз доказывает, что эскадромом командует именно красивый офицер, а офицер в бурке является по отношению к нему старшим начальником. Странно было бы спрашивать у командира эскадрона, пойдет ли он с эскадромом в бой. Зато если офицер в бурке является командиром полка, бригады или дивизии, то соответствующий вопрос вполне уместен. Ведь командир полка и тем более дивизии вовсе не обязан находиться в рядах эскадрона, и может сам определять свое место во время боевых действий.

Унгерн летом 1919 г. имел чин генерал-майора, пожалованный ему атаманом Забайкальского казачьего войска Григорием Семеновым. Погон офицера в бурке мы не видим, так что он может иметь любой чин, в том числе генеральский. А то обстоятельство, что партизаны и читатели ничего определенного не знают об офицере в бурке, придает этому персонажу элемент таинственности.

Возможно, те современники создания романа «Разгром», которые участвовали в гражданской войне на Дальнем Востоке, опознавали в офицере в бурке Унгерна. Но с годами образ «черного барона» забылся (в трудах советских историков и журналистов «черным бароном» чаще называли не унгерна, а

барона П. Н. Врангеля), и позднейшие читатели уже не видели в офицере в бурке «черного барона».

**Лев Толстой
и Александр Фадеев:
маршал Даву и офицер в бурке**

Сцена допроса Метелицы офицером в бурке откровенно полемична по отношению к сцене допроса Пьера Безухова наполеоновским маршалом Луи Даву, князем Экмюльским, в романе Льва Толстого «Война и мир» (1863-1869). На связь этих двух сцен, в частности, указывает петербургский литературовед И. Н. Сухих. И он же обратил внимание на то, что гибель Метелицы происходит в главе, названной в честь известного рассказа Толстого «Три смерти» (1858) [Сухих, 2001, с. 180-181, 185-186]. В романе Толстого происходит чудесное спасение Пьера: «Даву сидел на конце комнаты над столом с очками на носу. Пьер близко подошел к нему. Даву, не поднимая глаз, видимо справлялся с какою-то бумагой, лежавшею пред ним. Не поднимая же глаз, он тихо спросил: *Qui êtes vous?* [Кто вы такой?]

Пьер молчал от того, что не в силах был выговорить слова. Даву для Пьера не был просто французский генерал; для Пьера Даву был известный своею жестокостью человек. Глядя на холодное лицо Даву, который, как строгий учитель, соглашался до времени иметь терпение и ждать ответа, Пьер чувствовал, что всякая секунда про-

медления могла стоить ему жизни; но он не знал, что сказать. <...>

– *Monseigneur!* [Ваше высочество] – вскрикнул Пьер не обиженным, но умоляющим голосом.

Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья» [Толстой, 1940, т. 12, с. 37-38].

Для Фадеева установить человеческие взаимоотношения с врагом и тем более ощутить себя с ним братьями – дело абсолютно невозможное. Поэтому Метелица с возмущением отвергает попытку офицера вопросом об оспе установить между ними некое подобие человеческих взаимоотношений и готов убить допрашивающего. И, конечно, чтобы параллель и полемика с Толстым была очевидней, было логично сделать допрашивающего Метелицу не просто командиром казачьего эскадрона (в чине не выше есаула), а генералом, да еще титулованным дворянином – бароном. Пьер в романе Толстого обращается к Даву, как к князю, «ваше высочество». К Унгерну же, как к барону, полагалось обращаться «ваша светлость», а как к генерал-майору – «ваше превосходитель-

ство». В романе Фадеева таких обращений нет. Один раз сам офицер в бурке обращается к другому офицера «ваше благородие» (обращение к офицерам в чине подьесаула (штабс-ротмистра, штабс-капитана и ниже), но делает это с явной иронией, из чего можно понять, что он сам носил более высокий чин, чем те, к которым положено обращение «ваше благородие». Впоследствии расстрелянный партизанами мужик, выдавший пастушонка, у которого оставил коня Метелица, тоже обращается к офицеру в бурке «ваше благородие», но из-за бурки он не видит погон и не знает, в каком тот чине.

Таким образом, офицер в бурке уподоблен Даву, а Метелица – Пьеру Безухову, но, в отличие от Пьера, допрос для Метелицы заканчивается трагически.

**Образ офицера в бурке
в советских экранизациях романа
Александра Фадеева «Разгром»**

В советское время роман Александра Фадеева «Разгром» экранизировалась дважды. В 1931 г. немой фильм «Разгром» снял режиссер Николай Береснёв на киностудии «Совкино» в Ленинграде. Сценарий фильма был написан им совместно с писателем Юрием Лаптевым. Картина снималась в условиях нарастания противоречий между СССР и Японией, в сентябре – декабре 1931 г., захвативших Маньчжурию – историческую область Китая, граничившую с Совет-

ским Союзом. Поэтому в фильме, в отличие от романа, основной упор сделан на японцев как главных противников отряда Левинсона (Виктор Яблонский) становятся не казаки, а японцы, при которых казаки играют только вспомогательную роль. И эпизод с гибелью Метелицы (Касим Мухутдинов) представлен в фильме Береснёва совершенно иначе, чем у Фадеева. Метелица отправляется из отряда в разведку пешком, а не на коне. Он не подслушивает в саду разговор офицеров через окно, а встречает на мосту казачий патруль и прыгает в воду, а казаки стреляют в него. Метелица убивает двух казаков, но его, в свою очередь, убивает из револьвера вдруг появившийся на мосту офицер (Борис Феодосьев). Но этот офицер – без бурки и вообще не казак, а принадлежит к действующему в фильме Береснёва, но не в романе, сводному добровольческому офицерскому полку. Очевидно, режиссеру сцена допроса Метелицы и полемика с «Войной и миром» не требовались. Поэтому данная сцена, как и рукопашная схватка Метелицы с офицером, в фильме 1931 года были опущены.

Вторая экранизация романа «Разгром» была осуществлена в 1958 году Михаилом Каликом и Борисом Рыцаревым на киностудии имени М. Горького под названием «Юность наших отцов». Сценарий картины написали М. Н. Калик, Б. В. Рыцарев и Идея Алеевская. Эпизоды с офицером в черной бурке

и черной папахе (Николай Граббе) представлены в «Юности наших отцов» достаточно подробно. В ту сцену, где Метелица подслушивает разговор играющих в карты офицеров, введен отсутствующий в романе офицер с гитарой (Геннадий Карякин), исполняющий романс на стихи А. А. Блока «Ветер принес издалека...» (1901) (музыка Микаэла Таривердиева):

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

[Блок, 1997, т. 1, с. 49]

С помощью этого романса режиссеры стремились передать человечность врагов, с одним из которых оказались связаны сугубо положительные мотивы света, любви и приближающейся весны, которая сменит грустную зиму. Романс как бы заменил в фильме эпизод допроса офицером в бурке Метелицы (Геннадий Юхтин) с «человечным» вопросом насчет оспы, поскольку в картине Калика и Рыцарева сцена допроса отсутствует. Зато роль офицера в бурке расширена. В фи-

нале фильма именно он возглавляет казаков, которые сначала загоняют отряд Левинсона (Александр Кутепов) в болото, а потом практически полностью уничтожают партизан. В этой атаке офицер в бурке очень напоминает Чапаева из одноименного фильма 1934 года братьев Васильевых (Георгия и Сергея Васильевых). Казачий же пулемет, расстреливающий людей Левинсона, напоминает такой же пулемет, расстреливающий Чапаева в реке Урал в фильме «Чапаев».

Возможно, Калик и Рыцарев догадались, что прототипом офицера в бурке у Фадеева послужил барон Унгерн, и потому передали эту роль Н. К. Граббе, актеру немецкого происхождения. В то же время в фильме немецкое происхождение офицера в бурке никак не подчеркивается. Но, как и в романе, бурка скрывает его погоны, и ни разу не называется его чин.

Заключение

Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром» отражен в образе офицера в черной бурке – главного антагониста партизанского командира Левинсона. Унгерн выступает не только как неузнанный Метелицей и Левинсоном предводитель белоказачьих сил, хотя красные партизаны принимают его всего лишь за командира эскадрона, но и как воплощение вселенского зла. Неузнанный Унгерн в романе убивает любимца всех партизан Метелицу и чуть не

убивает мальчика-пастушка. А в экранизации романа «Разгром», осуществленной в 1958 году Каликом и Рыцаревым под названием «Юность наших отцов», офицер в бурке действительно превращается в финале в предводителя всех тех сил, которые стремятся уничтожить отряд Левинсона. Это сближает его с маршалом Даву, с чьим допросом Пьера Безухова в «Войне и мире» полемизирует Фадеев в сцене допроса офицером в бурке Метелицы. Замысел автора романа «Разгром» заключался в том, чтобы восприятие этого персонажа Метелицей и Левинсоном в качестве командира эскадрона, каковым он в действительности не является, было непол-

ным и частично искаженным, чтобы читатели, особенно знакомые с реалиями гражданской войны на Дальнем Востоке, могли сами домысливать образ таинственного офицера, и для такого домысливания в тексте имеются определенные намеки. Также вполне естественно, что ни Метелица, ни Левинсон не знают барона в лицо и не могут опознать в нем генерала, так как его погоны, да и мундир скрыты буркой. Унгерн в качестве не просто прототипа одного из персонажей, но и действующего лица романа Фадеева, делает «Разгром» более глубоким произведением, чем оно кажется на первый взгляд, и усложняет его поэтику.

Библиографический список

1. Авченко В. О. Фадеев. Москва : Молодая гвардия, 2017. 365 с.
2. Беляев Б. Л. Примечания // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книшпович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1970. С. 473-484.
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 тт. Т. 1. Кн. 1 / под ред. Ю. К. Герасимова. Москва : Наука, 1997. 640 с.
4. Герасимова В. А. Беглые записи. Публикация А. Шаргуновой // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 108-149.
5. Жуков И. И. Фадеев. Москва : Молодая гвардия, 1989. 333 с.
6. Зотов С. Фамильяр ведьм, атрибут святых, воплощение смерти и гомосексуальности: культурная история летучей мыши // Нож, 2021, 12 февраля. URL: <https://knife.media/bat/>. (Дата обращения: 10.02.2024).
7. Князев Н. Н. Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 12-167.
8. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. Москва : КМК, 2011. 659 с.
9. Литвинцев Г. М. На обратной стороне Земли. Повествование в эпизодах // Байкал, Иркутск, 2020, № 5, сентябрь – октябрь. URL: <https://burunen.ru/news/culture/74052-gennadiy-litvintsev-na-obratnoy-storone-zemli-povestvovanie-v-epizodakh/?ysclid=lsatr4h98i408022394>. (Дата обращения: 10.02.2024).
10. Макеев А. С. Бог войны – барон Унгерна. Воспоминания бывшего адъютанта Начальника Азиатской Конной Дивизии. Шанхай : Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камнина, 1934. 143 с.

11. Певзнер Иосиф Максимович 1893–1938 // Списки расстрелянных. Спецобъект «Коммунарка». URL: [https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Певзнер Иосиф Максимович](https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Певзнер_Иосиф_Максимович). (Дата обращения: 10.02.2024).
12. Приказ Р. Ф. Унгерн № 15 о наступлении на Сибирь. 21 мая 1921 года // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 169-173.
13. Соколов Б. В. Барон Унгерн и гражданская война на Востоке. Москва : Вече, 2022. 448 с.
14. Сухих И. Н. Книги XX века: русский канон: Эссе. Москва : Независимая Газета, 2001. 352 с.
15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 12 / под ред. В. Черткова. Москва : Художественная литература, 1940. 426 с.
16. Торновский М. Г. События в Монголии-Халхе в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк (Воспоминания) // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 168-323.
17. Фадеев А. А. Особый коммунистический // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книппович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1970. С. 15-24.
18. Фадеев А. А. Разгром // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книппович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1969. С. 45-193.
19. Ход суда над Р. Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г. // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 242-263.

Reference list

1. Avchenko V. O. Fadeev = Fadeyev. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 365 s.
2. Beljaev B. L. Primechanija = Comments // Fadeev A. A. Sobraenie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 4. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1970. S. 473-484.
3. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 tt. T. 1. Kn. 1 = Complete collection of works and letters: in 20 vols. V. 1. Book 1 / pod red. Ju. K. Gerasimova. Moskva : Nauka, 1997. 640 s.
4. Gerasimova V. A. Beglye zapisi. Publikacija A. Shargunovoj = Brief notes. Publication by A. Shargunova // Voprosy literatury. 1989. № 6. S. 108-149.
5. Zhukov I. I. Fadeev = Fadeyev. Moskva : Molodaja gvardija, 1989. 333 s.
6. Zotov S. Famil'jar ved'm, atribut svjatyh, voploshhenie smerti i gomoseksual'nosti: kul'turnaja istorija letucej myshi = Familiar of witches, attribute of saints, embodiment of death and homosexuality: a cultural history of the bat // Nozh, 2021, 12 fevralja. URL: <https://knife.media/bat/>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).
7. Knjazev N. N. Legendarnyj baron = Legendary baron // Legendarnyj baron: neizvestnye stranicy grazhdanskoj vojny / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 12-167.
8. Kuz'min S. L. Istorija barona Ungerna: opyt rekonstrukcii = Baron Ungern's story: reconstruction experience. Moskva : KMK, 2011. 659 s.

9. Litvincev G. M. Na obratnoj storone Zemli. Povestvovanie v jepizodah = On the other side of the Earth. Narrative in episodes // Bajkal, Irkutsk, 2020, № 5, sentjabr' – oktjabr'. URL: <https://burunen.ru/news/culture/74052-gennadiy-litvintsev-na-obratnoy-storone-zemli-povestvovanie-v-epizodakh/?ysclid=lsatr4h98i408022394>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).

10. Makeev A. S. Bog vojny – baron Ungerna. Vospominanija byvshego ad#jutanta Nachal'nika Aziatskoj Konnoj Divizii = Baron Ungern, the God of war. Memories of a former adjutant of the Asian Cavalry Division Commander. Shanhaj : Knigoizdatel'stvo A. P. Malyk i V. P. Kamnina, 1934. 143 s.

11. Pevzner Iosif Maksimovich 1893–1938 = Pevzner Iosif Maksimovich 1893-1938 // Spiski rasstreljannyh. Specob#ekt «Kommunarka». URL: https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Pevzner_Iosif_Maksimovich. (Data obrashhenija: 10.02.2024).

12. Prikaz R. F. Ungerna № 15 o nastuplenii na Sibir'. 21 maja 1921 goda = Order by R. F. Ungern No. 15 on the attack on Siberia. May 21, 1921 // Baron Ungern v dokumentah i memuarah / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 169-173.

13. Sokolov B. V. Baron Ungern i grazhdanskaja vojna na Vostoke = Baron Ungern and the Civil War in the East. Moskva : Veche, 2022. 448 s.

14. Suhij I. N. Knigi XX veka: russkij kanon: Jesse = XX century books: the Russian canon: Essay. Moskva : Nezavisimaja Gazeta, 2001. 352 s.

15. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tt. = Complete collection of works: in 90 vols. T. 12. / pod red. V. Chertkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1940. 426 s.

16. Tornovskij M. G. Sobytija v Mongolii-Halhe v 1920-1921 godah. Voenno-istoricheskij ocherk (Vospominanija) = Events in Mongolia-Khalkha in 1920-1921. Military historical sketch (Memoirs) // Legendarnyj baron: neizvestnye stranicy grazhdanskoj vojny / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 168-323.

17. Fadeev A. A. Osobyj kommunisticheskij = Special communist // Fadeev A. A. Sobranie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 4. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1970. S. 15-24.

18. Fadeev A. A. Razgrom = The Rout // Fadeev A. A. Sobranie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 1. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1969. S. 45-193.

19. Hod suda nad R. F. Ungernom v Novonikolaevske 15 sentjabrja 1921 g. = The trial of R. F. Ungern in Novonikolayevsk on September 15, 1921 // Baron Ungern v dokumentah i memuarah / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 242-263.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 10.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-71
EDN PXMEBN

**Лирические образы самовосприятия русской эмиграции
в Китае 20-40-х гг. XX в.**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Лю Ши²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник Лаборатории фронтирных исследований, Амурский государственный университет, г. Благовещенск.

²Аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры, г. Благовещенск

¹a.a.sciencia@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²228349909@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>

Аннотация. Исследуя образ самовосприятия в лирике дальневосточной эмиграции, авторы обращаются к этническому компоненту понятия «эмигрант» как концептуально значимому для русской лингвокультуры и определяющему социально-политические смыслы. Дальневосточное порубежье – пространство скрещения исторических и политических судеб России и Китая, русских и китайских этнокультурных и этнорелигиозных традиций, сложнейших этносоциальных процессов и т. д. – основа специфики самовосприятия дальневосточных беженцев. Китай стал лишь временным полустанком на дороге русского рассеяния и пути самопознания русских эмигрантов. На материале стихотворений Н. Алла и М. Спургота авторы исследуют концептуальные основания и типологические черты самовосприятия старших и младших лириков-эмигрантов. Характерно, что к теме самовосприятия из старших поэтов обращалась лишь половина – воспоминания о пережитых страданиях, потерях и разочарованиях не стимулировали стремления к саморефлексии. Образ «русского беженца», «бродяги», «калики перехожего», изгнанного родной матерью-Родиной, доминирует в самовосприятии старших лириков. Этот образ амбивалентен – наделен чертами «живого мертвеца», оборотня, «призрака», «тени». Он весь – в прошлом, окружающие реалии Маньчжурии для него – лишь повод для мнемонической аберрации. В лирике младшего поколения тема самовосприятия становится еще менее востребованной – молодежь ищет возможности обрести социальную стабильность и будущее в стремительно меняющейся реальности, идеалы «отцов» для нее – лишь миф. На смену «беженцу» и «изгою» приходит образ «русского художника», «не лишеного иностранных черт». Его временной континуум лишен памяти о прошлом Родины, одновременно и мыслей о будущем. Несмотря на «сиротство» и «тоску», этот художник обретает «ласковую мачеху» – Китай. Бипатриотизм сознания не меша-

---

© Забияко А. А., Лю Ши, 2024

ет его готовности нести дальше по свету русскую культуру, русский язык, русскую литературу.

Ключевые слова: художественный образ самовосприятия; дальневосточная эмиграция; порубежье; Россия; Китай; этничность; бипатриотизм; стихопоэтика

Исследование поддержано Программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6

Для цитирования: Забияко А. А., Лю Ши Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20-40-х гг. XX в. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 71-86. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-71>. <https://elibrary.ru/PXMEBN>.

Original article

Lyrical self-perception images of the Russian emigration in China in the 20-40s of the XX century

Anna A. Zabyako^{1✉}, Liu Shi²

¹Doctor of philology, professor, Head of the department of literature and world arts, chief researcher at the laboratory of frontier studies, Amur State University, Blagoveshchensk.

²Post-graduate student at the department of literature and world arts, Blagoveshchensk.

¹a.a.scienca@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²228349909@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>

Abstract. Investigating the image of self-perception in the poetry of the Far Eastern emigration, the authors address the ethnic component of the concept "emigrant" as conceptually significant for the Russian linguistic culture and determining socio-political meanings. The Far Eastern borderland is the intersection of historical and political destinies of Russia and China, of Russian and Chinese ethno-cultural and ethno-religious traditions, of the most complex ethno-social processes etc.; this space is the basis for the specificity of Far Eastern refugees' self-perception. China became only a temporary halfway station on the road of Russian dissipation and on the path of Russian emigrants' self-discovery. Analyzing the poems by N. Alla and M. Spurgot, the authors study conceptual foundations and typological features of self-perception in older and younger emigrant lyric poets. Notably, only half of the older poets turned to the theme of self-perception as the memories of suffering, losses and disappointments did not stimulate the desire for self-reflection. The image of a "Russian refugee", "vagabond", "pilgrim/wanderer", banished by his native Motherland, dominates the self-perception of the older poets. This image is ambivalent, having the features of a "living dead man", a werewolf, a "ghost", a "shadow". Everything is in the past, and the surrounding realities of Manchuria are just an excuse for a mnemonic aberration. The theme of self-perception becomes even less popular in the poetry of the younger generation as young people are seeking social stability and their future in a rapidly changing reality, and their "fathers'" ideals are just a myth for them. The "refugee" and "outcast" are replaced by the image of a "Russian artist", "not devoid of foreign features". Their time continuum is devoid both of memory about their motherland's past and of thoughts about the future. Despite

the “orphanhood” and “longing”, this artist finds a “tender stepmother” – China. The bipatriotism of the mind does not contradict the artist's willingness to spread Russian culture, the Russian language, and Russian literature in the world.

Keywords: artistic image of self-perception; Far Eastern emigration; borderland; Russia; China; ethnicity; bipatriotism; poetry

The research is supported by the Priority-2030 Strategic Academic Leadership Program, under the aegis of the Young Researchers' Laboratory. Project No. FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6

For citation: Zabayako A. A., Liu Shi Lyrical self-perception images of the Russian emigration in China in the 20-40s of the XX century. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 71-86. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-71>. <https://elibrary.ru/PXMEBN>.

Введение

Образ восприятия в литературе представляет художественную проекцию этнических, религиозных, политических и художественных фреймов воспринимающего сознания (автора и его окружения, этнической группы, к которой он принадлежит) по отношению к представителям инокультуры. В качестве воспринимаемых объектов (первообразов) выступают «чужие» пространственные и временные феномены, представления о святости, праведном и неправедном, этнические типы, культурные и литературные традиции и др. – в соотношении со «своими». Приемы создания художественного образа восприятия инокультуры определяются, в первую очередь, художественной интенциональностью, родо-жанровыми предпочтениями и стратегиями выражения авторской субъектности [Сенина, 2018].

Художественный образ самовосприятия представляет вторую ступень имагологического процесса: в его основе лежит обратная по-

следовательность работы воспринимающего сознания: автор (авторы), вступающие в диалог с инокультурой, через постижение «чужого» переходят к художественному самопознанию.

Проблема данного исследования заключается в том, что оно направлено на постижение специфики образа самовосприятия в литературе *эмигрантов и эмиграции*. *Эмигрант* в русской лингвокультуре и этнической картине мира – это, в первую очередь, категория социально-политическая [Даль, 1882]. Однако, когда речь заходит о формировании – еще со времен Ивана Грозного – в русском этническом сознании представлений об эмиграции, то становится ясно: политический компонент в концепте «эмигрант» всегда тесно сопряжен с этнической составляющей, и зачастую последняя выходит на первый план. *Родина, родственная кровь, родные места и родная вера* – это те базовые категории, что характеризуют русское понимание этничности. *Эмигрант* в русском

этническом сознании вплоть до второй половины XX в. – тот, кто добровольно либо насильно покинул свое Отечество (родину), утратил связь с *родным народом, с родными местами, свою родной верой*.

Мы намеренно ограничили рамки своего исследования лирикой дальневосточных эмигрантов: во-первых, что именно лирика русского Китая определяет развитие литературного процесса в дальневосточном зарубежье (А. А. Забияко); во-вторых, краткая форма стихотворения как «сложнопостроенного смысла» (Ю. М. Лотман) в сгущенной и зачастую афористической форме позволяет максимально емко выразить концептуальные установки его автора, и образ самовосприятия – не исключение [Забияко, 2007а].

Вся эмигрантская лирика может быть весьма широко обозначена как образ самовосприятия – если подразумевать под высказыванием лирического субъекта способ выражения авторского «я» (Б. О. Корман). Тематическим интегратором в данном случае становятся определенные параметры *идейно-образной* структуры стихотворения, содержащие социальные, политические и этнические смыслы, включенные в понятие «эмигрант». Исходя из концепции М. Л. Гаспарова, *тема стихотворения* – это парадигматическое целое составляющих текст именных частей речи, а *мотивы* – парадигматическое единство глаголов и глагольных слов. Потому рамки исследования определяются стихотворениями, в которых образ самовосприятия эми-

гранта становится ведущей темой. Этот субъект размышляет о своей эмигрантской участи и соотносит свою судьбу с судьбой своего поколения таких же, как он, эмигрантов, выражая это словами-операторами на мотивном уровне – глаголами и глагольными конструкциями, определяющими действия, состояния и побуждения лирического субъекта-эмигранта.

Поэтому в данной работе мы, в первую очередь, обращаем внимание на тексты, где идейно-образный континуум понятия «эмигрант» как образа самовосприятия (и коннотаций образа самовосприятия – беженец, изгнанник, бродяга и т. д.) мотивно реализуется в оппозициях «свое/чужое», «жизнь/смерть», «отчизна/ чужбина», «эмиграция/ метрополия», «Россия/ Китай», «прошлое/ настоящее» [Frontier as an artistic concept, 2021, p. 1175].

Методологию исследования составляет лексико-семантический метод в тесном сопряжении со структурно-семантическим и статистическим; историко-генетический, культурно-исторический, биографический подходы.

Результаты исследования

Нами были проанализирована наиболее репрезентативное собрание лирических текстов, составляющих антологию «Русская поэзия Китая» – около 500 стихотворений 52 дальневосточных авторов (если даже фактически не эмигрантов, то составивших славу эмигрантской лирике) [Русская поэзия Китая,

2001, 720 с.]. 16 – поэты старшей генерации, соответственно, 36 – молодежь. Из собранных в антологии текстов, по нашим наблюдениям, воплощению образа самовосприятия посвящен 81 текст 25 поэтов. Из поэтов старшего поколения на данную тему писали всего 8, соответственно – 17 авторов принадлежит к младшей генерации. При этом поэтами старшего поколения написано 44 текста, 37 – молодыми поэтами.

В данной статье мы останавливаемся на анализе 2 стихотворений представителей двух поколений дальневосточных лириков, на наш взгляд, весьма убедительно демонстрирующих развитие образа самовосприятия в художественном сознании эмигрантов на протяжении 20 лет.

«Харбинская нота» литературы дальневосточной эмиграции, как известно, берет свое начало сразу после окончания Гражданской войны [Забияко, 2008]. Несмотря на то, что саморефлексия состояния эмиграции и себя в качестве эмигрантов – активно развиваемая старшими лириками тема – половина из поэтов этой генерации к ней практически не обращалась. Очевидно, в силу своей острой социально-политической направленности тема эмиграции представлялась белопоходникам, пережившим ужасы Гражданской войны и практически потерявшими все: родных и близких, родной дом, состояние, страну, – весьма травматичной, болезненной.

Только 8 поэтов – Николай Алл (189?–1966), Алексей Ачаир (1896–

1960), Арсений Несмелов (1889–1945), Марианна Колосова (1903–1964), Таисия Баженова (? – 1978) и Евгений Яшнов (1881–1943), на основании антологии В. Крейда, оставили в своем творчестве поэтические признания о себе как эмигрантах и о своей эмигранткой судьбе. Почти все они после трагического окончания Ледяного похода и краха «белой идеи» первоначально собрались в Харбине – этом «полустанке» в прямом и переносном смысле: центральной станции КВЖД и определенном пространственно-временном этапе в их дальнейшем самоопределении, городе, сохранявшем многие черты российского дореволюционного быта и до середины 20-х гг. – российского городского управления [Аблова, 2005].

Помимо социокультурной общности (возрастной, образовательной, политической – однозначно отрицательного отношения к Октябрьскому перевороту и исповедования «белой идеи»), этих авторов мало что объединяло – литературной среды в начале 20-х гг. в Харбине еще не сложилось, каждый являл собой яркую личность со сложным предэмигрантским опытом, имел свое понимание исторической и правовой ситуации.

Безусловно, были точки соприкосновения. Между отдельными поэтами до приезда в Харбин сложились дружеские отношения – в Омске пересекались пути А. Несмелова, А. Ачаира, Т. Баженовой [Забияко, 2005; Якимова, 2008]. Еще во Владивостоке

во время работы в городских и оккупационных изданиях душевно сблизилась Арсений Несмелов и Леонид Ещин [Витковский, 2005; Лобычев, 2003]. Алексея Ачаира и Марианну Колосову уже в Харбине объединило общее сибирское прошлое [Забияко, 2008]; Александра Паркау вдохновила Ачаира на создание литературно-художественного объединения [Забияко, 2008]; Евгений Яшнов после образования «Чураевки» под руководством А. Ачаира стал постоянным ее членом. Но больше среди них было разногласий, чем единства – известно, что Несмелов едко высмеивал Колосову, Паркау и Ачаира; Колосова при удобном случае критиковала Несмелова.

В целом, упрекнуть старших харбинских лириков в заимствованиях друг у друга или подражании мы не имеем оснований. Тем интереснее проанализировать типологию их самовосприятия как эмигрантов в художественных образах и соотнесения этого идейно-образного комплекса с индивидуальными лирическими коннотациями.

*Я выпил стакан эмигрантской отравы,
Я высушил сердце в ненужных боях.*

[Алл, 1923]

Длинные строки четырехстопного амфибрахия придают стихотворению характер величественного раздумья, одновременно сближая высказывание с торжественным речеизъявлением в прозе. И это неслучайно – распевный характер

Очевидно, что вынужденное самоопределение своей юрисдикции после принятия Декрета 1921 г. Советским правительством стало для старшего поколения новоиспеченных харбинцев тяжелым выбором [Ленин, 1944]. Нужно было либо определять себя эмигрантом, либо просить советский паспорт, либо принимать китайское подданство. И, как ни странно, первыми на эти трагические обстоятельства отреагировали поэты.

Уже 1923 г. в харбинской печати выходит сборник стихов Николая Алла с характерным названием – «Ектеня. Стихи о России» [Алл, 1923].

Николай Алл (наст. Дворжецкий) был кадровым офицером, прекрасно образованным (с двумя военными училищами) участвовал в Первой Мировой и Гражданской войне. В Харбине он оказался в 1920 г. – сразу после окончания Ледяного похода.

«Ектеня» в православном богослужении – молитвенное прошение, одна из главных составных частей службы.

Сборник начинался лирическим самопризнанием:

стихов должен был настроить читателя на высокий молитвенный лад заупокойной ектеньи по самому себе и своему прошлому. В данном стихотворении весьма четко, хотя и в метафорической форме, обозначено отношение лирического субъек-

екта к своему жребии: это «эмигрантская *отрава*», то есть смертельный яд самоопределения в изгнания. Стакан этой «отравы» также решительно, как стакан спирта, выпивает бывший боевой офицер.

Параллелизм первых двух строк можно понимать двояко: как инверсию причинно-следственных связей («выпил стакан эмигрантской отравы» – потому что «высушил сердце в

ненужных боях») либо как некую констатацию полной атрофии чувств: «выпил отравы», но ничего не почувствовал – оттого что «высушил сердце». В любом случае – возникает образ человека, который после всего с ним совершившегося – просто живой мертвец. Что ждет его после выпитой *отравы*? Только небытие и забвение. Жизнь осталась «там» – на Родине:

*А там все другое – и птицы, и люди, и травы,
Там, в наших родных и далеких краях.*

Ясно определена оппозиция «отчизна/чужбина», «свое/чужое»:

*А здесь, на чужбине, все скучны и странны:
Я им непонятен, они мне чужды...*

[Русская поэзия Китая ... , 2001]

При этом лирический герой Алла еще не теряет веры в то, скоро утихнет братоубийственная вражда

между русскими людьми, посеянная революцией:

*Я знаю, что скоро затянутся раны
Слепой, безрассудной и тяжелой вражды.*

[Алл, 1923]

В том же сборнике лирический герой Н. Алла уточнит свое самоощущение изгнанника. Лирическое самовосприятия героя-эмигранта, в первую очередь, выразит чередование 4Ям с 3Яж. Этот ритм создает

эффект эмоционального «качания на волнах» (восклицания и безнадежного взмаха рукой), подчеркивает фрустрацию лирического субъекта:

Что я могу еще сказать –
оторванный, забытый...
Туман невзгод в моих глазах –
они еще открыты.
Кто шепчет мне о прошлых днях
среди бессонной ночи,
Ах, кто преследует меня,
кто нож о сердце точит!..

[Русская поэзия Китая ... , 2001]

Причастие «оторванный» в своей семантической основе обозначает «отделенный рывком (от чего-то целого)», «отстраненный от чего-то», «разлученный с кем-то, чем-то» [Ожегов, 1988, с. 409]; прилагательное «забытый» восходит к устаревшей основе «преданный забвению», «память о ком похоронили» [Ожегов, 1988, с. 107]. Ассоциативно синонимическая цепочка эпитетов-самохарактеристик создает лирический образ человека, силой оторванного (от родных мест, семьи, Родины как целого), забытого (родными, семьей, любимым человеком). Он находится на последнем издыхании – «туман невзгод в моих глазах – / Они еще открыты» [Алл, 1923]. Шепчущий, преследующий по ночам фантом – его память, его ностальгия.

Стихотворения Н. Алла можно назвать своеобразной матрицей (инвариантами) последующего развития поэтами старшего поколения темы самовосприятия эмиграции в ее концептуальной соотнесенности с ключевыми идеями, выражающими отношение к историческим реалиям, заложниками которых становятся русские изгнанники.

Развитие этой темы на протяжении «четверти века беженской судьбы» (А. Несмелов) *характеризуется типологически близкими чертами:*

1. Самохарактеристики лирического субъекта: *беженец* (М. Колосова, Л. Ещин), *изгнанник, бродяга, путник* (А. Несмелов), *калика переходжий* (Л. Ещин) – то есть человек,

лишенный родного дома, крова, родных, Родины.

2. Мотивный комплекс, развивающий лирическую сюжеттику – парадигма глаголов и глагольных слов, образующих несколько семантических сфер: *оторванности, забытости* (Н. Алл), *скитальчества, бездомности, бесприютности* («нас Родина выгнала», «скитаюсь по Азии древней» – А. Ачаир), *умирания* («выпил стакан отравы, высушил сердце» – Н. Алл); если не умирания, то *стагнации, угасания, обездвиженности, псевдожизни* («живу, наблюдая, / а жизнь настоящая дремлет» – А. Ачаир); *унынья, осознания ничемности, страданья* («гнев на убивших и детство, и молодость»; «брести без сил, в слезах» – Л. Ещин); «среди крови гаснет молодость»; «были, жили, и куда-то все ушли»; «в тупик глухой заведены»; «немало нас, плетущихся во тьму» – М. Колосова); *сознательного забвения прошлого* («сожжем о прошлом память»; «тебя никто не кличет, потеряла к прошлому пути» – М. Колосова); *сумасшедшего настоящего* («бегут сумасшедшие годы» – Е. Яшнов).

3. Поступательное развитие в лирическом сюжете «ролевых» образов самовосприятия религиозного наполнения: *калики переходжего* (Л. Ещин), *девы-воительницы, кликуши* (М. Колосова), *странствующего рыцаря* (А. Ачаира) [Забияко, 2016].

4. Мифологическое восприятие эмиграции как *рубежа* между про-

шлой настоящей жизнью на Родине / молодостью и – смертью / инобытием / посмертным существованием, рождающее образы *живого мертвеца, волчицы-оборотня, призрака, тени, «анаглифа»* (Н. Алл, Л. Ещин, А. Несмелов, М. Колосова).

5. Многозначное осмысление образа *родины*, объединяющего поэтов-эмигрантов, концептуальном ядре «родных мест» – от географически определенных топосов до расширительного образа матери, Русской земли.

6. Художественная корреляция образа Родины с образом чуждальной *стороны/чужбины/того света*, характеризующейся семантической группой понятий с концептуальным ядром *чужое / неживое*.

7. Появление мессианского начала в осмыслении себя как представителей старшего поколения, усиление роли «мы»-высказывания (А. Ачаир, А. Несмелов, М. Колосова).

Так или иначе, все перечисленные особенности в выражении образа самовосприятия «старшими» поэтами эмиграции отражают развитие этнокультурного, социально-политического, историко-литературного процессов в дальневосточном зарубежье и, разумеется, принимают в творчестве каждого индивидуализированные формы [Забияко, 2016].

Образ самовосприятия в лирике поэтов «молодой генерации»

К группе молодых поэтов мы относим тех, кто родился на рубеже

веков и с родителями приехал в Харбин подростком; кто родился в России в преддверии Первой Мировой войны и привезен младенцем; и тех, кто родился уже в Харбине (дети железнодорожников и других служащих). Практически половина из них не обращалась в своем творчестве к образу самовосприятия как эмигранта – а среди них были весьма активные в литературном быте, много пишущие: Георгий Гранин, Ларисса Андерсен, Наталия Резникова и многие другие.

Ведущую интонацию в саморефлексии своего эмигрантского состояния задавала плеяда поэтов, рожденных в 10-е гг. XX в.: (Н. Светлов, 1908 г. р., Сибирь); Н. Петерц (предп. 1908 г. р., ?); Г. Сатовский-младший (1909 г. р., Петербург), М. Шмейссер (1909 г. р., Новониколаевск); Н. Ильнек (1910 г. р., Харбин?); Н. Щеголев (1910 г. р.); С. Сергин (1910 г. р., Харбин), Л. Хаиндрова (1910 г. р., Одесса); Э. Трахтенберг (предп. 1910 – 1912 гг., ?); Е. Недельская (1912 г. р., Ярославль); В. Перелешин (1913 г. р.); М. Волин (1914 г. р.). 13 поэтов, большая часть которых входила в объединение «Чураевка» [Забияко, 2006], а затем некоторые из бывших чураевцев объединились в Шанхае под эгидой кружка «Пятница» [Кузнецова, 2019, с. 148]. Согласно Антологии В. Крейда, наиболее активно рефлектирующими над эмигрантской судьбой были Николай Светлов (5 стихотворений), Николай

Щеголев (4 стихотворения), Лидия Хаиндрова (7 стихотворений) и Валерий Перелешин (7 стихотворений).

Однако, если в качестве идейно-образного инварианта лирической саморефлексии старшего поколения эмигрантов мы рассматривали стихотворение Н. Алла, то в лирике молодой генерации – медитативную зарисовку Михаила Спургота (1901–1993), жившего в Китае с 14 лет, участвовавшего в Гражданской войне, затем в 1921 году вновь поселившегося в Харбине. В 1929 г. Михаил Спургот переезжает из Харбина в Шанхай [Русская поэзия Китая, 2001, с. 697], там публикует сборник «Желтая дама» (1931) [Эфендиева, 2011, с. 75]. Очевидно, что его самоощущение как эмигранта сформировалось именно в

Харбине в течение дореволюционных лет и тех 8 лет после 1921 года.

Михаил Спургот (успевший до революции пожить в Петербурге и Одессе, в Китае, побывать в Париже) был прекрасно образован и начитан. Стихотворение «Сижу с китайцами в харчевнях...» представляет собой ритмическую и идейно-образную аллюзию на вторую часть лермонтовской Родины – той, где лирический герой признается в своей причастности к России не-парадной, не воспетой в сказаниях и исторических хрониках (*ни слава, купленная кровью; ни темной старины заветные преданья / не шевелят во мне отрадного мечтанья*) [Лермонтов, 2004]. Лирическому герою Лермонтова близка Россия с ее немудреной жизнью русского крестьянина:

*Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков*

[Лермонтов, 2004, с. 20–21].

Лирический герой Лермонтова открывает своему читателю истинную, посконную Россию, которую до него не принято было не то чтобы любить – изображать [Ломинадзе,

1985, с. 28]: это *дымок спаленной жнивы; в степи ночующий обоз; желтая нива; чета белеющих берез; полное гумно; изба, покрытая соломой; с резными ставнями окно;*

пляска с гомоном и свистом; говор пьяных мужичков. Не случайно первая часть, написанная неспешным элегическим 6-стопным ямбом, сменяется второй с бодрым 4Я ЖМЖМ.

Переключку с М. Лермонтовым М. Спургот начинает именно со второй части прославленного стихотворения. Только его лирический герой открывает нам уже не Россию, а «посконный» – простонародный – Китай, насквозь пропитанный древней традицией. Его любовь к такому (опрошенному) Китаю и китайскому быту пронизана «странной радостью» (перифраз элегической лермонтовской

«странной любви»). Герой М. Спургота сидит «в харчевнях», пьет «ханшин» (дешевую водку, точнее – самогон), и, «жадно впитывая соки / культуры чуждой <мне> страны», ведет с подвыпившими китайцами «бесед несложных ряд». А «пляску с топотом и свистом» ему заменяют «мудрые песни Лао-Цзы». Такова реальность, реальность эмигранта, с которой лирический герой, наследующий и русскую литературную традицию, и присущий русским демократизм, но открытый культуре «чуждой страны», сживается:

*Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!*

*И, жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..*

*Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожженный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудиц и богов.*

*И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!..
(«Сижу с китайцами в харчевнях...»)*

[Спургот, 1931, с. 27].

В стихотворении отражена органическая встроенность лирического героя в русскую литературную традицию, ее метапоэтическая рецепция, ее метапоэтическая рецепция.

Лирические образы самовосприятия русской эмиграции в Китае 20-40-х гг. XX в. 81

ция и рецепция чужой (китайской) литературной традиции (Лермонтов/Лао Цзы) [Сенина, 2018, с. 145–153]. Но, что более значимо, лирический герой М. Спургота осознает и свою органическую причастность к Китаю, несмотря на испытываемую «странную радость» от этого факта. Единственное, что «выдает» истинные чувства его героя-эмигранта – это ожидания «тоскою вздыбленной весны». Можно додумать, что весной особенно остро просыпается ностальгия героя – *тоска* по Родине.

Несмотря на то, что Михаил Спургот не был духовным лидером поэтической молодежи, именно он первым сумел аккумулировать и выразить основные тенденции лирического самосознания этой генерации поэтов-эмигрантов, выделить концептуальные основы развития лирического самовосприятия дальневосточной эмиграции.

Для молодого поколения, выросшего либо родившегося в эмиграции, статус эмигранта был не только психологически более привычен, но и понятен с точки зрения жизненной практики. Молодежи необходимо было примениться к тем реалиям, в которых она жила: с 1924 года изменение правового статуса КВЖД, переход ее в китайское управление; с 1931 г. начало японской оккупации Маньчжурии; понимание того, что в Харбине будет очень трудно выстроить будущее и, скорее всего, придется искать себе

счастье либо в Шанхае, либо за пределами Китая.

Опору своей русскости эмигрантская молодежь будет искать уже не в прошлом России, а в русской литературе. Характерно и другое наблюдение – образ Китая в творчестве молодых поэтов, тех, кто исследует свой эмигрантский удел в лирической форме – все чаще обретает черты не чуждого пространства, а «милых сердцу мест», а затем и второй Родины, отражая бипатриотическую настроенность дальневосточной молодой поросли [Русский Харбин ... , 2015, с. 3–14]. Несмотря на то, что *тоска* и ее синонимы – ключевые образы самоощущения молодого поколения, эта *тоска* всегда коррелирует с действенным желанием утвердить свою русскость и причастность своим уникальным фронтальным координатам.

Образ самовосприятия в лирике молодых обретает новые коннотации: появляются образы «русского художника, не лишённого иностранных черт» (Н. Щеголев), «женуха, обрученного Китаю» (В. Перелешина), «чудака захудалого и странного», мотивный уровень, связанный с сиротством и прозябанием.

Кроме того, часть молодых людей, вообще не знающих реалий жизни в СССР, но наблюдающих усиление диктата со стороны японских властей, все чаще обращала взоры на родину своих предков, создавая в своем художественном воображении ее мифологизированный образ (Н. Щеголев, Ю. Кру-

зенштерн-Петерец и др.) [Забияко, 2023]. В лирике отдельных представителей молодого поколения в середине 40-х гг. появляется патриотический пафос (Ю. В. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, Н. Щеголев и др.).

Выводы

Общие для представителей всех эмигрантских центров проблемы самоопределения и самовосприятия в дальневосточной части рассеяния получают уникальное воплощение. Дальневосточное порубежье – пространство скрещения исторических и политических судеб России и Китая, русских и китайских этнокультурных и этнорелигиозных традиций и т. д., сложнейших этносоциальных процессов, протекающих в то время в Северной Маньчжурии – придает динамический импульс развитию образа самовосприятия дальневосточных беженцев. Это в концептуальной форме запечатлевает лирика восточной ветви. Образ «русского беженца», «бродяги», «изгнанника», «калики перехоже-

го», изгнанного родной матерью-Родиной, доминирует в самовосприятии старших лириков (А. Ачаира, А. Несмелова, Л. Ещина, М. Колосовой). Этот образ амбивалентен – наделен чертами «живого мертвеца», оборотня, «призрака», «тени». Он весь – в прошлом, и окружающие реалии Маньчжурии для него – лишь повод для мнемонической аберрации, возможности вспомнить родные места. В лирике младшего поколения на смену «беженцу» и «изгою» приходит образ «русского художника», свято хранящего те заветы, что были подарены предками и родной литературой. Его временной континуум – лишен памяти о прошлом Родины, одновременно и мыслей о будущем. Несмотря на «сиротство» и «тоску», этот художник обретает «ласковую мачеху» – Китай. Бипатриотизм сознания не мешает его готовности нести дальше по свету русскую культуру, русский язык, русскую литературу.

Библиографический список

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Москва : Русская панорама, 2004. 432 с.
2. Алл Н. Ектенья. Стихи о России. Харбин, 1923. 30 с.
3. Витковский Е. Спи спокойно, кротчайший Ленька! // Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. Москва : Водолей Publishers, 2005. С. 66.
4. Витковский Е. Формула бессмертия // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Владивосток : Рубеж, 2006. С. 10.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва : СПб, 1882. Т. 4. Р–V. С. 685.

6. Забияко А. А. Дело о «Чураевском питомнике»: (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.
7. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : монография. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
8. Забияко А. А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск : Изд-во Амурского государственного университета, 2007б. 250 с.
9. Забияко А. А. «Китеж, воскресающий без нас...»: образ Родины в лирике дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, Фэн Ишань // Русская словесность. 2023. № 4. С. 58-70.
10. Забияко А. А. «Четверть века беженской судьбы...»: художеств. Мир лирики русского Харбина / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.
11. Кузнецова О. Ф. «Я оказался в этом сером и неинтересном городе...»: из шанхайских писем Валерия Перелешина матери, 1943–1946 // Литературный факт. 2019. № 4. С. 145–179.
12. Ленин В. И. Статья № 437. Декрет Совета Народных Комиссаров. О принятии иностранцев в Российское гражданство // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1944. С. 743–744.
13. Лермонтов М. Ю. Родина // Стихотворения. Москва : Астрель : АСТ, 2004. С. 20–21.
14. Лобычев А. Китеж русской поэзии на Востоке // Рубеж. 2003. № 4. С. 367–374.
15. Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. Москва : Современник, 1985. 44 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 18 / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Русский язык, 1988. 796 с.
17. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. Научный редактор Е. Витковский. Москва : Время, 2001. 720 с.
18. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
19. Сенина Е. В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 145–153.
20. Советский энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1989. С. 1570, 1 ст.
21. Спургот М. Желтая дама. Шанхай : Заря, 1931. 63 с.
22. Эфендиева Г. В. Проблема этнической идентификации поэтов-эмигрантов русского Харбина // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 72–78.
23. Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2005. 111 с.
24. Frontier as an artistic concept / А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, Фэн Ишань, Чжоу Синьюй, Лю Ши // The European Proceedings of Social & Behavioural Scienc-

es, 2021. Vol. 102. P. 1175. URL: <https://www.europeanproceedings.com/>. (Дата обращения: 31.01.2024).

Reference list

1. Ablova N. E. KVZhD i rossijskaja jemigracija v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaja polovina XX v.) = Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China. International and political aspects of history (first half of the XX century). Moskva : Russkaja panorama, 2004. 432 s.
2. All N. Ekten'ja. Stihi o Rossii = Poems about Russia. Harbin, 1923. 30 s.
3. Vitkovskij E. Spi spokojno, krotchajshij Len'ka! = Sleep well, the meekest Lyonka! // Eshhin L. E. Sobranie stihotvorenij. Moskva, 2005. S. 66.
4. Vitkovskij E. Formula bessmertija = The immortality formula // Nesmelov A. Sobranie sochinenij. T. 1. Vladivostok : Rubezh, 2006. S. 10.
5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moskva : SPb, 1882. T. 4. R–V. S. 685.
6. Zabijako A. A. Delo o «Churaevskom pitomnike»: (novye shtrihi k izvestnoj istorii harbinskogo pojeticheskogo ob#edinenija) = The Case of “Churayevsky Nursery”: (new touches to the well-known story of the Harbin poetry association) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 6. S. 170–186.
7. Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina = The Far Eastern frontier mentality: the culture and literature of Russian Harbin : monografija. Novosibirsk : Izd-vo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2016. 437 s.
8. Zabijako A. A. Tropa sud'by Alekseja Achaira = Alexey Achair's path of destiny. Blagoveshhensk : Izd-vo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007b. 250 s.
9. Zabijako A. A. «Kitez, voskresajushhij bez nas...»: obraz Rodiny v lirike dal'nevostochnoj jemigracii = “Kitez, resurrecting without us...”: the image of the Motherland in the poetry of Far Eastern emigration / A. A. Zabijako, Fjen Ishan' // Russkaja slovesnost'. 2023. № 4. S. 58-70.
10. Zabijako A. A. «Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...»: hudozhestv. Mir liriki russkogo Harbina = “A quarter of a century of refugee destiny...”: art. The World of Russian Harbin's Lyrical poetry / A. A. Zabijako, G. V. Jefendieva. Blagoveshhensk : Amurskij gos. un-t, 2008. 428 s.
11. Kuznecova O. F. «Ja okazalsja v jetom serom i neinteresnom gorode...»: iz shanhajskih pisem Valerija Pereleshina materi, 1943–1946 = “I found myself in this gray and uninteresting city...”: from Shanghai letters of Valery Pereleshin to his mother, 1943-1946// Literaturnyj fakt. 2019. № 4. S. 145–179.
12. Lenin V. I. Stat'ja № 437. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov. O prinjatii inostrancev v Rossijskoe grazhdanstvo = Article No. 437. Decree of the Council of People's Commissars. On the Admission of Foreigners to Russian Citizenship // Sobranie zakononij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. Moskva, 1944. S. 743–744.
13. Lermontov M. Ju. Rodina = Motherland // Stihotvorenija. Moskva : Astrel' : AST, 2004. S. 20–21.
14. Lobychev A. Kitez russkoj poezii na Vostoke = Kitez of Russian poetry in the East // Rubezh. 2003. № 4. S. 367–374.

15. Lominadze S. V. Pojeticheskiy mir Lermontova = Lermontov's poetic world. Moskva : Sovremennik, 1985. 44 s.
16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. = Dictionary of the Russian language. Izd. 18 / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Russkij jazyk, 1988. 796 s.
17. Russkaja poezija Kitaja: Antologija = Russian poetry in China: Anthology / sost. V. Krejd, O. Bakich. Nauchnyj redaktor E. Vitkovskij. Moskva : Vremja, 2001. 720 s.
18. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontiera = Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier / Pod red. A.P. Zabijako. Blagoveshensk : Amurskij gos. un-t, 2015. 462 s.
19. Senina E. V. Metaliteraturnaja refleksija kitajskoj kul'tury v tvorcestve dal'nevostochnyh jemigrantov = Meta-literary reflection of Chinese culture in the Far Eastern emigrants' work // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. № 1. S. 145–153.
20. Sovetskij jenciklopedicheskiy slovar' = Soviet Encyclopedic Dictionary. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1989. S. 1570, 1 st.
21. Spurgot M. Zheltaja dama = Yellow lady. Shanhaj : Zarja, 1931. 63 s.
22. Jefendieva G. V. Problema jetniceskoj identifikacii pojetov-jemigrantov russkogo Harbina = The problem of ethnic identity of Russian Harbin emigrant poets // Russkij jazyk za rubezhom. 2011. № 1. S. 72–78.
23. Jakimova S. I. Literatura russkogo zarubezh'ja Dal'nego Vostoka = Literature of the Russian diaspora in the Far East. Habarovsk : Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2005. 111 s.
24. Frontier as an artistic concept / A. A. Zabijako, Ja. V. Zinenko, Fjen Ishan', Chzhou Sin'juj, Lju Shi // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2021. Vol. 102. P. 1175. URL: <https://www.europeanproceedings.com/>. (Data obrashhenija: 31.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.
The article was submitted on 25.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-87
EDN MYETCW

**«Форма сопротивления системе»: образ распятия в творчестве
И. А. Бродского 1960–1970-х гг.**

Анна Александровна Федотова

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. Статья посвящена рецепции И. А. Бродским одного из ключевых для христианства сюжетов – сюжета распятия Иисуса Христа. В ней впервые систематизированы и комплексно проанализированы произведения Бродского 1960–1970-х гг., которые включают аллюзии на соответствующее евангельское повествование: «Исаак и Авраам» (1963), «Речь о пролитом молоке» (1967), «Натюрморт» (1971), «Сретенье» (1972), «Развивая Платона» (1976). Рассмотренные в статье произведения Бродского в основном написаны еще до его вынужденной эмиграции, состоявшейся в 1972 году. Пропаганда атеизма, свойственная советскому обществу, не заставила поэта отвернуться от религиозных тем, но, наоборот, даже стимулировала его вновь и вновь обращаться к христианским мотивам и образам. В статье выявлены основные формы актуализации претекста, а также комплекс устойчивых мотивов (мотив страдания, мотив одиночества, мотив света), характеризующих образ распятия в творчестве Бродского. Предложена новая интерпретация рассмотренных текстов на основе проанализированных аллюзий. Уподобление Христа и лирического героя – это уподобление двух страдающих личностей, не принимаемых социумом (в «Речи о пролитом молоке» и «Развивая Платона») или сталкивающихся лицом к лицу со смертью («Натюрморт»). Характерно в этой связи, что евангельские аллюзии обычно актуализируются Бродским в тех фрагментах текстов, которые претендуют на роль эмоциональных кульминаций. Отсутствие однозначности в трактовке образа распятого Христа, наиболее отчетливо проявившееся в написанных фактически друг за другом «Натюрморте» и «Сретении», демонстрирует непрерывный религиозный поиск Бродского, поиск Бога как в пределах земной реальности, так и за ее границами. Этот поиск придает лирике поэта особенную метафизическую остроту, выводя ее за пределы ограниченной с точки зрения религиозности советской действительности.

Ключевые слова: И. А. Бродский; Евангелие; рецепция; интертекстуальность; символ; мотив; образ

© Федотова А. А., 2024

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Федотова А. А. «Форма сопротивления системе»: образ распятия в творчестве И. А. Бродского 1960–1970-х гг. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 87-102. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-87>. <https://elibrary.ru/MYETCW>.

Original article

**“A form of resistance to the system””: the image of crucifixion
in I. A. Brodsky's work of the 1960–1970s**

Anna A. Fedotova

Doctor of philology, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The article focuses on I. A. Brodsky's reception of one of the key subjects for Christianity – the crucifixion of Jesus Christ. It is the first attempt at a systematic and comprehensive analysis of Brodsky's 1960s – 1970s works that include allusions to the relevant Gospel narrative: Isaac and Abraham (1963), Speech over Spilled Milk (1967), Still Life (1971), Candlemas (1972), Developing Plato (1976). Brodsky's works examined in this article were mostly written before his forced emigration in 1972. The propaganda of atheism inherent in Soviet society did not prevent the poet from writing on religious themes, but, on the contrary, encouraged him to turn to Christian motifs and images again and again. The article presents the main forms of actualizing the pre-text, as well as a set of persistent motifs (suffering, loneliness, light) characterizing the image of the crucifixion in Brodsky's work. The author offers a new interpretation of the poet's texts on the basis of the analyzed allusions. The comparison of Christ and the lyrical hero is a comparison of two suffering individuals rejected by the society (in Speech over Spilled Milk and Developing Plato) or coming face to face with death (Still Life). In this respect, it is quite typical that evangelical allusions are actualized by Brodsky in those text fragments that claim to be emotional climaxes. The lack of unambiguity in interpreting the image of the Christ being crucified (most clearly manifested in “Still Life” and “Candlemas”, written virtually one after the other) demonstrates Brodsky's constant religious search, his search for God both within the limits of earthly reality and beyond its boundaries. This search gives the poet's works a special metaphysical poignancy, taking them beyond the limits of the Soviet reality, limited from the religious point of view.

Keywords: I. A. Brodsky; Gospel; reception; intertextuality; symbol; motif; image

The research is funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Fedotova A. A. “A form of resistance to the system””: the image of crucifixion in I. A. Brodsky's work of the 1960–1970s. *World of Russian-speaking*

countries. 2024; 1(19): 87-102. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-87>. <https://elibrary.ru/MYETCW>

Введение

Творчество И. А. Бродского активно привлекает внимание современных литературоведов. В последние годы вышел ряд статей и монографий, в которых исследуется как биография писателя [Лосев, 2008], так и наиболее значимые аспекты его поэтики (проблемы лирического субъекта и интертекстуальности [Ахапкин, 2018; Богданова, 2021; Ранчин, 2001; Ishov, 2017], циклообразования [Богомолов, 2004], строфики [Как работает стихотворение Бродского, 2002], коммуникативной структуры [Чаунина, 2019] и многие другие). Отдельным направлением исследования является изучение религиозной составляющей наследия поэта, «пламенного антиязычника» [Янгфельдт], как характерно назвал свою статью Б. Янгфельдт. Книга Янгфельдт «Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском» [Янгфельдт, 2011], включает в себя важные наблюдения о религиозности Бродского в целом, однако существует ряд не менее интересных частных работ, посвященных отдельным вопросам рецепции библейского текста в лирике автора [Ахапкин, 2018; Верхейл, 2022; Измайлов, 2008; Мищенко, 2008].

Между тем вопрос о христианских мотивах и образах в творчестве поэта еще не исчерпан, до сих пор не существует отдельного комплексно-

го исследования, посвященного этому вопросу. В рамках данной статьи остановимся на одном из аспектов названной проблемы – специфике обращения Бродского к одному из ключевых для христианства сюжетов – распятию Иисуса Христа. В качестве материала для анализа были отобраны стихотворения И. А. Бродского 1960–1970-х гг., для которых свойственно наличие отсылок к интересующему нас евангельскому повествованию: «Исаак и Авраам» (1963), «Речь о пролитом молоке» (1967), «Натюрморт» (1971), «Сретенье» (1972), «Развивая Платона» (1976). Используя традиционные методы комплексного филологического анализа текста, а также рецептивные и интертекстуальные методики, выявим особенности актуализации Бродским сюжета распятия.

Результаты исследования

В 1963 году, во время разгара хрущевской антирелигиозной кампании, совсем еще юный автор (Бродскому в то время было 23) написал поэму, которая в современном литературоведении считается важнейшим этапом на пути его духовного формирования (об этом см., например, [Лосев, 2008, с. 137]). На фоне ранней лирики Бродского «Исаак и Авраам» резко выделяется своей исключительно религиозной направленностью. Как следует уже из названия, поэма прямо обращена к ветхозаветному

повествованию, а создана она была после первого прочтения поэтом начальных книг Библии: «Я написал “Исаак и Авраам” буквально через несколько дней после того, как прочитал Бытие» (цит. по: [Лосев, 2008, с. 137]). В глубоко символической поэме Бродский обращается к широко известному рассказу о несостоявшемся жертвоприношении Авраамом своего сына Исаака. Сюжет «испытания веры» героя превращается в проникнутый духом экзистенциализма (во время написания произведения поэт читал также книгу С. Кьеркегора «Страх и трепет») рассказ об одиночестве человека во вселенной, о мучительных поисках и об обретении человеком Бога.

Поэма создана на основе диалога ветхозаветной и новозаветной традиции. В христианской экзегезе несостоявшееся жертвоприношение Исаака трактуется как прообраз крестной жертвы Иисуса Христа. В «Исааке и Аврааме» Бродский акцентирует внимание читателя на этих религиозных смыслах. Так, поэт обращается к единственному в библейском повествовании диалогу между Авраамом и Исааком: «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всежжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всежжения, сын мой. И шли далее оба вместе» (Быт. 22: 7–8) [Библия]. Психологизируя образ Авраама,

Бродский тем не менее достаточно точно воспроизводит претекст: «А где же агнец?» <...> «услышал он ответ (почти что окрик): “В пустыне этой ... Бог ягненка сам найдет себе ... Господь, он сам усмотрит...”» [Бродский, 2001а, с. 258]. Согласно традиционному православному толкованию, этот фрагмент библейского текста является пророческим: Авраам указывает на то, что Бог сам выберет для себя единственного подлинного Агнца, а именно Иисуса Христа.

Аналогия между событиями, произошедшими на горе Мориа и на холме Голгофы, становится еще более прозрачной благодаря включению Бродским в поэму прямой отсылки к образу креста. Она появляется в эпизоде сна Исаака, наполненном символическими образами, главным из которых является образ куста: «Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет корней. / В нем сами буквы больше слова, шире. / “К” с веткой схоже, “У” – еще сильней. / Лишь “С” и “Т” – в другом каком-то мире. <...> Но вот он понял: “Т” – алтарь, алтарь, / а “С” лежит на нем, как в путях агнец. / Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т. / Порывы ветра резко ветви крянут / во все концы, но встреча им в кресте, / где буква “Т” все пять одна заменит. <...> Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть, / не буква “Т” – а тотчас КРЕСТ пред нами. / <...> Земля блестит – и он плывет над ней. / Горит звезда...» [Бродский, 2001а, с. 259]. Предельно

расширяя пространство поэмы, Бродский оставляет лишь две четкие координаты: образы земли и звезды формируют вертикаль, которая в «Исааке и Аврааме» становится вертикалью общения между человеком и Богом. Религиозная семантика образа звезды в целом характерна для лирики Бродского, часто она актуализируется в стихотворениях, входящих в рождественский цикл поэта. Если в рождественских текстах Бродского загорающаяся в небе звезда ассоциируется с рождающимся Спасителем, то в «Исааке и Аврааме» она непосредственно связана с его смертью на кресте.

Характерно, что «Исаак и Авраам» оказывается фактически единственным произведением Бродского, в котором крест становится не столько местом страдания (об этом см. ниже), сколько средством человеческого спасения. Отсюда – почти пасхальная радость, которой наполнены строки поэмы: «Пойдем туда, где все сейчас грустят. / Пускай узрят они, что в мире зла нет. <...> / Открой глаза – здесь смерти нет в помине. <...> / Открой глаза: небесный куст в цвету» [Бродский, 2001а, с. 260–261]. Образ расцветшего куста недвусмысленно отсылает к идее торжества жизни над смертью, заложенной в финале евангельского повествования.

В отличие от «Исаака и Авраама», в созданной спустя несколько лет небольшой поэме «Речь о пролитом молоке», Бродский обраща-

ется к религиозной теме в тексте с современной проблематикой. Это произведение, написанное в 1967 г., автобиографично и остро социально. Поэт начинает с того, что подчеркивает внешнюю идилличность общества победившего социализм, которое преодолело ужасы революции, войны и террора: «Жизнь вокруг идет как по маслу» [Бродский, 2001б, с. 180], «То есть, все основания быть спокойным» [Бродский, 2001б, с. 180], «Джугашвили хранится в консервной банке. / Молчит орудие на полубаке» [Бродский, 2001б, с. 181]. Единственную диссонирующую нотку в эту картину торжества справедливости вносят отсылки к личной трагедии поэта, уже пережившего к этому времени преследования КГБ, арест, тюрьму, лечение в психиатрической больнице, а также ссылку: «Двадцать шесть лет непрерывной тряски, рытья по карманам, судейской таски» [Бродский, 2001б, с. 180].

Между тем постепенно идея о современном обществе всеобщего благоденствия начинает подвергаться Бродским сомнению. От собственно советских реалий поэт переходит к ироническому, а затем и к трагическому изображению европейской цивилизации вообще, состояние которой изображается с помощью метафорического ряда, связанного с наркоманией: «Кайф, состояние эйфории, / диктовать нам будет свои законы» [Бродский, 2001б, с. 185], «...благодаря хорошему зелью, / закружимся в облаках

каруселью. / Будем спускаться на землю / исключительно для укола» [Бродский, 2001б, с. 185]. Современное цивилизованное общество, по мнению поэта, своей целью ставит погоню за удовольствием, бесконечное самодовлетворение.

В этом контексте начинает звучать в поэме религиозная тема: «Наркоманы прицепят себе погоню. / Шприц повесят вместо иконы / Спасителя и Святой Марии» [Бродский, 2001б, с. 185]. Бродский сразу же указывает на наиболее болевую точку и советского атеистического общества, и западного капиталистического (еще один из центральных мотивов поэмы – мотив денег и их власти над человеком): полная обращенность на себя предполагает отказ от божественного измерения. Характерно, что традиционный для европейской культуры образ неба как места средоточия божественного показан как место пребывания находящегося в наркотическом опьянении человека («закружимся в облаках каруселью»), а эмблемой подмены Бога самим собой, выступает образ шприца на месте иконы как образ обращенности на самого себя там, где должна быть обращенность к Богу.

Для поэмы в целом характерно ироничное обыгрывание главных лозунгов советской идеологии, Бродский отсылает читателя и к популярному в атеистической культуре определению религии: «Нынче поклонники оборота / “Ре-

лигия – опиум для народа” / поняли, что им дана свобода, / дожили до золотого века. / Но в таком реестре (издержки слога) / свобода не выбрать – весьма убога. / Обычно тот, кто плюет на Бога, / плюет сначала на человека» [Бродский, 2001б, с. 187]. В контексте интерпретации современного общества как общества наркоманов знаменитый атеистический лозунг приобретает дополнительные смысловые обертоны. Между тем в самом произведении Бродского звучит явная полемика с высказыванием К. Маркса «религия – опиум народа» (использовалось им в работе «К критике гегелевской философии права» (1843)), так как именно религиозная жизнь, по мнению автора поэмы, выступает единственной реальной альтернативой наркотическому экстазу (об особенностях рецепции Бродским советского дискурса в поэме см. подробнее [Федотова, 2023]).

Афористическое выражение «Обычно тот, кто плюет на Бога, плюет сначала на человека» напоминает нравственную максиму, в безальтернативной форме, доносящей до читателя идею о единстве в этическом плане человеческого и божественного. Между тем, учитывая религиозную направленность поэмы, она вполне может быть прочитана и как евангельская аллюзия, отсылка к эпизоду издевательств над Иисусом, непосредственно предшествующих распятию: «Тогда плевали Ему в лице и

заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. 26: 67) [Библия], «...и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове» (Мф. 27: 30) [Библия]. Привлечение евангельского контекста значительно углубляет трагизм ситуации богооставленности современного человека и общества в целом. «Православные! Это не дело! / Что вы смотрите обалдело?! / Мы бы предали Божье Тело, / расчищая себе пространство» [Бродский, 2001б, с. 186] – подчеркнуто в эмоциональных словах Бродский прямо пишет о забвении и предательстве человеком Бога в сегодняшнем мире. Отсылки к образу страдающего Христа добавляют смысловой глубины и образу лирического героя, муки которого хотя в основном и отнесены в прошлое, но тем не менее оставляют на его душе глубокий след.

Хотя на уровне социума ситуация трагической разобщенности человека и Бога показана Бродским вполне ясно, интонации религиозного поиска пронизывают собой все пространство «Речи о пролитом молоке». Реализуется этот поиск не на уровне общественного, а на уровне личного. В очень разноплановой и разнообразной по интонациям поэме принципиально постоянное авторское возвращение к одной и той же ситуации. Поэт вновь и вновь подчеркивает, что он находится ночью в одиночестве в своей квартире и смотрит в окно. В начале поэмы: «В окне напротив горит лампада

<...> Вижу только лампаду. Зато икону / я не вижу» [Бродский, 2001б, с. 181], центральная часть заканчивается словами: «Планеты раскачиваются, как лампы, / которые Бог возжег в небосводе / в благоговеньи своем великом / перед непознанным нами ликом» [Бродский, 2001б, с. 187] и, наконец, в финале поэмы: «Остается тихо сидеть, поститься / да напротив в окно креститься, / пока оно не погасло» [Бродский, 2001б, с. 190].

Икона, которую пытается увидеть лирический герой, в контексте смыслового целого поэмы отчетливо противопоставлена шприцу, которым современная цивилизация, «плюющая» на Бога и на человека, пытается заменить образы «Спасителя и Святой Марии». Очевидно, что трехкратное возвращение к одним и тем же образам (окно, икона, свет лампы) – это отнюдь не повторение, в нем явно прослеживается динамика. От ситуации созерцания лирический герой обращается к активным действиям (крест – форма молитвы). Хотя лик Бога так и остается «непознанным», поиск возможности диалога с ним оказывается для автора принципиальным. Горизонтальное измерение текста (взгляд из окна в окно) оказывается в то же время и измерением вертикальным (от человека к Богу), эта же вертикаль выстраивалась и в поэме «Исаак и Авраам». Показательно, что в поиске диалога с Богом преодолевается одиночество лирического героя, чья разобщенность с

современным, прежде всего советским, обществом постоянно подчеркивалась на протяжении всей поэмы. Лампада зажжена в окне напротив, и ситуация молитвы оказывается объединяющей личности.

Схожим по проблематике с поэмой «Речь о пролитом молоке» является позднее стихотворение Бродского «Развивая Платона» (1976). В нем поэт обращается к идеям античного философа об идеальном государстве и создает собственный вариант кажущегося на первый взгляд идеальным города. Этот город характеризуется гармоничным единством природного и культурного, прошлое здесь органично соединяется с современностью, а частная жизнь полна комфорта. Показательно, что в стихотворении отсутствует выстроенная в ранее проанализированных текстах пространственная вертикаль, а замкнутое пространство сочетается при изображении города с остановившемся временем («Время <...> в темноте там разглаживало бы морщины / и стирало бы собственные следы» [Бродский, 2001в, с. 123]).

Между тем, как и в случае с поэмой «Речь о пролитом молоке», нарисованная Бродским идиллия оказывается внутренне несостоятельной, а утопия оборачивается антиутопией. Важным признаком внутренней кризисной изображенной картины выступает указание Бродского на то, что правит идеальным городом тиран: «Чтобы там была Опера, и чтоб в ней ветеран /

– тенор исправно пел арию Марио по вечерам; / чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере / бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран»» [Бродский, 2001в, с. 122]. Изображение тирана в бытовой ситуации свойственно лирике Бродского (см., например, стихотворения, «Одному тирану» (1972), «Резиденция» (1983), эссе «О тирании» (1979)), однако внешняя стабильность и «нормальность» событий не должна обманывать читателя. Злодеяния тирана (массовые репрессии в «Одному тирану» или убийство сына под пытками в «Резиденции») подаются автором как нечто обыденное, но в обыденности зло оказывается еще более страшным.

Тот же принцип наблюдается и в стихотворении «Развивая Платона». Власть тирана – это признак тоталитарного государства, а тоталитаризм у Бродского неизменно вступает в конфликт с личностью, что происходит и в финале стихотворения, который кажется совершенно неподготовленным всем предыдущим текстом: «И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж, / подрывную активность, бродяжничество, мена- / а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала, / тыча в меня натруженными указательными: “Не наш!” – / я бы втайне был счастлив, шепча про себя: “Смотри, / это твой шанс узнать, как выглядит изнутри / то, на что ты так долго глядел снаружи; / запоминай же подробности, восклицая “Vive la patria!”» [Брод-

ский, 2001в, с. 124]. Изображение беснующейся кричащей толпы, жаждущей смерти лирического героя, включает в себя аллюзию на евангельский сюжет, предшествующий казни Иисуса. Понтий Пилат, предпринимая попытку спасти Христа, предлагает толпе отпустить его ради приближающегося праздника Пасхи, однако «весь народ стал кричать: смерть ему», «они кричали: Распни, распни его» (Лак. 23: 18–21) [Библия]. Как и в случае с поэмой «Речь о пролитом молоке», Бродский отсылает читателей к наиболее трагичному эпизоду евангельского повествования, когда Христос оказывается предан народом. В стихотворении «Развивая Платона» трагизм ситуации усугубляется тем, что если в настоящем поэмы «Речь о пролитом молоке» лирический герой находится в относительно стабильном положении, то в данном случае он вступает в прямое столкновение с окружающим его населением идеального города. Евангельская аллюзия используется Бродским в момент наивысшего эмоционального напряжения текста, его эмоциональной кульминации (об этой особенности актуализации евангельского текста см. подробнее [Лученецкая-Бурдина, 2021]). Соотнесение образа страдающего лирического героя с Иисусом Христом перед казнью подчеркивает степень абсолютной разобщенности его с тоталитарным обществом.

В отличие от проанализированных произведений, в которых при рецепции сюжета распятия внимание Бродского привлекает исключительно фигура Иисуса Христа, существует ряд текстов поэта, в которых рядом со страдающим Христом появляется образ Богоматери. Наиболее ярко соотнесенность двух образов проявилась в стихотворении «Натюрморт» (1971). Это одно из наиболее трагичных произведений Бродского, написанное вскоре после перенесенной тяжелой болезни, когда поэт начал уже всерьез готовиться к смерти. В основе стихотворения, также как и в «Речи о пролитом молоке» или «Развивая Платона», лежит мысль о безграничном одиночестве поэта. Однако теперь это одиночество не социальное, а экзистенциальное: «Вещи и люди нас / окружают. И те, / и эти терзают глаз. / Лучше жить в темноте» [Бродский, 2001б, с. 422].

Терзания лирического героя обусловлены не только его разобщенностью с окружающими, но преимущественно определяются пониманием всеобщей смертности людей, в том числе, естественно, и себя. Показательно, что, если Бродский начинает с утверждения противопоставленности человека и вещи по причине смертности первого («О вещах, а не о / людях. Они умрут. / Все. Я тоже умру» [Бродский, 2001б, с. 422]), то, говоря затем о вещах, он использует образный ряд, отчетливо ассоциирую-

щийся с тлением («Внутри у предметов – пыль. / Прах <...> Пыль. И включенный свет / только пыль озарит. Даже если предмет / герметично закрыт» [Бродский, 2001б, с. 423]). Свет, который в лирике поэта обычно несет положительный смысл и вызывает прямые параллели с религиозной темой (ср. образы звезды и свечи в «Исааке и Аврааме» и лампы в «Речи о пролитом молоке»), в контексте «Натюрморта» оказывается бессильным перед всеобщей смертностью. Характерно, что Бродский не ограничивается этим намеком, но и использует более прямой религиозный образ: «Швабра, епитрахиль / пыль не сотрут. Сама / вещь, как правило, пыль / не тщится перебороть, <...> ибо пыль – это плоть / времени; плоть и кровь» [Бродский, 2001б, с. 423–424]. Упоминание епитрахили, которая является неотъемлемой частью одежды священнослужителя и символизирует его благодатные дарования, вносит новый, еще более трагический обертоны в текст. Даже религия оказывается неспособной противостоять разрушительной силе времени и смерти.

Ключевое для семантики произведения противопоставление жизни и смерти на новом уровне реализуется в последней части стихотворения. Последняя часть построена на аллюзии к эпизоду распятия. Показательно, что структурно «Натюрморт» в этом случае явно перекликается с «Реквиемом» А. А. Ахматовой, заключительная

часть которого (перед эпилогом) также соотносится с Евангелием и прямо называется «Распятие». В отличие от Ахматовой, подчеркивающей, что «туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» [Ахматова], Бродский домысливает не содержащийся в евангельском тексте диалог между Богородицей и Христом, что может быть расценено как отсылка к кондаку Романа Сладкопевца «Плач Пресвятой Богородицы при Кресте», читающемуся в Страстную Пятницу. Принципиальные для Кондака слова вынесены в эпифору. Обращаясь к Христу, Богородица непрерывно повторяет: «Ты еси Сын и Бог Мой» [Роман Сладкопевец]. В своем стихотворении Бродский обращается к переосмыслению этого непрерываемого для Богородицы тезиса: «Мать говорит Христу: <...> Ты мой сын или Бог? / То есть мертв или жив?» [Бродский, 2001б, с. 425]. Замена союза (и на или) придает тексту Бродского напряженность и новый смысл, не свойственный оригинальному религиозному произведению.

Центральная для «Натюрморта» идея торжества смерти сталкивается с событием распятия, которое в христианстве парадоксально трактуется именно как победа жизни над смертью. Между тем в финале стихотворения Бродский сознательно уходит от христианской метафизики. В отличие от поэмы «Исаак и Авраам», в которой за крестом действительно следовало

воскресение, финал «Натюрморта» намеренно открыт: «Он говорит в ответ: / – Мертвый или живой, / разницы, жено, нет. / Сын или Бог, я твой» [Бродский, 2001б, с. 425]. Заключительные строки текста, хотя и привносят в стихотворение некий положительный итог («я твой» звучит как альтернатива полному одиночеству лирического героя), тем не менее на онтологическом уровне оставляют вопрос о торжестве жизни или смерти принципиально неразрешенным. В этом случае, безусловно, отталкиваясь от традиционного религиозного понимания сюжета распятия и образа Иисуса Христа, Бродский так и не меняет союз «или» на «и».

Иными чувствами и настроением проникнуто написанное годом позже стихотворение Бродского «Сретенье» (1972), по многим параметрам перекликающееся с «Натюрмортом». Оно также несет на себе ахматовский «след»: посвященное Анне Ахматовой, по мнению исследователей, стихотворение является плодом многочисленных разговоров Бродского с поэтессой о религиозной поэзии («Помню, мы с Ахматовой обсуждали возможность переложения Библии стихами. Здесь, в Америке, никто из поэтов этим заниматься не стал бы» (Цит. по: [Лосев, 2008, с. 137])). В стихотворении, как и в поэме «Исаак и Авраам», Бродский обращается к библейскому сюжету и вполне точно воспроизводит евангельское повествование о том, как младенцем Иисус был принесен

в храм и был встречен там старцем Симеоном и пророчицей Анной.

В этом эпизоде, где Симеон видит Иисуса еще только младенцем, лежащим на руках матери, уже звучит пророчество старца о будущих страданиях Богородицы, напоминающих ситуацию, изображенную в «Натюрморте»: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2: 35) [Библия]. Бродский расширяет и уточняет этот фрагмент евангельского текста: «И тем же оружием, Мария, которым / терзаема плоть его будет, твоя / душа будет ранена. Рана сия...» [Бродский, 2001в, с. 14]. Тем самым Бродский вновь напрямую отсылает читателя к событиям распятия и, как и в «Натюрморте», подчеркивает соотнесенность страданий Иисуса и Богоматери.

Между тем, в отличие от «Натюрморта», роль искупительной жертвы Иисуса в стихотворении не подвергается сомнению и это выступает тем очевиднее, что основной для «Сретенья» также, как и для «Натюрморта», выступает тема смерти. В соответствии с библейским пророчеством, увидев младенца Иисуса, старец Симеон готовится встретить смерть, что отразилось в знаменитых словах: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Лк. 2: 29) [Библия]. Вторую часть своего стихотворения Бродский посвящает изображению смерти Симеона: «Он шел умирать <...> И образ Младенца с сияньем вокруг / пушистого темени смерт-

ной тропею / душа Симеона несла
пред собою / как некий светильник,
в ту черную тьму, / в которой дото-
ле еще никому / дорогу себе оза-
рять на случилось. / Светильник
светил, и тропа расширилась»
[Бродский, 2001в, с. 14–15].

Как и в «Натюрморте», вновь перед читателем противопоставление света и тьмы, но теперь Бродский, как и в поэмах «Исаак и Авраам» и «Речь о пролитом молоке», показывает образ света как символ жизни альтернативой образу тьмы как символу смерти. В отличие от всех перечисленных текстов, именно в «Сретенье» образ света воспринимается как атрибут Иисуса Христа, что находится в русле его евангельского понимания. Вспомним, например, характерные слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Я – свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет» (Ин. 8:12) [Библия]. Идея о божественной сущности Христа и искупительной для человечества роли его страданий, по сравнению с другими проанализированными текстами, в стихотворении звучит наиболее отчетливо. Несмотря на то, что в стихотворении изображена смерть, финал его столь же оптимистичен, как и в поэме «Исаак и Авраам»: от изображения ситуации мучительного одиночества, в целом характерной для лирики Бродского, поэт обращается к демонстрации состоявшегося Богообщения, единства человека и Бога.

Заключение

Рассмотренные в статье произведения Бродского в основном написаны еще до его вынужденной эмиграции, состоявшейся в 1972 году. Пропаганда атеизма, свойственная советскому обществу, не заставила поэта отвернуться от религиозных тем, но, наоборот, даже стимулировала его вновь и вновь обращаться к христианским мотивам и образам. Показательно в этой связи следующее воспоминание Б. Янгфельдта. Когда будущий биограф поэта спросил его, почему на фотографии 1972 года на груди Бродского есть нательный крестик, Бродский ответил: «В те времена я относился к этому несколько более, как вам сказать, систематически», «отчасти это была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит совершенно феноменальное культурное наследие, с третьей стороны, – чисто религиозный аспект, с которым у меня отношения всегда были в достаточной степени неблагоприятными» (Цит. по: [Янгфельдт]). Безусловно, Бродский не был ортодоксальным православным автором, но его неотступное стремление размышлять над евангельскими образами выделяется на фоне советской поэзии 1960–1970-х гг. Привлечение евангельского текста неизменно углубляет философские смыслы поэзии Бродского, а различные формы интертекстуальности, используемые автором, активизируют мысль воспринимающего сознания читателя.

Обычно внимание исследователей, рассматривающих религиозную лирику Бродского, привлекает, прежде всего, цикл его рождественских стихотворений [Богомолов, 2004; Бурая, 2022; Бурая, 2021]. Однако сделанный анализ показывает, что не менее важным для поэта – хотя в ряде случаев менее очевидным – выступают сюжет и образы, связанные с распятием. Произведения Бродского, отсылающие к ключевому событию новозаветной истории и христианской религии – крестной смерти Иисуса Христа, – отчетливо распадаются на *две группы*. К *первой* относятся тексты, в которых отсылки к евангельскому эпизоду распятия вплетены в ткань произведений, посвященных темам современным и зачастую остро злободневным («Речь о пролитом молоке», «Натюрморт», «Развивая Платона»). *Во вторую группу* попадают стихотворения и поэмы на собственно религиозные темы («Исаак и Авраам», «Сретенье»), которые хотя прямо и не соотносятся с центральной сюжетной ситуацией Нового Завета, тем не менее также неизменно отсылают к образу распятия.

Деление осуществляется не просто формально. В содержательном плане стихотворения и поэмы, посвященные событиям библейской истории, гораздо более ортодоксальны, а распятие воспринимается

в них именно как искупительная жертва Иисуса Христа, принесенная за грехи мира. Стихотворения на современные темы значительно более личностны, в них образ распятого Христа соотносится с самим лирическим героем, а на первый план выходит не религиозный смысл библейского сюжета, а его эмоциональная составляющая. Уподобление Христа и лирического героя – это уподобление двух страдающих личностей, не принимаемых социумом (в «Речи о пролитом молоке» и «Развивая Платона») или сталкивающихся лицом к лицу со смертью («Натюрморт»). Характерно в этой связи, что евангельские аллюзии обычно актуализируются Бродским в тех фрагментах текстов, которые претендуют на роль эмоциональных кульминаций.

Отсутствие однозначности в трактовке образа распятого Христа, наиболее отчетливо проявившееся в написанных фактически друг за другом «Натюрморте» и «Сретенье», демонстрирует непрерывный религиозный поиск Бродского, поиск Бога как в пределах земной реальности, так и за ее границами. Этот поиск придает лирике поэта особенную метафизическую остроту, выводя ее за пределы ограниченной (в данном контексте в плане религиозности) советской действительности.

Библиографический список

1. Ахапкин Д. «Источник света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.

2. Ахматова А. А. Реквием. URL: <https://www.culture.ru/poems/10174/rekviem>. (Дата обращения: 20.09.2023).
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/>. (Дата обращения: 20.09.2023).
4. Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. 2021. № 8. С. 129–148.
5. Богданова О. В. Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. 2023. № 3. С. 206–233.
6. Богомолов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. С. 478–485.
7. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. 304 с.
8. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. 440 с.
9. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001в. 312 с.
10. Бурая М. А. Сверхтекстовое единство рождественского, итальянского и любовного претекстов в «Я был только тем, чего» И. Бродского / М. А. Бурая, О. В. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 17–27.
11. Бурая М. А. Стихотворение «Presepìo» в контексте рождественского цикла И. Бродского // Acta eruditiorum. 2021. Вып. 37. С. 6–16.
12. Верхейл К. Образ Христа у Бродского // И. А. Бродский: pro et contra: антология. Санкт-Петербург : РХГА, 2022. С. 311–329.
13. Измайлов Р. «Библейский текст» в творчестве Бродского: священное время и пространство // Сибирские огни. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5>. (Дата обращения: 20.09.2023).
14. Как работает стихотворение Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 304 с.
15. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Москва : Молодая гвардия, 2008. 479 с.
16. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Функционирование евангельских цитат в «автобиографическом» нарративе Н. С. Лескова / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 8–17.
17. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 59–63.
18. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.
19. Роман Сладкопевец. Плач пресвятой Богородицы при Кресте. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Roman_Sladkopevets/kondak-plach-presvjatoj-bogoroditsy-pri-kreste/. (Дата обращения: 20.09.2023).

20. Чаунина Н. В. Особенности воплощения коммуникативных стратегий в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» // Научный диалог. 2019. №6. С. 232–241.

21. Федотова А. А. От Луция Аннея Сенеки к Карлу Марксу: советская эпоха в «Речи о пролитом молоке» И. Бродского // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1. С. 28-35.

22. Янгфельдт Б. Пламенный антиязычник. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195>. (Дата обращения: 20. 09. 2023).

23. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. Москва : Астрель, CORPUS, 2011. 367 с.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. Pp. 121–163.

Reference list

1. Ahapkin D. «Istochnik sveta» Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's "The Source of Light" // Zvezda. 2018. № 5. S. 37–56.

2. Ahmatova A. A. Rekviev = Requiem. URL: <https://www.culture.ru/poems/10174/rekviev>. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

3. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta.= The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testament. URL: <https://bible-teka.com/> (data obrashhenija: 20.09.2023).

4. Bogdanova O. V. «Inogda chuvstvuju sebja Shekspirom...» (intertekstual'nye plasty «Pilgrimov» I. Brodskogo) = "Sometimes I feel like Shakespeare..." (intertextual layers of I. Brodsky's "Pilgrims") / O. V. Bogdanova, E. A. Vlasova // Nauchnyj dialog. 2021. № 8. S. 129–148.

5. Bogdanova O. V. Potencial'naja jenergiya preteksta: strukturno-kompozicionnye osobennosti «Isaaka i Avraama» Iosifa Brodskogo = The potential energy of the pre-text: structural and compositional features of Joseph Brodsky's Isaac and Abraham / O. V. Bogdanova, T. N. Baranova // Nauchnyj dialog. 2023. № 3. S. 206–233.

6. Bogomolov N. O dvuh «rozhdstvenskih stihotvorenijah» I. Brodskogo = On two "Christmas poems" by I. Brodsky // Bogomolov N. Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoj poezii. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. S. 478–485.

7. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 1.= Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001a. 304 s.

8. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 2.= Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 2. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001b. 440 s.

9. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: v 7 t. T. 3. = Works by Joseph Brodsky: in 7 vols. V. 3. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001v. 312 s.

10. Buraja M. A. Sverhtekstovoe edinstvo rozhdstvenskogo, ital'janskogo i ljubovnogo pretekstov v «Ja byl tol'ko tem, chego» I. Brodskogo = Supertextual unity of the Christmas, Italian and love pretexts in I. Brodsky's "I Was Only What" / M. A. Buraja, O. V. Bogdanova // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 17–27.

11. Buraja M. A. Stihotvorenje «Presepjo» v kontekste rozhdestvenskogo cikla I. Brodskogo = The poem “[Presepjo]” in the context of I. Brodsky's Christmas cycle // Acta eruditorum. 2021. Vyp. 37. S. 6–16.

12. Verhejl K. Obraz Hrista u Brodskogo = The image of Christ in Brodsky's work // I. A. Brodskij: pro et contra: antologija. Sankt-Peterburg : RHGA, 2022. S. 311–329.

13. Izmajlov R. «Biblejskij tekst» v tvorcestve Brodskogo: svjashhennoe vremja i prostranstvo = 'The Bible text' in Brodsky's work: sacred time and space // Sibirskie ogni. 2008. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/5>. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

14. Kak rabotaet stihotvorenje Brodskogo = How Brodsky's poem works. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 304 s.

15. Losev L. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii = Joseph Brodsky: a literary biography experience. Moskva : Molodaja gvardija, 2008. 479 s.

16. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. Funkcionirovanie evangel'skih citat v «avtobiograficheskom» narrative N. S. Leskova = Gospel quotations functioning in N. S. Leskov's “autobiographical” narrative / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina, A. A. Fedotova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 1 (24). S. 8–17.

17. Mishhenko E. V. Biblejskaja tema v lirike Iosifa Brodskogo = Biblical theme in Joseph Brodsky's poetry // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 1. S. 59–63.

18. Ranchin A. «Na piru Mnemosiny»: interteksty Brodskogo = At Mnemosyne's Feast: Brodsky's intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 s.

19. Roman Sladkopevec. Plach presvjatoj Bogorodicy pri Kreste = Romanus the Melodist. The Lament of the Most Holy Theotokos at the Cross. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Roman_Sladkopevets/kondak-plach-presvjatoj-bogoroditsy-pri-kreste/. (Data obrashhenija: 20.09.2023).

20. Chaunina N. V. Osobennosti voploshhenija kommunikativnyh strategij v stihotvorenii I. Brodskogo «Rech' o prolitom moloke» = Features of implementing communicative strategies in I. Brodsky's poem Speech over Spilled Milk // Nauchnyj dialog. 2019. №6. S. 232–241.

21. Fedotova A. A. Ot Lucija Anneja Seneki k Karlu Marksu: sovetskaja jepoha v «Rechi o prolitom moloke» I. Brodskogo = From Lucius Annaeus Seneca to Karl Marx: The Soviet Era in I. Brodsky's Speech over Spilled Milk // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. №1. S. 28-35.

22. Jangfel'dt B. Plamennyj antijazychnik = An ardent anti-pagan. URL: <https://biography.wikireading.ru/43195>. (Data obrashhenija: 20. 09. 2023).

23. Jangfel'dt B. Jazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom = Language is God. Notes on Joseph Brodsky. Moskva : Astrel', CORPUS, 2011. 367 s.

24. Ishov Z. Joseph Brodsky's «December in Florence»: re-interpreting exile in the company of Dante // Australian Slavonic and East European Studies Journal. 2017. № 1–2. Pp. 121–163.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 20.01.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-103

EDN LDMJCW

**Генезис и история осмысления феномена народности
как эстетической категории в русской культуре XIX в.**

Алексей Владимирович Святославский^{1✉}, Нгуен Тхи Тху Нган²

¹Доктор культурологии, доцент, профессор Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва.

²Аспирант Института филологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

¹platoacademia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

²stepheny1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5328-2262>

Аннотация. В статье содержится анализ возникновения и трансформации понятия «народность», которое казалось ясным на первый взгляд, но нашло отражение в размышлениях и дискуссиях в русской культуре XIX века среди отечественных писателей, литературоведов и критиков, начиная с Н. М. Карамзина и заканчивая первыми десятилетиями XXI века. Народность в разное время осмыслялась то в аспекте идеологическом, как некая идеологема, то, напротив, рассматривалась как категория эстетическая, относимая к форме и содержанию произведения искусства. Придя в отечественную эстетику под влиянием работ И. Гердера, в некоторые периоды российской истории культуры, с одной стороны, категория народности представлялась едва ли как не ключевой концепт, позволяющий судить о художественном произведении в ценностном отношении, с другой стороны, в постсоветский период получило распространение мнение о неактуальности данной категории и возможности рассмотрения ее лишь в аспекте истории эстетической мысли. Для разрешения этого вопроса возникает необходимость исследования приписываемых самому термину «народность» значений в русском языке в разные периоды истории культуры в рамках различных направлений эстетики, общественной мысли и культурных парадигм. В статье авторы обращаются к генезису и истории осмысления феномена как эстетической категории на протяжении XIX в. применительно к русской культуре – в зеркале общего историко-культурного процесса. Рассмотрены мнения по вопросу народности как категории литературы, высказанные в разное время Н. М. Карамзиным, В. Г. Белинским,

---

© Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган, 2024

Н. А. Добролюбовым, Ап. Григорьевым, Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, а также взгляды критиков XX века на генезис представления о народности в русской культуре XIX в.

Ключевые слова: народ; народность; этничность; русская культура XIX в.; культурная парадигма; русская литературная критика; эстетическая категория; литературный процесс

Для цитирования: Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган Генезис и история осмысления феномена народности как эстетической категории в русской культуре XIX в. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 103-119. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-103>. <https://elibrary.ru/LDMJCW>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Genesis and history of conceptualizing the phenomenon of national character as an aesthetic category in the XIX century Russian culture

Alexey V. Svyatoslavsky¹✉, Nguyen Thi Thu Ngan²

¹Doctor of cultural studies, associate professor, professor, institute of philology, Moscow pedagogical state university, Moscow

²Post-graduate student, institute of philology, Moscow pedagogical state university, Moscow

¹platoacademia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

²stepheny1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5328-2262>

Abstract. The article analyzes the origin and transformation of the concept “national character”, which seemed clear at first sight, but found its way into the reflections and discussions in the XIX century Russian literature among writers, scholars and critics, from N. M. Karamzin to the first decades of the XXI century. At different times, national character was understood either in an ideological aspect, as a certain ideologeme, or, on the contrary, as an aesthetic category, referring to the form and content of a work of art. Having entered Russian aesthetics under the influence of I. Herder's works, in some periods of Russian cultural history, the category of national character was presented, on the one hand, as a key concept that allows one to view any work of art in value terms. On the other hand, the post-Soviet period saw the spread of the opinion that this category was irrelevant and could be considered only in terms of the history of aesthetic thought. In order to resolve this issue, it is necessary to analyze the meanings attributed to the term "national character" in the Russian language in different periods of cultural history within the framework of different aesthetic trends, social thought and cultural paradigms. The authors of the article turn to the origin and evolution of the phenomenon as an aesthetic category during the XIX century with regard to Russian culture in the mirror of the general historical and cultural process. The article considers the opinions on the matter of nationality as a literary category expressed at different times by

N. M. Karamzin, V. G. Belinsky, N. A. Dobrolyubov, Ap. Grigoriev, F. I. Buslaev, A. N. Pypin, as well as the views of the XX century critics on the genesis of this concept in the XIX century Russian culture.

Keywords: people; national character; ethnicity; Russian culture of the XIX century; cultural paradigm; Russian literary criticism; aesthetic category; literary process

For citation: Svyatoslavsky A. V., Nguyen Thi Thu Ngan Genesis and history of conceptualizing the phenomenon of national character as an aesthetic category in the XIX century Russian culture. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 103-119. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-103>. <https://elibrary.ru/LDMJCW>.

Введение

В наиболее общем понимании концепт «народность» в русской общественной мысли и литературной критике приобрел значение как идеологемы, так и эстетической категории, однако отношение к самому понятию в литературном процессе XIX века менялось, поэтому возник вопрос о связи его генезиса и истории в связи с общей историей общественной мысли в России. Народность стала элементом национальной идеи в рамках государственной политики Николая I (формула «Самодержавие. Православие. Народность»). История идеологемы «народность» подробно исследована, в частности, в работе И. Н. Агейкиной «Идеологемы “народ” и “народность” в русской публицистике XIX в.» [Агейкина, 2008], мы же обращаемся к народности как к эстетической категории, характеризующей особенность художественной литературы.

Целью статьи является исследование различных взглядов русских писателей, критиков и литерату-

ведов на первом этапе осмысления феномена народности XIX в., для анализа того, какова роль категории «народность» в построении общей картины истории русской литературы и русской культуры и понимании того, насколько универсальной она может считаться в настоящее время. Отсутствие единой точки зрения на проблему в современном литературоведении делает изыскания такого рода актуальными.

Очевидно, что одним из достоинств художественных произведений является их обращенность к широкому кругу читателей. Если произведение создано в условиях высокоразвитой локальной художественной и читательской культуры, оно может вывести литературу конкретного народа в мир других этнических и национальных культур. *Тогда возникает вопрос, что такое литература*, отмеченная категорией народности:

– массовая литература для широкого читателя («для народа»);

– литература, наиболее адекватно отображающая культуру конкретного народа (этноса);

– литература, отражающая быт и нравы крестьянских масс и городских низов (так называемого простонародья);

– или это литература, доступная многим народам в силу ее обращенности к общечеловеческим проблемам?

Для того, чтобы ответить впоследствии на вопрос об востребованности категории народности для всего мирового литературного процесса, или, напротив, признать ее явлением локальным, необходимо понять, какие из высказанных в XIX в. классиками русской литературы и критики точек зрения на народность могут оказаться наиболее ценными сегодня. XIX в. вызывает интерес у исследователей, Л. Н. Житкова даже полагает, что категория народности была наиболее важной для русской критики того периода [Житкова, 2014].

Сразу оговоримся, что мы не рассматриваем в данной работе термин «народность» в значении одной из стадий эногенеза, как это было принято одно время в отечественной этносоциологии.

Результаты исследования

Признанным примером народности как свойства культуры, поднявшейся до высокой степени всеобщей востребованности является античная Греция, культура ее была народной как выражавшей дух

народа и была обращена, образно говоря, лицом к демосу. На античную культуру, в связи с выражением народного духа, обратил внимание один из первых европейских теоретиков народности И. Г. Гердер, оказавший влияние как на характер немецкой литературы, так и на пробуждение интереса к данной проблеме у русских литераторов. Античная эстетика осознавала, что демос и искусство, образно говоря, существуют как тело и душа, и тогда народность есть выражение души народа (*genius loci*). При этом Гердер понимал, что культура развивается, и приверженность формам античности не должна служить средством ограничения творческой свободы в рамках классицизма, что вылилось в формирование сентиментализма, получив развитие в Германии в виде эстетического движения «Буря и натиск».

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы необходимо понять почему народность в литературе, вопреки имеющему сегодня месту представления о ее неактуальности, на протяжении веков играла важную роль в рамках аксиологического подхода к сущности искусства. Вопрос о народности как литературной категории был всерьез поставлен в России в начале XIX в. Существует мнение, что сам термин «народность» был введен в русский литературоведческий обиход П. А. Вяземским – в переписке с А. И. Тургеневым, когда в письме от 22 ноября 1819 года Вяземский за-

мечает по поводу своих стихов, что в них есть «русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет» и предлагает для поэзии, являющей укорененность в национальной культуре, использовать понятие народности [Вяземский].

С одной стороны, эпоха русского Просвещения, испытавшая мощное влияние Западной Европы, сформировала в некоторой части российского общества мнение о том, что уходящие вглубь веков корни русской национальной культуры ассоциировались с представлением о неразвитости и косности, тем самым народность была лишена положительных коннотаций. С другой стороны, сами по себе петровские реформы, возбудив против себя поборников старины, напротив, сформировали культурную парадигму, в рамках которой исконно русской полагалось видеть лишь допетровскую Русь.

Н. И. Мордовченко в 1950-х гг. полагал, что восстановление понимания представления о народности в положительном смысле, было сделано Н. М. Карамзиным, причем считавшим, в отличие от А. Н. Радищева, что народность не связана с идеей революции, а с идеей просвещения. «Передовые деятели докарамзинской поры, – писал Мордовченко, – представляли себе старорусскую национальную культуру и западноевропейское Просвещение в качестве двух непримиримых стихий. Новиков, например, был апологетом старой Руси и поклонником

просвещения, однако то и другое никак не могло объединиться у него в целостную систему взглядов. Одному Карамзину удалось не только теоретически поставить проблему народности, но и дать такое ее решение, которое составило целый этап в развитии общественной мысли» [Мордовченко, 195, с. 47].

На наш взгляд, путь Карамзина в вопросе отношения к представлению о народности как национальной специфике – это путь поисков. Карамзин отказывался от жесткого противопоставления старорусской национальной культуры и западноевропейской, в пользу единства мировой культуры. В «Письмах русского путешественника» читаем: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед за другом» [Карамзин, 1964, с. 415]. При этом он рассуждал и о неправомерности рассмотрения русского народа как более отсталого в семье европейских народов, отмечая, что в Древней Руси были герои столь же замечательные, как и на Западе, а процесс заимствования достижений, начатый в России Петром Великим, свойствен не только русским, но и любой нации. По мнению Карамзина, литература изображает внутренний и внешний мир: «Красоты особенные, составляющие характер словесности народной, уступают красотам общим: первые изменяются, вторые вечны. Хорошо писать для россиян, еще лучше писать для всех людей» [Карамзин, 1819, с. 14].

Мордовченко считал, что «идея национальности и народности раскрывалась им [Карамзиным – Н. Н.] в полном соответствии с его пониманием идеи человека. Не представляя национальность как общественно-историческую категорию, Карамзин мыслил себе национальность как некий условный образ, наделенный чисто внешними признаками языка, верований обычаев и пр. Понятие национальности и народности у Карамзина растворяется поэтому в абстрактном космополитизме» [Мордовченко, 1959, с. 49-50].

На самом деле, все обстоит сложнее, поскольку для Карамзина представление о российской самобытности связано с идеей самодержавной государственности, в этом отношении Карамзин консервативен. На характерную особенность обращает внимание Д. Э. Летняков: «Весьма показательно и название главного исторического труда Карамзина – “История государства Российского”, т. е. он пишет, прежде всего, историю государства, самодержавной власти, а как бы заодно и историю народа, находившегося тысячу лет под благодетельным управлением этой власти. Поэтому можно согласиться с А. И. Миллером, заметившим где-то, что первую русскую историю с чисто националистической точки зрения напишут все-таки позже – в 1829 г. Н. А. Полевой приступит к работе над “Историей русского народа”, подчеркнув в названии

свое принципиальное расхождение с Карамзиным в выборе объекта исследования» [Летняков, 2016, с. 78]. Национализм здесь понимается без ксенофобских коннотаций, как приоритет этнонационального над идеей самодержавия. Труды Карамзина и послужили основой разработки уваровской триады «Самодержавие. Православие. Народность», получившей впоследствии в работе А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» название «теории официальной народности» [Пыпин, 1890]

При этом нельзя не заметить определенной трансформации взглядов Карамзина, что дает возможность видеть непоследовательность, вызванную меняющейся политической ситуацией. В «Записке о древней и новой России» Карамзин объявляет Петра I, при котором и сформировался самодержавный строй, виновником социальных бедствий России, поскольку император не хотел верить в то, что народный дух является нравственным могуществом государства, нужным для твердости и самобытности. Он писал о пути Петра I: «Честию и достоинством россиян сделалось подражание... Мы стали гражданами мира, но перестали быть гражданами России. Виною Петр» [Карамзин, 1991, с. 34].

По мнению Ю. М. Лотмана, серьезный вклад в развитие представления о народности делает не столько Карамзин, сколько А. Н. Радищев, у

которого в «Путешествии из Петербурга в Москву» народ предстает в состоянии бедственном, но не низменном. «Представление о народе как носителя *этической нормы*, – пишет Ю. М. Лотман, – потребовало построения иного, *величественного* образа крестьянина: Анюта, ее мать, жених, клинский певец возвышаются не только над другими персонажами произведения, но и над автором-путешественником. Величественный характер этих образов создается и возвышенным строем их чувств и мыслей и торжественностью речи» (*курсив оригинала – А. С. и Н. Н.*) [Лотман, 2012, с. 298].

Следующий этап в последовательном осмыслении того, что стало пониматься под термином «народность», связан с творчеством А. С. Пушкина и деятельностью В. Г. Белинского. В 1830-х гг. у Белинского, с опорой на работы Гердера, народность литературы поставлена в связь с национальной мировоззренческой спецификой. Развивая взгляды от абстрактного понимания народности к ее конкретному пониманию, Белинский связывал основы народности литературы не с поверхностным описанием бытового уклада народа, а с проникновением в его «душу». Он считал, что в художественных произведениях талантливого писателя обязательно присутствует выражение народных интересов, мировоззрения, духовного самосознания, а источник такой народности можно найти в устном народном творчестве. Для Белинского истинно

народный писатель является частицей своего народа и способен найти вдохновение в мудрости народа, накопленной веками: в пословицах и поговорках, народных песнях и сказках. Критик считал: «Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа» [Белинский, 1948, т. 2, с. 119].

Вклад Белинского в уточнение понятия народности состоял в том, что уже в ранних работах он разделял собственно «народность», с одной стороны, и «псевдонародность», иначе и «простонародность» – с другой. Псевдонародность, по его размышлению, представлена лишь внешней атрибутикой, или схематичным изображением человека, существующем в литературе любого народа. Псевдонародность имеет много общего с простонародностью, которая может быть выражена писателями из «низших» слоев общества. Белинский мечтал об общенародной литературе, которая отвечает запросам всего народа, способствует выявлению общественных интересов, без деления на богатых и бедных, на высоких и низких, включая в представление о народе все слои общества. Тогда народность не ограничена произведениями, изображающими быт и нравы простых сословий, – народность воспринимается как характеристика общенациональной общности.

Белинский также ввел в научный обиход представление о «лич-

ности народа», мысль его заключается в том, что каждый народ так же, как и каждый человек, имеет в себе что-то отличное от других, и потому нуждается в них. Следовательно, каждый народ, по его мнению, «выражает собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимает от них в себя то, чего ему недостает, и дает им от себя то, чего им недостает» [Белинский, 1948, т. 2, с. 121]. Впоследствии эта мысль будет развита в исторической социологии Н. Я. Данилевского, представлявшего народы как «органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает, в пространстве и времени, возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления» [Данилевский, 1991, с. 222]. Белинский делает следующий вывод: «Только такой народ может назваться историческим, который при жизни своей имел большее или меньшее влияние на судьбы человечества и оставил по себе неизгладимые следы своего существования» [Белинский, 1948, т. 2, с. 122]. Таким образом, литература того или иного народа может считаться великой, исторической только, когда она может оказать значительное влияние на судьбу мировой литературы.

Примечателен тот факт, что Белинский подробно развивает свое понимание народности, обращаясь

к творчеству А. С. Пушкина и взявшись доказать, что роман в стихах «Евгений Онегин» является в высшей степени «национально-русским» произведением, то есть народным, несмотря на то, что герои его принадлежат к дворянскому сословию. Критик приходит к заключению, что «что тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи. Чтоб верно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особенность, – а этого нельзя иначе сделать, как узнав фактически и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество. У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая – ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить» [Белинский, 1948, т. 3, с. 507].

На всю жизнь для Белинского оставался примером народного поэта А. С. Пушкин, который и сам посвятил ранее этому вопросу заметку «О народности в литературе» (1826). Пушкин подтверждает тот факт, что само слово «народность» к этому времени стало общеупотребительным, и более того, народность понимается как необходимая черта литературы: «Кли-

мат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию – которая более или менее отражается в зеркале поэзии. – Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих какому-нибудь народу» [Пушкин, 1936. т. 5, с. 271]. Примечательно замечание Пушкина о том, что вполне народность может быть оценена лишь читателем – соотечественником автора. В общем, Пушкин фактически дает понимание народности как отражение «духа» народа, иначе говоря, тех основ культуры, которые делают этнос неповторимым. Обращает на себя внимание акцентуация на «вере», «образе мыслей», «чувствованиях», при этом не забыт и климат, то есть географические условия формирования этнонациональной культуры. Следуя этому пониманию, в XX в. философ и культуролог Ортега-и-Гассет в своих исследованиях обратил внимание на поиск ядра локальной культуры в области коллективной психологии: «изучение существования – существования человека, народа, эпохи, – писал он, – начинается с обзора системы убеждений и в процессе его изучения должно быть выявлено прежде всего фундаментальное, коренное верование, поддерживающее и оживляющее все остальные верования» [Ортега-и-Гассет, 2000, с. 439].

Ф. И. Буслаев, рассуждая на исходе 1850-х гг. о народности, с го-

речью констатировал, что в среде современной ему русской интеллигенции наряду с признанием роли народа (то есть широкой народной массы) в формировании государственности, общественной мысли, права, бытует мнение о литературе как об уделе избранной элиты, оторванной от жизни народа. «Если бы, – рассуждал Буслаев, – этот печальный взгляд на нашу литературу и народность нашел себе оправдание в действительности, то, без сомнения, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся от жизни, и того ничтожнее была бы народность, которая в течение многовекового существования нашей письменности не могла привиться к литературе и не умела стать с нею в уровень. В утешение своему национальному чувству смело можем утверждать, что такой неблагоприятный взгляд составил только по малому знакомству с нашею древнею, народною литературою» [Буслаев, 1990, с. 31].

Отдельный этап в разработке как эстетической категории народности, так и идеологемы народности, составляет период оформления *трех важнейших парадигм отечественной мысли: «охранителей»* (Ф. В. Булгарин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев), *«славянофилов»* (братья Константин и Иван Аксаковы, Ю. С. Самарин, А. С. Хомяков, братья Петр и Иван Киреевские) и *«западников»*. Западники были представлены достаточно широким кругом литераторов и мыслителей, в

который входили непохожие В. Г. Белинский и М. А. Бакунин, И. С. Тургенев и П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский и В. П. Боткин. Общим для западников являлась мысль о единстве исторического пути России и Европы. Для охранителей, исходивших из уваровской формулы «официальной народности», народность в литературе была неотъемлемо связана с идейно-воспитательной функцией, направленной на поддержание основ государственности, в единстве народа и самодержца. Православная составляющая триады гр. С. С. Уварова была критически важной для славянофилов. Особой примирительной позицией, связанной, в частности, с необходимостью привлечения лучших художественных сил в свои журналы, отмечена деятельность Н. А. Некрасова, творчество которого сделало его поистине народным поэтом по целому ряду причин. Среди них не просто интерес, но сочувствие крестьянству, городским низам, дворовым людям, а также особенности некрасовской художественной формы, отмеченной простотой и близостью к народной поэзии, доступность его творчества для широких масс, вплоть до того, что стихи Некрасова подчас воспринимались как народные песни.

Деятельность Некрасова связана с пореформенным периодом в истории России XIX века, когда само слово «народ» не сходило с уст русских литераторов, критиков и общественных деятелей, с перио-

дом, который породил такие понятия, как народник, народничество. Теперь уже среди тех, кто получил в русской истории звание литераторов-народников, представление о народе как этносе или нации вытесняется пониманием народа, в первую очередь, как крестьянской массы и податного сословия. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Н. А. Добролюбов закрепляет понятие народности как выражение в литературе взглядов трудящихся масс, составляющих народную жизнь. По его мнению, Н. В. Гоголь, хотя в своих лучших произведениях представлял читателю народную точку зрения на действительность, но делал это в значительной мере подсознательно. Более того, в представлении литераторов и критиков, так называемого революционно-демократического направления литература должна служить интересам народа, таким образом, пафос гражданственности становится в связь с представлением об истинной народности. Главные задачи Добролюбова и писателей революционной демократии заключались в том, чтобы, во-первых, выразить интересы угнетенных народных масс и, во-вторых, возвысить их интересы до уровня общегражданского, общенационального. Добролюбов писал: «Сознательности и ясности стремлений в обществе литература много помогает, – в этом мы ей отдаем справедливость. Чтобы не хо-

дальше далеко за примерами, укажем на то, чем полна теперь вся Россия, что отодвинуло далеко назад все остальные вопросы, – на изменение отношений между помещиками и крестьянами. Не литература побудила вопрос о крепостном праве: она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда он уже совершенно созрел в обществе» [Добролюбов]. Опираясь на указанную цитату, можно констатировать что народная литература, по своему значению должна поднимать гражданскую активность трудящихся масс и установить новые формы общественной жизни. Чтобы выполнить эту функцию, литература должна быть доступна для народа. По мнению Добролюбова, одной из причин недостатка народности в русской литературе является то, что она недоступна самому народу из-за массовой неграмотности. Критик писал: «Народу, к сожалению, вовсе нет дела до художественности Пушкина, до пленительной сладости стихов Жуковского, до высоких парений Державина, и т. д. Скажем больше: даже юмор Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже он и грамоте выучится» [Добролюбов].

Критический анализ позиций западников и славянофилов в отношении народности был сделан в 1860-х гг. Аполлоном Григорьевым. Признавая важность древних истоков для современной культуры, он тем не

менее критикует славянофилов, во-первых, за идеализацию старины и, во-вторых, за их необъективность в силу принципиальной невозможности воспринимать эту старину иначе, чем через призму современности. Григорьев выказывает неоднозначное отношение к Белинскому, с одной стороны, выделяя его из западников как наиболее приблившегося к верному, с его точки зрения, пониманию народности, но с другой – критикует его за увлечение Гегелем и подмену «живой души человеческой» отвлеченной идеей истории как саморазвития «абсолютного духа». «Заблуждения Белинского имели в сущности один характер, – делает вывод Григорьев, – проистекая из одного источника, именно из исключительно-исторического воззрения. На дне этого воззрения лежит – в какие бы формы воззрение ни облекалось – идея отвлеченного человечества» [Григорьев, 1915, с. 103].

«Свое понимание народности Григорьев, – пишет Л. Д. Иванова, – строил на нравственно-этических идеалах христианского общежития, имея в виду и общечеловеческие гуманистические ценности, выработанные человечеством (“общечеловеческие понятия”), и те традиции, глубинные национальные начала, приобретенные русским народом в течение столетий. Народность в его понимании – это, прежде всего, духовные начала жизни народа и как нации, и как части человечества» [Иванова]. Григорьев четко сформу-

лировал свое понимание вопроса в письме к М. П. Погодину: «Правда, которую я исповедую (да, кажется и Вы), твердо верит вместе с славянофилами, что спасение наше в хранении и разработке нашего народного, типического; но как скоро славянофильство видит народное только в одном крестьянстве /.../, совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России, – как скоро славянофильство подвергает народное обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала, – так славянофильство, во имя сознаваемой и исповедуемой мною правды, становится мне отчасти смешно, отчасти ненавистно как барство, с одной стороны, и пуританство, с другой» [Григорьев, 1990, с. 383].

Подводя итог дискуссиям о народности, имевшим место в XIX в., А. Н. Пыпин подверг критике позицию славянофилов и их позднейших последователей, считая, что они видят в специфике национального характера нечто исконно данное и неизменное (так называемый примордиалистский подход). «На самом деле, – считал Пыпин, – национальность вовсе не неподвижна; напротив, как стихия историческая, она способна к видоизменению и усовершенению, и в этом именно состоит возможность и надежда национального успеха» [Пыпин, 1890, с. 4]. Таким образом, снимается антагонизм между допетровской и петровской Россией, между дворянским и недворянскими

сословиями и т. д. Сегодня именно так многие этносоциологи отказываются от жесткого следования исключительно примордиалистскому или, наоборот, конструктивистскому подходу к этногенезу, считая, что истину нужно искать в синтезе подходов.

Заключение

В XX в. продолжилось осмысление феномена народности в литературе в работах В. М. Жирмунского, П. П. Муратова, Г. А. Гуковского, Г. Н. Поспелова. Мысль Белинского о «духе народа» была плодотворно обобщена в 1920-30-х гг. культурологом и историком литературы Н. П. Анциферовым, разрабатывавшим принципы так называемого локально-исторического метода исследования художественной местнографии, где ключевым стало известное с античности представление о «душе места». «Как мы увидим, – писал Анциферов, – в романах Бальзака, а позднее в романах Э. Золя – Париж не только место действия, не только пассивный фон для лиц и событий, но та персонифицированная сила, которая определяет как характер действующих лиц, так и ход событий, мало того, Париж сам является как бы живым существом» [Анциферов, 2009, с. 13].

Отношение к народности претерпело колебания от попытки поставить эту категорию на первое место в ценностях литературных произведений, и – до убеждения в том, что она являет собою локально-историческое явление и не может

выступать в роли эстетической категории, применительно ко всей истории мировой литературы. Обдуманым представляется мнение В. Е. Хализева, о том что переосмысление роли народности влечет недооценку данной категории во всем ее многообразии, необходимо говорить не о народности литературы, как это делалось обыкновенно в прошлом, а о народности в литературе [Хализев].

На наш взгляд, в XIX в. наиболее близко к определению категории народности применительно к литературе подошел Белинский со своим рассуждением о «манере понимать вещи» как основе национального характера, отраженного в литературном произведении.

Белинский при этом не сводил народность к изображению «просто-народья» и не связывал ее жестко с необходимостью доступности произведений широким массам народа. Даже не сами внешние проявления национальной культуры, объединяющей разные сословия, но «манера понимать вещи», то есть мировоззренческие основы культуры, ставились Белинским на первое место. При этом важное уточнение делает и Пыпин, призывая учитывать социокультурную динамику в оценке этнонациональной культуры. С уходом в прошлое в культурной антропологии XX в. представления о евроцентризме получила развитие концепция культурного релятивизма, что усилило интерес к выявлению сугубо специфических этнонациональных

особенностей носителей культурной общности, вплоть до разработки методов формальных исследований, как, например, в так называемых шкалах «культурных измерений» Герта Хофстеде [Hofstede, 1990].

Именно наиболее полное отражение национального характера в героях произведений делает их любимыми для многих читателей разных поколений в рамках данной культуры, а иногда и носителями иных культур, если они представляют наиболее адекватное представление инокультуры. Такими образами в русской литературе в разное время стали разные герои, как пушкинская Татьяна Ларина (на чем специально остановился Белинский), как Василий Теркин в одноименной поэме А. Т. Твардовского, как лирический герой Венедикта Ерофеева из поэмы «Москва-Петушки»... При этом удача писателя в отражении типических черт национального характера совершенно не обязательно вытекает из героических или положительных, по авторскому замыслу, персонажей. Едва ли «особенный человек» Рахметов из романа Н. Г. Чернышевского, герой М. Д. Арцибашева супермен Санин, или кумир пионеров 1930-х гг. Павка Корчагин могут быть отнесены к вполне характерным образам национального характера, востребованным читателями из России и из других народов на протяжении многих поколений. При этом не наука, а именно искусство и лите-

ратура являются наиболее доступными средствами для формирования представлений о той или иной культуре в широкой читательской массе.

Библиографический список

1. Агейкина И. Н. Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 11. С. 228–237.
2. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подг. текста, послесловие Д. С. Московской. Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. 584 с.
3. Белинский В. Г. Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 тт. Т. 2. Москва : ГИХЛ, 1948. С. 118–123.
4. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 тт. Т. 3. Москва : ГИХЛ, 1948. С. 495–535.
5. Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Федор. О литературе. Исследования; Статьи. / Сост, вступ. статья, прим. Э. Афанасьева. Москва : Худож. литература, 1990. С. 30–90.
6. Вяземский П. А. / П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу. 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievsky1_oldorfo.shtml. (Дата обращения: 25.08.2023).
7. Григорьев А. А. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти А. С. Пушкина // Григорьев Аполлон. Собр. соч. В 3 тт. / год ред. В. Ф. Саводника. Т. 3. Москва : Тип. И. Н. Кушнерева, 1915. 147 с.
8. Григорьев А. А. / Ап. Григорьев – М. П. Погодину. Весна 1857 // Григорьев Аполлон. Соч. В 2 тт. Т. 2. Москва : Худож. литература, 1990. С. 382–387.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 574 с.
10. Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/uchastie-narodnosti/uchastie-narodnosti-primechaniya.htm>. (Дата обращения 25.11.2023).
11. Житкова Л. Н. Народность как эстетическая категория в русской литературной критике XIX в. // Известия Уральского федерального университета Сер. Гуманитарные науки. 2014. Том 16, № 2 (127). С. 45–51.
12. Иванова Л. Д. Понятие «народность» в критическом наследии Аполлона Григорьева. URL: https://articulus-info.ru/wp-content/uploads/2017/12/6_2017o_Ivanova.pdf. (Дата обращения: 10.11.2023).
13. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Прим. Ю. С. Пивоварова. Москва : Наука, 1991. 125 с.
14. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2 тт. / Вступ. ст. П. Беркова и Г. Макогоненко. Т. 1. Москва ; Ленинград : Худож. литература, 1964. С. 77–604.

15. Карамзин Н. М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Сын Отечества. 1819. Т. 51. С. 4–22.
16. Летняков Д. Э. Н. М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21, № 1. С. 72–86.
17. Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2012. С. 292–325.
18. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. 432 с.
19. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избр. Труды / сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. Москва : ИНФРА-М, «Весь мир», 2000. С. 435–479.
20. Пушкин А. С. О народности / Пушкин А. С. ПСС. В 6 тт. / под ред. М. А. Цявловского. Т. 5. Москва ; Ленинград : Academia, 1936. С. 270–271.
21. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки А. Н. Пыпина. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1890. III, 519 с.
22. Хализев В. Е. О народности в литературе // Эл. ресурс. Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archive=1206184486>. (Дата обращения: 29.11.2023).
23. Hofstede, G., Neuijen, B., Ohayv, D. D., Sanders, G. Measuring organizational cultures: A qualitative and quantitative study across twenty cases. In Administrative Science Quarterly, 1990. № 35, 286–316.

Reference list

1. Agejkina I. N. Ideologemy «narod» i «narodnost'» v russkoj publicistike XIX v. = Ideologemes "people" and "national character" in the XIX century Russian journalism // Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2008. № 11. S. 228–237.
2. Anciferov N. P. Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicij = Problems of urbanism in Russian fiction. The experience of constructing the city image – Dostoevsky's St. Petersburg – basing on the literary traditions analysis / Sost., podg. teksta, posleslovie D. S. Moskovskoj. Moskva : IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. 584 s.
3. Belinskij V. G. Obshhij vzgljad na narodnuju poeziju i ee znachenie. Russkaja narodnaja poezija = An overview of folk poetry and its importance. Russian folk poetry // Belinskij V. G. Sobr. soch. V 3 tt. T. 2. Moskva : GIHL, 1948. S. 118–123.
4. Belinskij V. G. Sochinenija Aleksandra Pushkina. Stat'ja vos'maja = Works by Alexander Pushkin. Article eight // Belinskij V. G. Sobr. soch. V 3 tt. T. 3. Moskva : GIHL, 1948. S. 495–535.
5. Buslaev F. I. O narodnoj poezii v drevnerusskoj literature = On folk poetry in Old Russian literature // Buslaev Fedor. O literature. Issledovanija; Stat'i. / Sost, vstup. stat'ja, prim. Je. Afanas'eva. Moskva : Hudozh. literatura, 1990. S. 30–90.

6. Vjazemskij P. A. / P. A. Vjazemskij – A. I. Turgenevu. 22 nojabrja 1819 g. = P.A.Vjazemsky to A.I. Turgenev. 22 November 1819 // Ostaf'evskij arhiv knjazej Vjazemskih. Perepiska knjazja P. A. Vjazemskogo s A. I. Turgenevym. 1812–1819. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievskij_olgorfo.shtml. (Data obrashhenija: 25.08. 2023).
7. Grigor'ev A. A. Razvitie idei narodnosti v nashej literature so smerti A. S. Pushkina = Developing the idea of national character in our literature since A. S. Pushkin's death // Grigor'ev Apollon. Sobr. soch. V 3 tt. / god red. V. F. Savodnika. T. 3. Moskva : Tip. I. N. Kushnereva, 1915. 147 s.
8. Grigor'ev A. A. / Ap. Grigor'ev – M. P. Pogodinu. Vesna 1857 = Ap. Grigoriev to M.P. Pogodin. Spring 1857 // Grigor'ev Apollon. Soch. V 2 tt. T. 2. Moskva : Hudozh. literatura, 1990. S. 382–387.
9. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Kniga, 1991. 574 s.
10. Dobroljubov N. A. O stepeni uchastija narodnosti v razvitii russkoj literatury = On the extent the national character takes part in the development of Russian literature. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/uchastie-narodnosti/uchastie-narodnosti-primechaniya.htm>. (Data obrashhenija 25.11.2023).
11. Zhitkova L. N. Narodnost' kak jesteticheskaja kategorija v russkoj literaturnoj kritike XIX v. = National spirit as an aesthetic category in the XIX century Russian literary criticism // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta Ser. Gumanitarnye nauki. 2014. Tom 16, № 2 (127). S. 45–51.
12. Ivanova L. D. Ponjatje «narodnost'» v kriticheskom nasledii Apollona Grigor'eva = The concept “national spirit” in Apollon Grigoriev's critical works. URL: https://articulos-info.ru/wp-content/uploads/2017/12/6_2017o_Ivanova.pdf. (Data obrashhenija: 10.11.2023).
13. Karamzin N. M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah = Notes on ancient and modern Russia in its political and civil aspects / Prim. Ju. S. Pivovarova. Moskva : Nauka, 1991. 125 s.
14. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika = Letters of a Russian Traveler // Karamzin N. M. Izbr. soch. V 2 tt. / Vstup. st. P. Berkova i G. Makogonenko. T. 1. Moskva ; Leningrad : Hudozh. literatura, 1964. S. 77–604.
15. Karamzin N. M. Rech', proiznesennaja na torzhestvennom sobranii Imperatorskoj Rossijskoj Akademii 5 dekabrja 1818 goda = Speech delivered at the formal meeting of the Imperial Russian Academy on December 5, 1818 // Syn Otechestva. 1819. T. 51. S. 4–22.
16. Letnjakov D. Je. N. M. Karamzin i zarozhdenie nacionalisticheskogo diskursa v Rossii = N. M. Karamzin and the origin of nationalist discourse in Russia // Istorija filosofii. 2016. T. 21, № 1. S. 72–86.
17. Lotman Ju. M. Problema narodnosti i puti razvitija literatury preddekabristskogo perioda = The problem of national character and ways of the development of pre-Decembrists literature // Lotman Ju. M. O russkoj literature. Stat'i i issledovanija (1958–1993). Sankt-Peterburg : Iskusstvo–SPB, 2012. S. 292–325.
18. Mordovchenko N. I. Russkaja kritika pervoj chetverti XIX veka = Russian criticism of the first quarter of the XIX century. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1959. 432 s.

19. Ortega-i-Gasset H. Istorija kak sistema = History as a system // Ortega-i-Gasset X. Izbr. trudy / sost. i obshh. red. A. M. Rutkevicha. 2-e izd. Moskva : INFRA-M, «Ves' mir», 2000. S. 435–479.

20. Pushkin A. S. O narodnosti = On national character / Pushkin A. S. PSS. V 6 tt. / pod red. M. A. Cjavlovskogo. T. 5. Moskva ; Leningrad : Academia, 1936. S. 270–271.

21. Pypin A. N. Harakteristiki literaturnyh mnenij ot dvadcatyh do pjatidesjatyh godov: Istoricheskie ocherki A.N. Pypina = Characteristics of literary opinions from the twenties to the fifties: A.N. Pypin's historical sketches. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg : Tip. M. Stasjulevicha, 1890. III, 519 s.

22. Halizev V. E. O narodnosti v literature = On national roots in literature // Jel. resurs. Moskva: Portal «O literature», LITERARY.RU URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archive=1206184486>. (Data obrashhenija: 29.11.2023).

23. Hofstede, G., Neuijen, B., Ohayv, D. D., Sanders, G. Measuring organizational cultures: A qualitative and quantitative study across twenty cases. In Administrative Science Quarterly, 1990. № 35, 286-316.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 31.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-120
EDN SIEFPK

**Мифологема царь-рыбы в произведениях
В. Астафьева «Царь-рыба» и Фу Юэхуэя «Рыбий царь»**

Елена Михайловна Болдырева

Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин
e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Аннотация. Статья посвящена анализу мифологеми гигантской рыбы в произведениях В. Астафьева «Царь-рыба» и Фу Юэхуэя «Рыбий царь», анализируется комплекс мотивов преступления и наказания, покаяния и искупления, связанных с кошунственным посягательством героев на «великую рыбу», рассматривается онтологический статус Царь-рыбы, которая одновременно и феномен объективной реальности, и порождение человеческого сознания, и легендарно-мифологический образ. Образы Царь-рыбы и Рыбьего царя воплощают универсальный комплекс архетипических значений мифологеми рыбы, символические смыслы, возникающие в контексте различных литературных традиций: в аспекте проблем экологической этики русской и китайской деревенской прозы означая катастрофические последствия варварского, бездумного вмешательства человека в гармоничный природный мир, в контексте произведений, основанных на инвариантной сюжетной ситуации встреча/борьба человека/людей с гигантской рыбой дешифруемый как символ величественных божественных природных сил, противостоящих человеку. У Астафьева все символические лики Царь-рыбы возникают как калейдоскоп в сознании оказавшегося в смертельной схватке с ней героя и символика Царь-рыбы сопряжена с мотивами индивидуальной нравственной ответственности человека за нарушение этических законов, у Фу Юэхуэя представлены многочисленные нарративные перспективы восприятия Рыбьего царя, мистической сущности, пантеистически растворенной в мироздании. Глубоко сокрытый смысл жизни, который символизирует живущая в глубине гигантская рыба, открывается астафьевскому герою в его катарсисе покаяния и апелляции к греху, сокрытому в недрах индивидуальной памяти, но его навсегда утрачивают герои Фу Юэхуэя, которые обречены на телесную и духовную энтропию, поскольку вычеркивают легендарного Рыбьего царя как незыблемую основу бытия из своей коллективной памяти и для которых остается лишь гигантский скелет рыбы как символ этого потерянного божественного смысла.

Ключевые слова: мифологема; символ; образ рыбы; мифология; аллегория; натурфилософия; русская культура; китайская культура; В. Астафьев; Фу Юэхуэй

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е.М. Мифологема царь-рыбы в произведениях В. Астафьева «Царь-рыба» и Фу Юэхуэя «Рыбий царь» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 120-143. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-120>. <https://elibrary.ru/SIEFPK>.

Original article

Mythologeme tsar-fish in V. Astafyev's story The Tsar-Fish and Fu Yuehui's story The Fish King

Elena M. Boldyreva

Doctor of philology, professor, Institute of foreign languages, Southwest university, PRC, Chongqing

e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Abstract. The article analyzes the mythologeme of the giant fish in V. Astafyev's The Tsar Fish and Fu Yuehui's The Fish King. The author analyzes the motives of crime and punishment, repentance and redemption connected with the heroes' sacrilegious encroachment on the "great fish"; examines the ontological status of the Tsar-fish, which is both an objective reality phenomenon, and a creation of human mind and a legendary and mythological image. The images of the Tsar-fish and the Fish King represent a universal complex of archetypal meanings relating to the mythologeme "fish", and symbolic meanings arising in the context of various literary traditions: in the aspect of environmental ethics in Russian and Chinese village prose, signifying the catastrophic consequences of barbaric, thoughtless human interference in the harmonious natural world; in the context of works based on the invariant narrative situation of the meeting or fighting of man/people with a giant fish interpreted as a symbol of majestic divine natural forces opposing man. In Astafyev's work, all the symbolic images of the Tsar-fish appear as a kaleidoscope in the mind of the hero who finds himself in mortal combat with it, and the symbolism of the Tsar-fish is related to the motives of individual moral responsibility for violating ethical laws. Fu Yuehui presents multiple narrative perspectives on the perception of the Fish King, a mystical entity pantheistically dissolved in the universe. The deeply hidden meaning of life, symbolized by the giant fish living in the depths, is revealed to Astafyev's hero in his catharsis of repentance and the appeal to the sin hidden in the depths of individual memory. However, it is lost forever by Fu Yuehui's characters, who are doomed to bodily and spiritual entropy as they erase the legendary Fish King as the immutable basis of life from their collective memory and for whom only a giant fish skeleton remains as a symbol of this lost divine purpose.

Keywords: mythologeme; symbol; fish image; mythology; allegory; natural philosophy; Russian culture; Chinese culture; V. Astafyev; Fu Yuehui

This article is prepared for publication thanks to support of the Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University, the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E.M. Mythologeme tsar-fish in V. Astafyev's story The Tsar-Fish and Fu Yuehui's story The Fish King. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 120-143. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-120>. <https://elibrary.ru/SIEFPK>.

Введение

«Когда читатель открывает книги китайских авторов, стремясь найти для себя интересные детали и подробности жизни далекой экзотической страны, он порой оказывается удивлен созвучием проблем и поразительным сходством сюжетов и образов» [Болдырева, 2022, с. 34]. Проницательный читатель (в хорошем смысле этого слова), неизбежно начинает проецировать свой эстетический опыт на новый текст, порой неосознанно пытаясь увидеть в нем отзвуки и отголоски культурных кодов родной литературы и поражаясь иногда странным, почти мистическим совпадениям, когда в произведении далекого неизвестного творца отчетливо начинают угадываться родные «мечты и звуки». «Речь идет не только об устоявшихся литературных параллелях, прочно укоренившихся в отечественном и китайском литературоведении, таких, например, как “Хай Цзы – китайский Есенин” или “Го Можо – китайский Маяковский”, но и о случайных, на первый взгляд, совпадениях и странных сближениях, когда два текста, созданные в разных национальных и культурных пространствах, поразительно напоми-

нают друг друга: “Записки сумасшедшего” Н. Гоголя и Лу Синя, “Красная магнолия у каменной стены” Цуна Вэйси и “Один день Ивана Денисовича” А. Солженицына, повествующие об одном дне одного заключенного, “Моление о счастье” Лу Синя и “Тоска” А. Чехова о потерявших детей родителях, горе которых не хотят услышать окружающие, “Чистый понедельник” И. Бунина и “Скорбь по ушедшей” Лу Синя, рассказывающие читателю о странностях и загадках любви» [Болдырева, 2022, с. 34]. Одной из таких удивительных литературных параллелей, притягивающих друг к другу тексты, которые созданы в пределах более, чем тридцатилетней временной дистанции, являются произведения «Царь-рыба» В. Астафьева и «Рыбий царь» Фу Юэхуэя, воссоздающие сюжет, связанный с одной из древних мифологем – мифологемой гигантской рыбы.

Повесть Астафьева «Царь-рыба» – одно из знаковых произведений российской «деревенской прозы» (1976). «Рыбий царь» (魚王) (2008) – это рассказ современного китайского писателя, выпускника Фуданьского университета

Фу Юэхуэя (甫耀辉). Нет прямых доказательств тому, был ли непосредственно знаком молодой китайский писатель с произведением В. Астафьева, но во всяком случае феномен русской деревенской прозы оказал колоссальное влияние на китайскую литературу, и творчество российских и китайских представителей данного направления неоднократно становилось предметом исследования китайских литературоведов, уделявших особое внимание творчеству Астафьева [侯玮红, 2014; 孙婷, 2019; 许勃阳, 2018; 赵海霞, 2021; 李晓红, 2021; 王月萍, 2018; 谢学蓉; 万冬梅, 2020; 王培青, 1991; 吴萍, 1998; 汪介之, 2009; 梁坤, 2007; 罗玉冬, 1991; 刘文飞, 2006; 姜磊, 2015; 姚雅锐, 2016; 杨素梅, 闫吉青, 2006; 石国雄, 1995; 张淑明, 2018; 张冰, 1986]. Китайская деревенская литература также возникла в период социальных преобразований, важнейшим направлением проблематики также становится изображение губительного влияния цивилизации на естественный природный мир и звучит лейтмотив неотвратимого наказания человека-браконьера (в самом широком понимании этого слова) за хищническое отношение к Природе. Комментируя произведение Фу Юэхуэя «Рыбий царь», известный писатель Ван Мэн отмечал, что именно эта проблематика оказалась актуальной для молодого китайского автора: Фу Юэхуэй вырос в сельской местности, в горах

Юньнани, и учился в мегаполисе Шанхай [甫跃辉, 2013]. Его уникальный опыт позволил ему глубоко почувствовать пагубное влияние современной цивилизации на сельскую местность и природу, поэтому он затрагивает те вопросы, которые звучат в произведениях лучших российских представителей деревенской прозы.

Если воспринимать оба произведения в соответствии с кодом деревенской прозы с ее акцентом на экологическую проблематику, то очевидно, что их сюжетная основа ориентирована на демонстрацию противостояния вечной гармоничной природы и варварски вторгающегося в ее мир человека, утратившего нравственные ориентиры, проблема соотношения человека и природы раскрывается на примере локальной темы браконьерства, когда человек относится к природе, как хищник и потребитель. В произведении Астафьева опытный браконьер Игнатич истребляет рыбу без счета, в рассказе Фу Юэхуэя «Рыбий царь» староста деревни, не посоветавшись с жителями, отдал горное озеро в аренду одному предприимчивому человеку, который стал разводить в нем рыбу на продажу и запретил сельчанам купаться и заниматься ловлей. Жители долгое время терпели это, однако потом не выдержали и, ослепленные перспективой дармовой рыбы, буквально выпотрошили озеро. Однако сюжет о браконьерстве воссоздает лишь поверхност-

ный уровень данных текстов, более глубокие типологические связи сближают их с такими произведениями классиков мировой литературы, как роман «Моби Дик, или Белый Кит» Германа Мелвилла и повесть «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя, не только акцентом на проблемах экологической этики в натурфилософском контексте, но и воспроизведением сходных архетипов человеческого поведения для героев, помещенных в изоморфные экстремальные ситуации [Дегтярева, 2005; Дегтярева, 2011; Вахитова, 1988; Вязмитинова, 1998; Курбатов, 1983; Нагаева, 1981; 罗玉冬, 1991]. Произведения Астафьева и Фу Юэхуэя сближают с их литературными предшественниками раскрытие проблем человека и природы через разнообразные мифологические образы, мифологемы рыболова, реки / океана / озера и, безусловно, в данном контексте образы Царь-рыбы у Астафьева и Рыбьего царя у Фу Юэхуэя также приобретают статус мифологем (подобных мифологемам Моби Дика (Белого Кита, кашалота) и рыбы (марлина) в произведениях Г. Мелвилла и Э. Хемингуэя), которые становятся смысло- и структурообразующими образами обоих произведений, воплощая в себе одну из древнейших мифологем – мифологему рыбы.

Культ рыбы был распространен во всем мире, начиная с первобытных времен. В разных мифах проявляются различные функции этого

образа. С одной стороны, рыба является своего рода демиургом-творцом, поскольку она приносит со дна первозданного океана ил, из которого возникает земля. Существует и пассивный вариант демиургической ипостаси рыбы, реализованный в мифах, где гигантская рыба в разных вариациях – рыба-кит, три кита, огромный дельфин и др. – является опорой земли. Именно этим объясняется происхождение землетрясений и наводнений, которые происходят, когда эта гигантская опора начинает шевелиться или волноваться. С другой стороны, в ряде мифов образ гигантской рыбы актуализирует мотив смерти и воскрешения: так происходит, например, в библейском предании об Ионе, который был проглочен огромной рыбой (в славянском переводе Библии – китом), а потом через три дня и три ночи рыба извергнула его на сушу. Рыба здесь символизирует нижний мир, и временное пребывание в этом царстве мертвых необходимо для последующего воскресения. В «рыбной» метафорике Иисуса Христа рыба предстаёт как символ веры, чистоты, а также крещения и причастия. Заметим, что мифологема рыбы амбивалентна в своем символическом потенциале, одновременно воплощая спектр противоположных значений: плодovitость, изобилие, мудрость – скудость, равнодушие, глупость.

Рыба имеет огромное значение в китайской культуре с древних вре-

мен. «Культура рыбы», сформированная китайской нацией в ходе длительного исторического процесса, является великим творением китайской нации и «сияющей жемчужиной» в сокровищнице традиционной китайской культуры [潘莉, 2000]. Рыбу можно увидеть повсюду в традиционной китайской культуре. Многие культурные реликвии с рыбами в качестве украшений были обнаружены в месте захоронения пещерных людей на вершине Чжоукоудянь в Пекине, на многих культурных объектах было найдено множество рыболовных орудий или рыбных украшений, и этих вещественных доказательств достаточно, чтобы доказать, что рыба с самых ранних времен играла очень важную роль в жизни людей в Китае. В древнекитайской мифологии есть огромная рыба (или огромная черепаха) Ао, у которой человеческая голова, а на спине стоят три священные горы. В поздней китайской мифологии божеством местности или деревни считался Тудишэнь, ему молились о хорошем урожае и о здоровье, и приносили в жертву в праздник Нового года ошипанную курицу и живую рыбу в сосуде. В Древнем Китае рыба считалась символом счастья и изобилия, а рыба вместе с водой означала метафору сексуального удовольствия. Поскольку «鱼» и «余» являются омофонами в китайском языке, рыба имеет символическое значение «богатый», рыба –

это блюдо, которое в каждом доме должно готовиться каждый год во время Праздника Весны, и она символизирует достаток и изобилие жизни. Древние считали рыбу «богом дождя», поэтому у древних существовал обычай просить у рыбы дождя. Они даже представляли себе «звезду-рыбу» в небе, отвечающую за дождь. Именно потому, что «рыба» подразумевает «воду», а вода может питать все, поэтому рыба также символизирует урожай сельскохозяйственных культур. Рыба занимает очень важное место в мифах многих этнических меньшинств Китая, которые считают, что вода создает рыб, рыба создает человека, человек создает все, и даже предки многих этносов названы в честь рыб.

Таким образом, мифологема рыбы является устойчивым символом в разных национальных культурах, что и обусловило обращение к этому образу многих писателей, и в произведениях Астафьева и Фу Юэхуэя реализуются как общекультурные, так и индивидуально-авторские символические коннотации образа рыбы, а точнее, ее особой ипостаси – гигантской Царь-рыбы или Рыбьего царя.

**Мотивы преступления
и наказания, греха и покаяния
в произведениях В. Астафьева
и Фу Юэхуэя**

В литературной традиции сюжеты произведений, основанных на встрече и поединке человека и

огромной рыбы, неизбежно соотносены с мотивами греха, преступления и наказания, расплаты, покаяния, искупления. Подобный комплекс мотивов, связанных с кощунственным посягательством героев на «великую рыбу»/ царь-рыбу/ Белого Кита возникает, как мы уже отмечали, и в других произведениях мировой литературы, таких, например, как «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла и «Старик и море» Э. Хемингуэя. И в этом смысле ключевую роль играет главный герой, непосредственно выступающий субъектом этого столкновения. Сходство двух центральных персонажей новеллы «Царь-рыба» и повести «Рыбий царь», на первый взгляд, очевидно. Оба они – Игнатич и старина Дяо – вызывают двойственное отношение односельчан: их уважают, ценят, восхищаются их талантами, но одновременно чувствуется определенная отчужденность: жители деревни сторонятся Игнатича, поскольку он не похож на них, опрятен и трудолюбив, не жаден, «ко всем внимателен», имеет лучший дом в поселке, относится к односельчанам «с некой долей снисходительности и превосходства» [Астафьев, 1997, с. 176]. Таково же отношение жителей деревни к старине Дяо: с одной стороны, они возмущаются тем, что теперь только ему принадлежит ранее общее Беловодное озеро, а с другой – не могут не признать его способностей настоящего хозяина: «Он был

на полголовы ниже старосты, но почти в два раза больше в объёме. Широкие ладони и крупные стопы, короткая, толстая шея и шарообразная, крепко слепленная голова» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 167], «воспринимали как воплощение идеального героя» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 167]. Оба героя имеют особые таланты, выделяющие их из толпы односельчан: Игнатич ловит рыбу «лучше всех и больше всех, и это никем не оспаривалось, законным считалось» [Астафьев, 1997, с. 178], суеверные люди говорят, что он «слово знает»: «Видно, попал он им под самую каргу, а это дается уж только мастерам высшей пробы, чтоб на гряде самуё не бросить – зависнет самолёв, и далеко не сплыть – рыба проходом минует самолёв. Чутьё, опыт, сноровка и глаз снайперский требуются...» [Астафьев, 1997, с. 178]. Старина Дяо тоже «знает слово», именно он приносит односельчанам огромные уловы рыбы, и даже рыбу он жарит лучше всех, в неповторимом имбирном соусе с пряностями, чего не получается ни у кого из жителей деревни. Не случайно именно его полшутливо-полууважительно начинают называть Рыбий царь после самого крупного рыбного лова перед Праздником весны, когда старина Дяо забрасывает в озеро огромный невод и вытаскивает невиданное доселе количество рыбы: «На Беловодном озере, – восхищённо рассказывали они, – и вправду появился Рыбий царь, царь

по фамилии Дяо!» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 200]. Дяо смущённо отрицается от этого прозвища, но фактически именно он на время и берет на себя функции Рыбьего Царя, защищая рыбу в озере от варварской массовой ловли. И здесь налицо уже кардинальное различие центральных персонажей. Игнатъич с его опытом и непревзойденным рыбацким чутьём, «профессиональный браконьер», подчинивший себе реку и ее обитателей, ни одна рыба не может спастись от его сетей, он истребляет ее без счета, понимая противозаконность своей деятельности и опасаясь позора в случае встречи с инспекторами рыбнадзора. Старина Дяо, напротив, будучи фактически хозяином Беловодного озера, никогда не злоупотребляет своей властью и готов, рискуя жизнью, бороться с теми, кто варварски уничтожает рыбу. В рассказе Фу Юэхуэя мотив браконьерства и шире – варварского, потребительского отношения к природе, глумления над ней – возникает в связи со всеми жителями деревни, начиная с мальчишек, беспрерывно орошающих светлые воды озера струями собственной мочи, заканчивая всеми остальными людьми, которые глушат рыбу шокером, а в период сильной засухи беззастенчиво выкачивают воду из мелеющего озера и фактически подвергают его разбойному разграблению. Именно Дяо берет на себя роль борца с браконьерами и потребителями: когда он понимает,

что рыба в Беловодном озере начинает погибать, потому что кто-то глушит ее удочкой-электрошокером, он и его сын Хайтянь с ружьем охраняют озеро от браконьеров. Но если ружье в произведении Астафьева однажды оказывается направлено Командором против Игнатъича, то ружье у Фу Юэхуэя направлено не непосредственно на браконьеров, а вверх, и выстрел Дяо делает тоже вверх, он предупреждает, но не желает убивать. В своей отчаянной борьбе с варварским истреблением рыбы он мужественен и бескомпромиссен, он не поддается на провокации Сунь Готоу и уличает его в том, что ведро с именем его семьи накануне выронил человек, глушивший рыбу электрошокером. В страшные дни засухи, когда уровень воды в озере упал ниже самого минимального уровня, душа Дяо замирает в тревожной тоске, когда он видит, как односельчане откачивают насосами воду из стремительно мелеющего озера. И здесь мотив браконьерства неразрывно связан с *мотивом жадности и алчности*: «Рыбы становилось больше, чем воды, и жителями деревни овладела безумная рыбная лихорадка, когда они вытаскивали из мутной воды с запахом разлагающейся на нестерпимой жаре мелкой рыбы свои трофеи люди бросали все занятия и мчались к озеру. И с гор, и с пашни, и с деревни в низине, и даже из других окрестных деревень. – отовсюду неслись люди. Волоча тазы,

неся кадушки и вёдра, они бежали с раскрасневшимися от натуги лицами. Стоило им очутиться на берегу, как они с азартом, не обращая внимания на топкую грязную жижу и не снимая одежды, бросались в воду. Мужчины, женщины, молодёжь, дети и даже старики – всех словно охватило безумие» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 204]. Фу Юэхуэй рисует жуткую картину коллективного сумасшествия: Беловодное озеро напоминало огромный кипящий котёл, в котором трепыхались люди, перемешиваясь с рыбами. Дяо пытается остановить эту неистовую рыбную вакханалию, почтительно кланяется каждому и умоляет: «Земляки! Земляки! Прекратите! Умоляю, прекратите!», «Земляк! Землячок! Ну родненький!», «Земляк! Земляк! Умоляю! На коленях просить буду!» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 204], но его голос остается гласом вопиющего в пустыне. В отличие от этой фантазмагорической гипертрофированной массовой жадности людей в рассказе Фу Юэхуэя, в произведении Астафьева жадность и алчность всецело воплощена в главном персонаже. Фамилия Игнатъича Утробин происходит от слова «утроба» – живот, брюхо, внутренности; ненасытная утроба – так говорят о прожорливом, в переносном значении – о жадном, алчном человеке. «Делить осетра?.. В осетре икры ведра два, если не больше» [Астафьев, 1997, с. 186]. Игнатъич в эту минуту даже сам устыдился своих чувств, но че-

рез некоторое время «жадность он почел азартом», а желание поймать осетра оказалось сильнее голоса разума. Фамилия героя представляет собой горько-ироническую инверсию ветхозаветного предания: Иова три дня и три ночи пребывал в чреве – утробе кита – большой рыбы, и это стало в мифологии символом божьей милости и прощения тех, кто выбрал неверный путь, возможности преображения и возрождения; Игнатъич как бы хочет насытить свою утробу огромным количеством улова, и даже затянуть в свое чрево алчного желания легендарную царь-рыбу, но это желание оборачивается для него страшным наказанием, едва не приведшим к смерти. Заметим, что в китайском языке слова «*鱼王*» (рыбий царь) и «*欲望*» (желание, вожделение, страсть) являются омофонами, поэтому «рыбий царь» в произведениях Астафьева и Фу Юэхуэя как бы символически наказывает людей, уничтожающих природу в безумном порыве гипертрофированной алчности.

Таким образом, важнейшим мотивом, объединяющим произведения Астафьева и Фу Юэхуэя, становится *мотив преступления и наказания*. В повести Астафьева преступление имеет двойственный смысл. С одной стороны, на бытовом уровне, это преступление браконьеров, которые варварски относятся к природе и ее дарам, глушат рыбу и вылавливают ее в несметном количестве незаконными способа-

ми. С другой стороны, это преступление этического порядка, нарушение нравственных законов, давний грех героя, надругавшегося над молоденькой девчонкой Глашей, изменившей ему с «лейтенантиком». Игнатича тяготит не столько его браконьерская деятельность, сколько этот грех молодости, не дающий ему покоя долгие годы, загнанный далеко в подсознание, но в критическую минуту на грани жизни и смерти всплывающий оглушительной, вселенской нравственной болью совести. В рассказе же Фу Юэхуэя субъект преступления не индивидуальный, а коллективный, это все люди села (кроме старины Дяо и его сына Хайтяня), варварски вытаскивающие рыбу из пересыхающего озера и глумящиеся над рыбьим царем и даже помышляющие отрезать кусок его мякоти и отведать его мяса, которое может иметь чудодейственные свойства.

В обоих произведениях звучит мысль, что Царь-рыба послана грешникам в наказание, об этом думает вспоминающий дедушкины наказания Игнатич, это же со страхом шепчут жители деревни близ Беловодного озера: «– Небесный владыка всё видит! Кто осмелился тронуть Рыбьего царя, того неминуемо настигнет расплата!» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 210]. Наказание в случае с Игнатичем, с одной стороны, имеет вполне реалистически-бытовую мотивировку: он боится рыбнадзора как человеческого наказания за свое браконьерство, но, как оказы-

вается, это совершенно незначительный страх по сравнению с тем ужасом, который охватывает героя, оказавшегося в смертельной связке с гигантской рыбой. Наказание муками совести – вот самое страшное для него. Холодея от предчувствия близкой неминуемой смерти, Игнатич начинает анализировать свое прошлое, боясь вторгнуться в ту болевую точку, которая все годы сидит в его подсознании. И только когда он еще раз с максимальной остротой предсмертного покаяния переживает свой грех и в болезненном катарсисе вырывается из его уст «Гла-а-аша-а-а, прости-и-и» [Астафьев, 1997, с. 194], как последний вздох в предсмертной агонии, рыба наконец отрывается от героя и, израненная, уплывает. Царь-рыба становится для героя символом прощения и нравственного очищения, она как бы отпускает ему грехи и освобождает его и от давнего груза больной совести, и от страшной смерти в темной водной пучине.

В рассказе Фу Юэхуэя наказание людям, варварски вторгшимся в природный мир и нарушившим его гармонию, носит массовый характер и представлено как коллективная пандемия, когда жителей села начинает безостановочно тошнить и съеденная рыба, как бы пропитавшись гниением плоти рыбьего царя, зловонной массой извергается из их желудков. Для китайцев с их трепетным отношением к еде, когда поглощение пищи восприни-

мается как священнодействие, отторжение еды – намного более страшное наказание, чем муки совести, которых, кстати, не испытывают подавляющее большинство жителей деревни, и лишь у мальчишек возникают чувство смущения и неудобства перед Дяо и Хайтянем, которые единственные не страдают от коллективной кары Рыбьего царя. «Жители деревни почувствовали, как желудок начинает конвульсивно сокращаться, словно съеденная рыба, откликаясь на призыв Рыбьего царя, также разом протухла. Отвратительный привкус тухлятины наполнял животы, плескаясь там, как склизкие рыбины. Горло сжимал спазм, рот раскрывался, и наружу извергалось всё содержимое – и мякоть рыбная, и уха... Стошнило одного, стошнило двоих, а потом тошнило уже всю деревню. Выворачивало так, что ни в желудках, ни в кишках не оставалось ни капли». «Люди один за другим конвульсивно скрючились в три погибели от приступа болезненной рвоты. Всё тело – от макушки до самых пяток – сотрясало от запаха Рыбьего царя. Извергнув из животов тухлую и кислую жижу, кто на коленях, кто на корточках, мы смотрели на гигантскую ямину, оставленную Рыбьим царём. Слезы застлали взгляд, а небесная лазурь синела, ослепляя глаза» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 215].

В отличие от героя Астафьева, для которого встреча с Царь-рыбой явилась индикатором внутреннего

нравственного конфликта, герои Фу Юэхуэя не испытывают таких мучительных угрызений совести. Подробнейшая рефлексия, которая представлена во внутреннем монологе Игнатъича по поводу того, что он нарушает какой-то непреложный мировой закон, возжелав завладеть царь-рыбой, у героев Фу Юэхуэя практически отсутствует или крайне редуцирована. Ими движет в большей степени страх, чем совесть: «В тягучем безмолвии было слышно только, как шумно дышит Рыбий царь, раздувая широченные, словно кузнечные меха, жабры. Из-за этого гнетущего молчания кое-кто подумал, что они совершили непоправимое зло. Один за другим люди покрывались липким холодным потом, они нервно тёрли грязные ладони, а в сердцах начинал разрастаться страх» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 215]. Когда на теле поверженного Рыбьего царя выступает полупрозрачная кровь, повествователь говорит, что их «сердца наполнились стыдом и смущением» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 215], но это поверхностная эмоция, не получающая в тексте никакого продолжения. В финале рассказа, когда люди приходят в опустевшую хижину Дяо и видят там белоснежный скелет Рыбьего царя, у них возникают «самые разные чувства – и угрызения совести, и благоговейный трепет, а ещё одолевало невыразимое уныние. Мы грустили, поскольку отныне, не смотря на то что Беловодное озеро

по-прежнему принадлежало нам, у нас не осталось легенды о Рыбьем царе, чтобы пересказывать её малышне» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 218]. Мотив угрызений совести, превращающих душу Игнатъича, возникает лишь на периферии сознания китайских героев, и даже не очень понятно, перед кем они испытывают этот смутный стыд – перед Дяо и Хайтянем или перед Рыбьим царем, и какие конкретно поступки их терзают. Для них самым ужасным становятся две вещи: нестерпимые телесные муки, связанные с отторжением еды из их желудков, и грусть и уныние оттого, что они навсегда лишились той древней легенды о великом Рыбьем царе, которая была одной из незабываемых опор их коллективной мировоззренческой вселенной.

Таким образом, типологическая общность произведений русского и китайского писателей заключается в воссоздании сходного комплекса мотивов – браконьерства и варварского отношения к природе, жадности и алчности, греха, преступления и наказания, искупления, при этом архетипическая коллизия, когда человек смеет посягать на божественные природные силы, во многом превосходящие его и недоступные его пониманию и рациональному объяснению, имеет разные варианты реализации и разрешения: в произведении Астафьева этот конфликт способствует покаянию и нравственному очищению героя, обретающего после схватки с

Царь-рыбой духовное и телесное освобождение: «ему сделалось легче. Телу – оттого, что рыба не тянула вниз, не висела на нем сутунком, душе – от какого-то, еще не постигнутого умом, освобождения» [Астафьев, 1997, с. 195]. У Фу Юэхуэя же в результате этого конфликта люди оказываются в состоянии физической и духовной энтропии, утрачивают древнюю и, казалось бы, незабываемую основу своего бытия – легенду о Рыбьем царе, и остаются в опустевшем мире, лишенном смысла.

**Символический образ
Царь-рыбы в произведениях
В. Астафьева и Фу Юэхуэя**

Рассмотренный выше комплекс мотивов, возникающих в обоих произведениях, оказывается подчинен интегральному символическому образу Царь-рыбы и Рыбьего Царя. Первый вопрос, который неизбежно возникает в связи с этим образом, это вопрос о его онтологическом статусе: *царь-рыба – это феномен объективной реальности, бредовое порождение индивидуального человеческого сознания или легендарно-мифологический, фантастический образ, существующий в древних сказаниях, передаваемых из поколения в поколение?* В данном контексте, образ гигантской рыбы имеет сложный и многоаспектный характер. В обоих произведениях образ царь-рыбы воспринимается героями и существует как бы в двух измерениях. На бытовом

уровне – это реальный образ огромной рыбы, не случайно стремление людей обнаружить его эмпирические корреляты: у Астафьева царь-рыба – это гигантский осетр, что вполне соответствует реальной ситуации и биологическим характеристикам рыбы, из которой можно извлечь два с лишним ведра икры. Номинация осетра как Царь-рыбы (соотносящейся с Царь-колоколом и Царь-пушкой) неслучайна: осетр с давних времен считался царской рыбой, его знаменитая черная игра и вкусное мясо сделали эту рыбу любимым блюдом при царском дворе. Название «царь-рыба» соотносится именно с осетром еще и потому, что осетры могут достигать огромных размеров, даже до 6 метров в длину. Подобно тому, как у Астафьева огромная рыба на бытовом уровне первоначально воспринимается Игнатичем как гигантский осетр, у Фу Юэхуэя жители деревни, не желая признавать мистическую природу гигантского существа, убеждают сами себя, что это просто огромная рыба-переросток, гадая о том, тилапия это, карп или ерш. В обоих произведениях присутствуют описания этого образа как реалистического феномена, но они приобретают настолько гипертрофированно-витальный характер, что эта шокирующая материальность воспринимается как нечто нереальное и фантастическое: «Колоссальная смолянисто-чёрная голова, огромные пластины гладкой,

сверкающей чешуи, подобный испанским ножницам хвостовой плавник – всё это по форме и размерам было похоже на небольшой трактор с переполненным кузовом» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 209], «Из воды медленно-медленно поднималось какое-то огромное, гагатово-чёрное существо, опутанное четырьмя или пятью слоями рыболовной сети. Чудище размахивало, как лопастями, двумя здоровенными грудными плавниками, будто желая разорвать эту сеть. Гигантский хвост оглушительно шлёпал по топкой глинистой жиже» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 191], «Шлятяжелая, крупная рыбина, била по тетиве редко, уверенно, не толкалась попусту, не делала в панике тычков туда-сюда..» [Астафьев, 1997, с. 182], «По всем повадкам рыбы, по грузному, этому слепому давлению во тьму глубин угадывался на самолове осетр, большой, но уже умаянный» [Астафьев, 1997, с. 183], «Рыба, а это у нее коростелем скрипел хрящатый рот, выплевывала воздух» [Астафьев, 1997, с. 174]. Здесь и у В. Астафьева, и у Фу Юэхуэя возникает мотив дезететизированной плоти, шокирующей безобразной телесности, связанный с гигантской рыбой: «Почему же он раньше-то не замечал, какая это отвратная рыба на вид! Отвратно и нежное бабье мясо ее, сплошь в прослойках свечного, желтого жира, едва скрепленное хрящами, засунутое в мешок кожи; ряды панцирей в придачу, и нос,

какого ни у одной рыбы нет, и эти усы-червяки, и глазки, плавающие в желтушном жиру, требуха, набитая грязью черной икры, какой тоже нет у других рыб, – все-все отвратно, тошнотно, похабно!» [Астафьев, 1997, с. 186], «тело Рыбьего царя, разрушаемое множеством бактерий, стремительно разлагалось и тлело. Прошёл лишь только один день, а от гигантской туши уже разлило смрадом. На третий день людям издалека стало заметно, как начали истлевать внешние покровы и на тёмном теле Рыбьего царя бутон за бутоном распускались огромные ярко-малиновые цветы» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 215].

Но одновременно с этими шокирующе витальными описаниями гигантская рыба воспринимается не как реальное, а как древнее мифологическое, доисторическое существо: огромное, гагатово-черное чудище Рыбьего царя Фу Юэхуэя и богоданная, сказочная, но зловещая Царь-рыба Астафьева: «Что-то редкостное, первобытное было не только в величине рыбы, но и в формах ее тела, от мягких, безжильных, как бы червячных, усов, висящих под ровно состругнутой внизу головой, до перепончатого, крылатого хвоста – на доисторического ящера походила рыбина..» [Астафьев, 1997, с. 184].

Важно отметить существенную разницу в том, в чем кругозор наррации возникает гигантская рыба в обоих произведениях: если у

Астафьева внешний облик царь-рыбы дан читателю в восприятии лишь одного главного героя Игнатъича, то Рыбьего царя видят разные персонажи (дурачок Лаофэй, дети, их родители, старожилы деревни, Хайтянь), каждый из которых по-своему интерпретирует образ Рыбьего царя. В рассказе Фу Юэхуэя фигура Рыбьего царя представлена в калейдоскопе различных, последовательно меняющихся нарративных перспектив. Сначала образ Рыбьего царя возникает как элемент древней легенды: «Когда появилась легенда о Рыбьем царе – никому не известно. Когда наши отцы были маленькими, они слышали её от дедов, а когда мы были маленькими, то слышали от отцов. А потом мы ещё будем рассказывать её своим маленьким деткам. Легенда о Рыбьем царе казалась нам настолько сказочной и в то же время была настолько реальной... Следов Рыбьего царя никто не мог отыскать, но дух его витал повсюду» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 191]. «Как гласит легенда, Рыбий царь появляется лишь во время лунного затмения. Небесная собака Тяньгоу проглатывает луну... И тогда является Рыбий царь. Он медленно-медленно поднимается с самого дна, и озёрная вода шумным потоком скатывается по обеим сторонам его хребта. Наконец над поверхностью всплывает верхняя часть его туши, подобная горе» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 191].

Потом субъектом восприятия Рыбьего царя становится дурачок Лаофэй, в руках у которого появляется странный предмет, сначала кажущийся людям зеркалом, но оказывающимся, по его словам, пластиной из чешуи Рыбьего царя. Но поскольку Лаофэй, по утверждению которого Рыбий царь разжег для него костер возле грота Драконий глаз, где, по преданиям, и обитал Рыбий царь, чтобы тот не замерз, имеет репутацию дурачка, сама реальность существования Рыбьего царя как бы оказывается скомпрометированной, потому что дурачок изначально воспринимается как ненадежный повествователь: «Такой дурачок, как Лаофэй, разве он мог увидеть Рыбьего царя? И чтобы Рыбий царь специально для него костёр разжёл? Да, хоть убейте меня, ни за что в это не поверю! – говорили деревенские. – Даже такие, как мы, нормальные, здоровые люди и то не могут увидеть Рыбьего царя! <...> Разве можно верить тому, что плетёт дурачок?» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 193].

Затем Рыбий Царь становится предметом навязчивого желания Хайтяня узнать все об этом легендарном существе: он изводит всех вопросами, какого размера была эта пластина из чешуи рыбьего царя, какого размера тогда должна быть вся чешуя, каким образом рыбий царь собрал дрова и разжег костер, рыба это или человек, если рыба, то к какому виду она относится, как она выходит на берег, почему до

сих пор не попала в сети... Вопросы множатся в геометрической прогрессии, Хайтянь становится как бы медиумом, призывающим Рыбьего царя явиться перед всеми людьми, его глаза сверкают и в глубине его лаково-чёрных зрачков вспыхивает яркое пламя. Однако молодежь продолжает скептически относиться к факту существования Рыбьего царя как выдумке, в которую могут верить только глупые дети: «когда Хайтянь переключился на беседу с самим собой, и понемногу его слова явили нашему внутреннему взору самого что ни на есть настоящего, реального Рыбьего царя. И мы словно бы увидели, как в глазах Рыбьего царя отражаются наши собственные тени» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 195].

И уже потом Рыбий царь обретает наконец реальные очертания в восприятии коллективного субъекта – всех жителей деревни: «Легенда вмиг стала реальностью, у людей слегка закружилась голова, земля начала уходить из-под ног, и они, словно оказавшись во власти сна, не могли пошевелить даже пальцем» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 209]. Апокалиптическая сцена разграбления умирающего озера достигает своей жуткой кульминации: «Но эти хлесткие удары следовали один за другим, становясь с каждым разом оглушительнее, и казалось, что земля под ногами слегка сотрясается. Смутный ужас обуял людей – они понимали, что приближается что-то страшное. Го-

лоса постепенно стихали, и в наступавшем молчании страх всё быстрее разрастался, расходясь вокруг новыми и новыми волнами, так, что в конце концов всё озеро застыло в мёртвой тишине. Внезапно раздались истерические вопли... – Это же Рыбий царь! – схватив Маотоу за плечо, пролепетал Саньпи, в его глазах смешались и восторг, и ужас» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 209].

Подобно тому, как у Астафьева Игнатъич оказывается в неразрывной смертельной связке с Царь-рыбой, у Фу Юэхуэя нерасторжимые мистические связи с Рыбьим царем возникают у Хайтяня. Сначала он постоянно расспрашивает о Рыбьем царе всех жителей деревни, маниакально пытаясь узнать абсолютно все вплоть до мелочей. Поскольку реальность есть достаточно высокий градус подробности изображения, то постепенно легендарный образ Рыбьего царя как бы постепенно обретает реальные черты, вызванный к жизни интенсивностью веры и интенсивностью желаний Хайтяня. Затем Хайтянь берет на себя миссию хранителя и защитника Рыбьего царя от кощунственных желаний жителей деревни отведать сочной и нежной мякоти гигантской рыбы: он, обычно скромный и тихий, теперь с покрасневшими глазами, с широким тесаком в руках, решительно задрав подбородок, напролом пробивается через обезумевшую толпу и не останавливается даже перед тем, чтобы отрубить палец глумя-

щемся над ним и над Рыбьим царем Лаохэю. Он прижимается к жалостно хныкающему Рыбьему царю, словно говорит ему что-то на ушко, пытается столкнуть его в воду, льет ему на голову ведро за ведром воду и много дней неустанно сторожит его от желающих отрезать кусок мякоти Рыбьего царя, оставляя вокруг него кольцо глубоких следов, как будто создавая прочный оборонительный рубеж. В финале рассказа в покинутой хижине Дяо мальчишки обнаруживают белоснежный скелет Рыбьего царя, таинственным образом освободившийся от гниющей разлагающейся плоти, и вспоминают, что у покидавших деревню Дяо с Хайтянем в руках был странный предмет, который оказался в конечном итоге одним из ребер рыбьего царя: «к тюку был привязан какой-то странный длиннющий предмет, эта штука была такой белоснежной, что резало глаза, а по форме она очень напоминала тонкую длинную саблю» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 216]. Отметим, что в китайской культуре именно скелет рыбы является одним из наиболее популярных оберегов, символизирующий в соответствии с китайской традицией процветание, удачу и защищающий человека от злых сил, помогающий в достижении целей. Причем считалось, что чем больший размер имеет оберег, тем более сильной будет его защитная функция, и в этом смысле ребро гигантского рыбьего царя как бы призвано обере-

гать от расчеловечивания чистые души двух единственных людей, которые вступили в неравную смертельную схватку с обезумевшими односельчанами за Рыбьего царя и за божественную природу.

В произведении Астафьева все символические лики Царь-рыбы возникают как калейдоскоп в сознании оказавшегося в смертельной схватке с ней Игнатъича: сказочная «богоданная» царь-рыба из дедушкиных рассказов, реальный гигантский осетр – заветная мечта любого браконьера, яростная, тяжело раненная рыба, зловещее существо, недоступное для грешников и наказывающее их, оборотень, вспоминающий «что-то тайное перед кончиной», отвратная рыба с нежным бабьим мясом, присасывающееся к телу героя и как бы выпивающая из него жизненные соки, воплощение материнского и женского начала, заставляющего вспомнить оскорбленную им Глашу, и, наконец, освободившаяся, волшебная царь-рыба, уходящая в темные речные глубины, освободившая темные глубины подсознания героя от чувства греха и даровавшая ему прощение и искупление.

В рассказе Фу Юэхуэя последовательно как бы предъявляются героям – жителям деревни и читателю – различные ипостаси Рыбьего царя: фантастическое существо из древней легенды, передающейся из поколения в поколение, зримо и незримо присутствующий в жизни всех людей, таинственный сказоч-

ный помощник, разводящий костер для того, кто вернул ему пластину из его чешуи, вполне реальная огромная рыба-переросток, вытаскиваемая из воды, гниющая и разлагающаяся под палящим солнцем, плачущий младенец, просящий помощи и защиты, мистически исчезнувшее существо, оставившее после себя белоснежный гигантский скелет. Рыбий Царь у Фу Юэхуэя вездесущ и всепроникающ, он как бы пантеистически растворен в мироздании: его очертания напоминают хребет горы, виднеющейся за деревней, его тени отражаются в глазах жителей села, его человеческой ипостасью становится залитый кровью от побоев озверевших односельчан Дяо, бросающийся на защиту всей рыбы в Беловодном озере, и само озеро, пересохшее «было похоже на гигантского дикого зверя, который вот уже несколько дней как сдох: по всей огромной туше расплозились опарыши, эта туша стремительно разлагалась и истлевала, и вот-вот уже должны были показаться самые последние кости» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 215]. Не случайно в этой связи возникают мотивы зеркала и отражения. Пластинка из чешуи Рыбьего царя, которую несет дурачок Лаофэй, сначала кажется жителям деревни зеркалом, в глазах его отражаются тени людей, «В глазах Рыбьего царя – большущих, как лаковые поясничные барабаны, – отражались, словно в кривом зеркале, замыз-

ганные физиономии людей» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 212].

Если у Астафьева Царь-рыба идентифицируется с женским и материнским началом, то у Фу Юэхуэя вытасченный на берег Рыбий царь оказывается похож на обиженного и плачущего ребенка: «когда чудище открывало и закрывало свой похожий на глубокую пещеру рот, оттуда доносилось жалостное хныканье, как у младенца» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 212]. И эти не раз встречающиеся уподобления не только манифестируют идею беззащитности природы перед бесчеловечными преступлениями человека, но и вновь орнаментируют мотив взаимного отражения людей и Рыбьего царя, когда по закону мифической причастности с ними происходит одно и то же: младенческое хныканье поверженного гиганта – и впоследствии, «когда всё содержимое желудков было исторгнуто и людям казалось, будто изверглись и остальные внутренности: и сердце, и лёгкие, и печень, и почки», «человек лежал такой опустошённый, отрешённый от суеты, воздушно-невесомый, можно сказать, его не волновали страсти и желания, точно младенца, только покинувшего материнскую утробу» [Фу Юэхуэй, 2014, с. 212].

Таким образом, Царь-рыба Астафьева и Рыбий царь Фу Юэхуэя по своему смысловому наполнению оказываются близки универсальному мифологическому значению данного образа, символизируя всю

природу как первооснову человеческой жизни. Человек вступает воединок с природой, которая дала ему жизнь, и хочет ее уничтожить, не понимая, что этим он уничтожает в конечном итоге сам себя.

Заключение

Подводя итог рассмотрению специфики художественной репрезентации мифологемы гигантской рыбы в произведениях Астафьева и Фу Юэхуэя, можно сделать вывод, что образы Царь-рыбы и Рыбьего царя воплощают в себе множество символических смыслов. Прежде всего, это универсальный символический комплекс архетипических значений мифологемы рыбы, например, символика богатства и изобилия, возникающая в сладостных мечтах Игнатъича о двух с лишним ведрах осетровой икры или в сцене коллективного сумасшествия жителей деревни близ Беловодного озера от «рыбного изобилия»; это символика смерти и воскрешения, когда рыба как бы является эквивалентом царства мертвых, а человек, попадая туда на короткое время, может получить шанс возрождения к новой жизни. Подобную роль играет и Царь-рыба у Астафьева, когда герой, запутавшись с рыбой в одной сети и ощущая неумолимое дыхание неизбежной смерти, приходит к покаянию и нравственному очищению. Такое же пребывание в царстве мертвых выпадает на долю жителей деревни, когда они, обессиленные неукротимыми при-

ступами рвоты, как бы выключаются из жизни на несколько месяцев, превращаясь в людей-призраков, но, в отличие от астафьевского героя, не обретшие духовный катарсис и очнувшиеся в опустевшем мире, лишённом смысла.

Кроме того, образы Царь-рыбы и Рыбьего царя аккумулируют в себе другой комплекс символических смыслов, возникающий в контексте различных литературных традиций. В аспекте проблем экологической этики русской и китайской деревенской прозы Царь-рыба символизирует катастрофические последствия варварского, бездумного вмешательства человека в естественный гармоничный природный мир. В контексте произведений, основанных на инвариантной сюжетной ситуации встреча/борьба человека/людей с гигантской рыбой ключевой образ текстов Астафьева и Фу Юэхуэя можно дешифровать как воплощение Бога и как олицетворение всей природы, сил, которые карают человека за его прегрешения, гигантская рыба предстает как символ величественных и грозных природных сил, которые противостоят человеку и являются более значительными, нравственными, чем он, воплощают в себе вечную универсальную жизненную мудрость, непостижимы разумом и недоступны человеческому сознанию, являя собой демонстрацию известной сентенции из Книги Иова о невозможности удою уловить левиафана, то есть неспособности чело-

века понять иррациональный божественный замысел.

Наконец, у каждого из писателей образ гигантской рыбы обретает свои индивидуально-авторские символические значения, обусловленные как своеобразием художественного мышления писателя, так и национально-специфическими особенностями русского и китайского менталитета. В произведении Астафьева символика Царь-рыбы сопряжена с мотивами личного нравственного преступления и индивидуальной нравственной ответственности человека за нарушение этических законов, это персонификация совести и катализатор пробуждения этой совести у героя, катализатор его внутреннего покаяния, символ очищения души грешника, в котором пробуждается человеческое начало. В мифологеме царь-рыбы воплощается у Астафьева материнский архетип, высшее женское начало, которое олицетворяет связь времен и поколений, преодоление ограниченной власти времени и в конечном итоге бессмертие. В этой мифологеме сливаются воедино образы матери-природы и матери-женщины, оскверненные человеком, готовые сурово покарать его за этические преступления, и в конечном итоге великодушно прощающие раскаившегося героя, отпускающие ему грехи и дающие еще один шанс стать человеком, находящимся в гармонии с великим природным миром. У Фу Юэхуэя Рыбий царь

представлен в восприятии коллективного, а не индивидуального сознания, его мистическое исчезновение есть результат коллективного преступления, он пантеистически растворен в мире и в людях, но лишь немногим дается шанс приблизиться к его мистической сущности, и эти избранные покидают бредовый человеческий мир с белоснежным ребром Рыбьего царя. Живущая в глубине гигантская рыба символизирует глубоко сокрытый смысл жизни, он отчасти открывается астафьевскому герою в его катарсисе покаяния и апелляции к греху, сокрытому в недрах индивидуальной памяти, но его навсегда утрачивают герои Фу Юэхуэя, которые вычеркивают легендарного Рыбьего царя как незыблемую основу бытия из своей коллективной памяти и которым в результате остается лишь гигантский скелет рыбы как символ этого потерянного божественного смысла.

Образы Царь-рыбы и Рыбьего царя представляют собой амбивалентную сущность: это и смертельная угроза, и божественное величие, и неразрешимая загадка, великая тайна вселенной. Они одновременно и эмпирические образы, биологические организмы, и мистические воплощения древних

мифов и легенд, и порождения человеческого сознания, воплощения человеческого духа. Одна их жизнь протекает в темных водных глубинах Енисея и Беловодного озера, другая жизнь разворачивается в пространстве индивидуального или коллективного человеческого сознания. Стивен А. Даймонд сказал о мелвилловском Белом Ките так: «он – сама жизнь, то неоднозначное, архетипичное Существо, которое никогда не может быть убитым, но только выраженным в некоторой креативной или деструктивной форме» [Цит. по: Kelly]. Действительно, несмотря на то, что Царь-рыба с израненной окровавленной плотью уходит в речные глубины, а Рыбий царь, разложившись под палящим солнцем, загадочным образом исчезает, тем не менее Царь-рыба Астафьева и Рыбий царь Фу Юэхуэя вечны и неуничтожимы, как и другие персонификации мифологемы гигантской рыбы в мировой литературе. Большая рыба у Хемингуэя, обглоданная акулами до костей, мерцающий во тьме заброшенной хижины Дяо белоснежный скелет Рыбьего царя – все они остаются в сознании читателя величественным образом Рыбы как воплощения божественной красоты и всемогущества природы.

Библиографический список

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т.6. Царь-рыба. Красноярск : Офсет, 1997. 432 с.
2. Болдырева Е. М. Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переключки рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 34-47.

3. Вахитова Т. М. Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба» : учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. Москва : Высш. шк., 1988. 71 с.
4. Вязмитинова Л. Г. Сантьяго // Энциклопедия литературных героев. Москва : Аграф. 1998. С. 363.
5. Дегтярёва В. В. «Царь-рыба» В. П. Астафьева – «Моби Дик» Г. Мелвилла – «Старик и море» Э. Хемингуэя: К вопросу о типологической общности произведений // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : Сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В. П. Астафьева. Красноярск, 7-9 сент. 2004 г. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т., 2005. С. 148-156.
6. Дегтярева В. В. Мифологемы водного мира в натурфилософской прозе России и США («Царь-рыба» В. П. Астафьева, «Моби Дик или Белый Кит» Г. Мелвилла, «Старик и море» Э. Хемингуэя) : монография. Красноярск : РИО КГПУ, 2011. 268 с.
7. Курбатов В. Я. Миг и вечность. Красноярск : Кн. изд-во, 1983. 168 с.
8. Нагаева А. И. Притча в художественной структуре «Царь-рыбы» В. Астафьева // Фольклор и литература Сибири. Омск : Омск. гос.пед.ин-т им. А. М. Горького, 1981. С. 34-43.
9. Фу Юэхуэй. Рыбий царь // Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей. Пер. с кит. яз. Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2014. С. 165-218.
10. Kelly D. Re: Melville's Moby Dick – the megalomaniac character of Captain Ahab. URL: <http://www.9types.com/movieboard/messages/5954.html>. (Дата обращения: 12.02.2024).
11. 候玮红. 启蒙与当代俄罗斯“乡村散文” [J]. 学习与探索, 2014 (№10).
12. 刘文飞. "道德的"生态文学 – 序《俄罗斯生态文学论》 // 俄罗斯文艺. 2006. № 3. P. 116-118.
13. 吴萍. 大自然的呼唤 – 前苏联生态文学管窥 // 国外社会科学. 1998. № 5. P. 80-85.
14. 姚雅锐. 论阿斯塔菲耶夫与满都麦生态哲学作品中的神话母题 // 内蒙古师大学报 (哲社汉文版). 2016. 45 (2). P. 121-125.
15. 姜磊. 苏联生态文艺思潮研究 – 兼论阿斯塔菲耶夫的生态伦理道德观 // 东北亚外语研究. 2015. № 3. P. 64-68.
16. 孙婷. 苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间 – 以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例 [J]. 俄罗斯文艺, 2019 (№1).
17. 张冰. 人生哲理的执着探索 – 阿斯塔菲耶夫创作特点初探 // 苏联文学. 1986. № 6. P. 87-93.
18. 张淑明. 阿斯塔菲耶夫创作中的精神生态研究. 河北师范大学. 2018.
19. 李晓红. 二十世纪乡土散文的嬗变 · 《广播电视大学学报》 · 2005

20. 杨素梅, 闫吉青. 俄罗斯生态文学论. 人民文学出版社. 2006. 308 p.
21. 梁坤. 末世与救赎——20世纪俄罗斯文学主题的宗教文化阐释 北京: 人民大学出版社, 2007.
22. 汪介之. 论中国文学接受俄罗斯文学的多元取向 // 南京师大学报(社会科学版). 2009. № 2. P. 133-140.
23. 王培青. 深沉的忧虑 强烈的警告 – 试析《鱼王》中人与自然关系的主题 // 西北师大学报(社会科学版). 1991. № 1. P. 49-53.
24. 王月萍. 俄罗斯乡村散文派作品与中国京派乡土小说创作比较. 《出版广角》2018
25. 石国雄. 俄罗斯心灵的表达者-阿斯塔菲耶夫 // 当代外国文学. 1995. № 4. P. 84-89.
26. 罗玉冬. 艺术的魅力——《鱼王》的象征手法[J]. 贵州大学学报(社会科学版), 1991 (01): 56-60.
27. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说 ——以西伯利亚作家和陕西作家为例. 西方外国语大学 · 2018。
28. 谢学蓉; 万冬梅. 俄罗斯“乡村散文”文学流派探究, 《西伯利亚研究》 · 2020
29. 赵海霞.“乡村散文”中的对象化空间解析[J]. 解放军外国语学院学报 · 2021 (№3) 。
- 甫跃辉 鱼王. 北京: 北京联合出版社. 2013.
- 潘莉, 中华民俗中的“鱼”文化, 《齐齐哈尔大学学报》 · 2000

Reference list

1. Astafev V.P. Sobranie sochinenij: V 15 t. T.6 = Collected works: In 15 vols. V.6. Car'-ryba. Krasnojarsk: Ofset, 1997. 432 s.
2. Boldyreva E. M. Preodolenie slepoty i muzyka pamjati: motivnye pereklichki rasskazov Van Mjena, V. Shukshina i K. Paustovskogo = Overcoming blindness and the music of memory: motifs in the stories by Wang Meng, V. Shukshin and K. Paustovsky // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1 (28). S. 34-47.
3. Vahitova T. M. Povestvovanie v rasskazah V. Astaf'eva «Car'-ryba» = Narrative in V. Astafiev's stories The Tsar-Fish : Ucheb. posobie dlja studentov filol. spec. vuzov. Moskva : Vyssh. shk., 1988. 71 s.
4. Vjazmitinova L. G. Sant'jago = Santiago // Jenciklopedija literaturnyh geroev. Moskva : Agraf. 1998. S. 363.
5. Degtjarjova V.V. «Car'-ryba» V. P. Astaf'eva – «Mobi Dik» G. Melvilla – «Starik i more» Je. Hemingujeja: K voprosu o tipologicheskoj obshhnosti proizvedenij = V. P. Astafiev's "The Tsar-Fish" – G. Melville's "Moby Dick" – E. Hem-

ingway's "The Old Man and the Sea": Toward typological unity of works // Fenomen V. P. Astaf'eva v obshhestvenno-kul'turnoj i literaturnoj zhizni konca HH veka: Sb. materialov I mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. tvorchestvu V. P. Astaf'eva. Krasnojarsk, 7-9 sent. 2004 g. Krasnojarsk : Krasnojarsk. gos. un-t., 2005. S. 148-156.

6. Degtjareva V. V. Mifologemy vodnogo mira v naturfilosofskoj proze Rossii i SShA («Car'-ryba» V. P. Astaf'eva, «Mobi Dik ili Belyj Kit» G. Melvilla, «Starik i more» Je. Hemingujeja) = Mythologemes of the water world in nature-philosophical prose of Russia and the USA ("The Tsar Fish" by V. P. Astafiev, "Moby Dick or the White Whale" by G. Melville, "The Old Man and the Sea" by E. Hemingway) : monografija. Krasnojarsk : RIO KGPU, 2011. 268 s.

7. Kurbatov V. Ja. Mig i vechnost' = Moment and eternity. Krasnojarsk : Kn. izdvo, 1983. 168 s.

8. Nagaeva A. I. Pritcha v hudozhestvennoj strukture «Car'-ryby» V. Astaf'eva = Parable in the literary structure of V. Astafiev's The Tsar-Fish // Fol'klor i literatura Sibiri. Omsk : Omsk. gos.ped.in-t im. A. M. Gor'kogo, 1981. S. 34-43.

9. Fu Juehujiej. Rybij car' = The Fish King // Krasnye tufel'ki. Sbornik proizvedenij molodyh kitajskih pisatelej. Per. s kit. jaz. Sankt-Peterburg : Institut Konfucija v SPbGU, KARO, 2014. S. 165-218.

10. Kelly D. Re: Melville's Moby Dick – the megalomaniac character of Captain Ahab. URL: <http://www.9types.com/movieboard/messages/5954.html>. (Data obrashhenija: 12.02.2024).

11. 侯玮红. 启蒙与当代俄罗斯“乡村散文” [J]. 学习与探索, 2014 (№10).

12. 刘文飞. "道德的"生态文学 – 序《俄罗斯生态文学论》 // 俄罗斯文艺. 2006. № 3. P. 116-118.

13. 吴萍. 大自然的呼唤 – 前苏联生态文学管窥 // 国外社会科学. 1998. № 5. P. 80-85.

14. 姚雅锐. 论阿斯塔菲耶夫与满都麦生态哲学作品中的神话母题 // 内蒙古师大学报 (哲社汉文版). 2016. 45 (2). P. 121-125.

15. 姜磊. 苏联生态文艺思潮研究 – 兼论阿斯塔菲耶夫的生态伦理道德观 // 东北亚外语研究. 2015. № 3. P. 64-68.

16. 孙婷. 苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间 ——以阿斯塔菲耶夫、拉斯普京和舒克申作品为例 [J]. 俄罗斯文艺, 2019 (№1).

17. 张冰. 人生哲理的执着探索 – 阿斯塔菲耶夫创作特点初探 // 苏联文学. 1986. № 6. P. 87-93.

18. 张淑明. 阿斯塔菲耶夫创作中的精神生态研究. 河北师范大学. 2018.

19. 李晓红. 二十世纪乡土散文的嬗变, 《广播电视大学学报》, 2005

20. 杨素梅, 闫吉青. 俄罗斯生态文学论. 人民文学出版社. 2006. 308 p.

21. 梁坤. 末世与救赎——20世纪俄罗斯文学主题的宗教文化阐释 北京: 人民出版社, 2007.

22. 汪介之. 论中国文学接受俄罗斯文学的多元取向 // 南京师大学报(社会科学版). 2009. № 2. P. 133-140.

23. 王培青. 深沉的忧虑 强烈的警告 – 试析《鱼王》中人与自然关系的主题 // 西北师大学报(社会科学版). 1991. № 1. P. 49-53.

24. 王月萍, 俄罗斯乡村散文派作品与中国京派乡土小说创作比较, 《出版广角》2018
25. 石国雄. 俄罗斯心灵的表达者-阿斯塔菲耶夫 // 当代外国文学. 1995. № 4. P. 84-89.
26. 罗玉冬. 艺术的魅力——《鱼王》的象征手法[J]. 贵州大学学报(社会科学版), 1991 (01): 56-60.
27. 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说 ——以西伯利亚作家和陕西作家为例. 西方外国语大学, 2018。
28. 谢学蓉; 万冬梅. 俄罗斯“乡村散文”文学流派探究, 《西伯利亚研究》, 2020
29. 赵海霞.“乡村散文”中的对象化空间解析[J]. 解放军外国语学院学报, 2021 (№3)。
- 甫跃辉 鱼王. 北京: 北京联合出版社. 2013.
- 潘莉, 中华民俗中的“鱼”文化, 《齐齐哈尔大学学报》, 2000

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.
The article was submitted on 24.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-144
EDN TLEDCL

**Основы государственности Египта Птолемеев:
социокультурный аспект**

Наталья Станиславовна Басалова

Кандидат культурологии, доцент кафедры иностранного языка как второй специальности, Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

nbasalova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1620-904X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса об основах государственности в Египте Птолемеев. Автор исследует понятие государственности и государства Лагидов с социокультурной точки зрения. Автор приходит к выводу, что при характеристике Египта Птолемеев как специфического культурного образования древнего мира понятия государственности и государства являются равнозначными. Равнозначность выражается в различных социокультурных реформах новой династии, направленных на формирование образа Египта как могущественной державы, с одной стороны, а также на сохранение внутренних устоев как египтян, так и греков, посредством как их параллельного сосуществования, так и синкретизма, с другой стороны. В статье делается заключение о том, что идеологической основой монархии Лагидов был синкретизм во всех сферах жизни. На административном уровне Птолемеи сохранили ряд должностей за египтянами, однако, все высшие посты в государстве занимали чиновники греческого происхождения. В правовой сфере синкретизм выразился в сосуществовании греческой и египетской юридических систем, с одной стороны, и появлении признаков социального законодательства по отношению к женщинам и гражданам Александрии, с другой стороны. В религиозной сфере синкретизм выразился в появлении культа Сараписа. Автор делает вывод, что экономической основой государства Птолемеев, помимо четкого разделения административных функций между греками и египтянами, стало введение системы наказаний и штрафов за экономические преступления различного уровня. Социальной основой государства Птолемеев стало введение элементов социальной защиты для различных категорий населения Египта от вреда, причиненного им другими лицами. Отдельные папирусы содержат гарантии женщинам с детьми и разведенным женщинам.

Ключевые слова: социокультурная политика Лагидов; социокультурные реформы; царский культ; Лагиды; Сарапис; чиновник; синкретичность; культ цариц; брак; Александрия; Птолемида

Для цитирования: Басалова Н. С. Основы государственности Египта Птолемеев: социокультурный аспект // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 144-153. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-144>. <https://elibrary.ru/TLEDCL>.

Original article

Principles of the statehood in Ptolemaic Egypt: sociocultural aspect

Natalia S. Basalova

Candidate of cultural studies, associate professor at the department of foreign languages as a second specialty, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

nbasalova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1620-904X>

Abstract. The article focuses on the foundations of statehood in Ptolemaic Egypt. The author explores the concept of statehood and the Lagids state from a sociocultural perspective. The author concludes that when characterizing Ptolemaic Egypt as a specific cultural formation of the ancient world, the concepts of statehood and state are equivalent. This equivalence is expressed in the various socio-cultural reforms by the new dynasty, aimed at shaping the image of Egypt as a mighty power, on the one hand, and at preserving the inner foundations of both Egyptians and Greeks, through both their parallel coexistence and syncretism, on the other. The author concludes that the ideological basis of the Lagids' monarchy was syncretism in all spheres of life. At the administrative level, the Ptolemies assigned a number of positions to Egyptians, although all the highest positions in the state were held by the officials of Greek origin. In the legal sphere, syncretism was manifested in the coexistence of Greek and Egyptian legal systems, as well as the emergence of the basic social legislation with regard to women and the citizens of Alexandria. In the religious sphere syncretism was expressed in the rise of the cult of Sarapis. The author claims that in addition to a clear division of administrative functions between Greeks and Egyptians, the economic basis of the Ptolemaic state was the introduction of a system of punishments and fines for economic offenses of various levels. The social basis of the Ptolemaic state was certain forms of social protection for various categories of the Egyptian population against harm caused to them by others. Some papyri contain guarantees for women with children and divorced women.

Keywords: sociocultural policy of the Lagids; sociocultural reforms; royal cult; Lagids; Sarapis; an official; syncretism; cult of queens; marriage; Alexandria; Ptolemaida

For citation: Basalova N. S. Principles of the statehood in Ptolemaic Egypt: sociocultural aspect. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 144-153. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-144>. <https://elibrary.ru/TLEDCL>.

Введение

Вопрос об устройстве Птолемеевского государства занимал умы интересующихся древней историей

на протяжении не одного столетия. Так, первые масштабные рассказы об эллинистическом Египте содержатся у Гераклита и Страбона. Они

повествовали о географии Египта, устройстве городов и образе жизни египтян. Отдельные сведения о быте в эллинистическом Египте сохранились у Апулея, Афиней, Флавия и Феокрита. Однако все эти рассказы носили лишь описательный характер и давали информацию о Египте как об уникальной необыкновенной стране эллинистического мира. Первые научные изыскания начинают появляться только после экспедиции Наполеона, когда в руки европейских и русских исследователей попадает огромное число артефактов, заставивших деятелей науки задуматься об истоках величия одного из самых могущественных государств в эллинистическую эпоху. В XIX-XX веке начинается коллекционирование и систематизация папириологического материала [Petrie, 1888; Sharp, 1870]. В XX веке систематизация папирусов продолжилась [The Tebtunis Papyri, 1902; Select Papyri, 1979]. Также на основе папириологического и археологического материала делаются попытки реконструкции политической, экономической жизни и социального устройства эллинистического Египта [Дройзен, 2002; Bouché – Leclercq, 1907]. История Птолемеевского Египта изучалась через призму экономических и политических решений, принимаемых новой династией Птолемеев, пришедшей к власти после распада империи Александра Македонского. Основной задачей исследователей стало аспектное рассмотрение

деятельности царей Птолемеев: изучалась преимущественно фискальная, социальная и религиозная политика царей [Rostovtzev, 1941; Ранович, 1950; Пикус, 1972; Fraser, 1972; Bevan, 1927]. В данной статье сделана попытка рассмотреть державу Птолемеев с точки зрения аспектов, которые составляли государство и государственность.

База исследования

Птолемеевский Египет с исторической точки зрения можно назвать «переходным этапом» от Египта фараонов, являвшегося сильнейшим государством древнего мира, к колонии Рима, ставшей сырьевым придатком империи. В этом свете очень актуальным является вопрос об основах государственности в переходную эпоху, то есть того, что насколько стратегически верными были реформы Птолемеев: как они привели к созданию могущественного государства, с одной стороны, и к его же упадку, с другой стороны. Сделать вывод о том, что составляло государственность эллинистического Египта позволяют имеющиеся папириологические свидетельства: «Декреты человеколюбия», «Дикайомата», «Псефисмата», а также «Инструкция эконому».

Анализ результатов исследования

Прежде всего, необходимо рассмотреть два понятия: «государство» и «государственность». Среди исследователей этих понятий нет единого мнения. Ряд исследователей отождествляют государ-

ство и государственность, определяя государство как воплощение системы социально-политических, культурных и экономических элементов управления, составляющих государственность, которая и является сама по себе комплексом таких элементов [Бачило, 1993]. Другие исследователи разграничивают эти понятия, мотивируя тем, что государственность – это более широкое понятие, которое включает в себя не только комплекс элементов управления государством, но и традиции, обычаи, религиозную и идеологическую сферы жизни людей в государстве [Бондарь, 2014]. Относительно Птолемеевского Египта более вероятным является объединение этих понятий, поскольку система управления, осуществляемая Птолемеями, касалась не только политического, экономического и социального устройства нового государства, но и создания новой идеологии, соединившей нормы, обычаи и традиции как греков, так и египтян. Таким образом, основы государственности Птолемеевского Египта складывались из ряда реформ, нацеленных на создание имиджа экономически и политически сильного государства для внешнего мира, с одной стороны, и укрепления позиций новой власти в среде местного населения и поддержания стабильности путем создания условий более или менее равноправного сосуществования двух культур, с другой стороны.

Идеологической основой государственности Птолемеевского

Египта, пронизывающей все сферы жизни, стала синкретичность. В сфере администрирования она проявилась в формировании такого аппарата управления, в котором государственные посты могли занимать как греки, так и египтяне. Однако египтяне могли претендовать только на низшие ступени административной лестницы и занимать лишь гражданские должности. Например, египтяне числились на должностях топархов (руководителей топархий, то есть своеобразных округов) и комархов (руководителей ком, то есть деревень). Греки же занимали высшие посты в государстве Птолемеев, основным функционалом которых являлось военное и экономическое управление территориями. Так, греки занимали посты стратега (руководителя нома, то есть военно-податного округа), диойкета (административно-финансовая должность) и эконома (сборщика налогов) [Цит. по: Ранович, 1950]. Такое разграничение стало стратегически важным решением Птолемеев, поскольку позволяло контролировать большую массу местного населения через его представителя, что значительно снижало риск организации восстаний и обеспечивало его политическую лояльность новой власти. Тем не менее нельзя не упомянуть тот факт, что высшие должности требовали соответствующего разностороннего образования кандидатов на должности. Чиновники доптолемеевской эпохи получали образование при храмах, которые

были сосредоточением знаний того времени. От эллинистического чиновника требовались более обширные знания, такие как основы техники, история, география [Цит. по: Монте, 1989]. Римское образование как раз обеспечивало именно такой кругозор. Таким образом, назначение греков на высшие посты было вызвано не только идеологической, но и объективной причиной: греки были более широко образованны по сравнению с египтянами [Цит. по: Гиро, 1994].

В правовой сфере синкретичность проявилась в сосуществовании и частичной ассимиляции двух правовых систем – греческой и египетской. Так, существовали египетские суды лаокритов, которые рассматривали спорные дела между египтянами. Они состояли из трех египетских жрецов и судьи, которым был грек. Обязанностью судьи был сбор заявлений от египтян и подготовка документов для рассмотрения заявлений в суде [Цит. по: Fraser, 1972]. В тоже время существовали коллегии присяжных, рассматривавшие только спорные вопросы среди греков [Цит. по: Тарн, 1949]. Так, Птолемей II Филадельф основал суд хрематистов, который работал в греческих полисах Птолемаиде и Александрии и рассматривал дела греков [Цит. по: Fraser, 1972]. Тем не менее в юридической системе наблюдаются признаки смешения систем: в III в. до н. э. египетское законодательство было переведено на греческий язык, а для разреше-

ния споров между египтянами и греками был создан особый трибунал [Цит. по: Тарн, 1949]. Как свидетельствует ряд папирусов, некоторые гражданские вопросы, не касающиеся фискальной сферы, могли рассматриваться не только судом лаокритов, но и коллегиями присяжных [Цит. по: Fraser, 1972].

Наиболее ярко синкретичность выразилась в религиозной сфере. Так, получивший широкое распространение в эллинистическом Египте культ Сараписа представлял собой греко-египетское божество. Имя «Сарапис» являлось греческой транскрипцией египетского «Апис» (или Осорапис – в Египте фараонов бог изобилия и подземного царства в одно время). Таким образом, имя божества представляло собой произнесенное на греческий манер египетское имя, что было удобнее грекам. Однако само божество изображали с египетской атрибутикой, что импонировало египтянам: статуя, которая находилась в храмовом комплексе Серапейон в Александрии была изготовлена из различных ценных материалов, а также имела в своем образе мощи египетского бога Аписа [Цит. по: Климент, 1998]. Большая часть исследователей полагают, что культ Сараписа появился в Египте при Птолемеях Сотере и впоследствии Сарапис стал сначала богом столицы Александрии, а потом и верховным божеством всего эллинистического Египта [Цит. по: Коростовцев, 2000]. Поскольку Сарапис был частично греческим и частично

египетским божеством, то почитался он как местным населением, так и завоевателями.

Политической основой государственности Птолемеевского Египта можно называть сохранение монархического строя. Птолемеи объявили себя преемниками фараонов, желая показать, что новая власть не является враждебной местному населению. Однако если фараонов население почитало как воплощение бога на земле и это понималось и принималось населением как само собой разумеющимся, то Птолемеи ввели культ почитания своей династии. Так, Птолемей Филадельфос учредил культ своей матери Береники II [Цит. по: Ромею, 1984]. Также, сохранились свидетельства о праздновании культа Птолемея I в Птолемаиде и культа Арсиной Филадельфы, в честь которой был назван даже целый ном и учреждено множество храмов [Цит. по: Ноль, 2001]. Тем не менее Лагиды предпринимали и реальные шаги, которые способствовали укреплению власти Птолемеев и веры местного населения в их преемственность фараонам. Так, в «Канобском декрете» перечисляются деяния Птолемея III: помощь населению в неурожайный год и справедливое управление Египтом [Цит. по: Sharp, 1870]. Благодаря этому Птолемей III получил эпоним Эвергет, что означает «Благодетель».

Экономической основой государственности Птолемеевского Египта можно назвать четко вы-

строенную систему регулирования экономической сферы. Это выразилось в наличии разветвленной иерархии чиновников, отвечающих за пополнение царской казны. Высшей должностью являлась должность диоикета, которая была одновременно как административной, так и финансовой. Самым известным диоикетом был Аполлоний: сохранилось значительное количество жалоб различного рода, которые писали жители разных земель, с просьбой разобраться в спорных делах [Цит. по: Пикус, 1972]. Таким образом, можно предположить, что в руках диоикета концентрировалась не только финансовая деятельность, но и отчасти судебная. Далее шла должность эконома. Экономы руководили всеми финансовыми делами в номмах и имели в своем подчинении огромную армию откупщиков, ответственных за непосредственный сбор налогов на местах. Документы эпохи Птолемеев, в частности «Податной Устав» Птолемея Филадельфа и «Инструкция эконому», достаточно подробно описывают функции, которые возлагались на экомомов и откупщиков. В то же время, документы устанавливают и систему штрафов и наказаний в случае, если чиновники будут уличены в незаконных поборах, обмане при сдаче продукции в царскую казну или иных проступках. Так, в «Инструкции эконому» указано, что если эконом не будет надлежащим образом следить за оборудованием маслобоен, то по-

мимо неких «платежей», он заслужит еще и «чрезвычайное презрение, от которого избавиться будет нелегко» [Цит. по: Струве, 1951, с. 273]. Можно предположить, что впасть в немилость царей было гораздо страшнее, чем просто заплатить штраф.

Социальной основой Птолемеевского государства можно назвать наличие своего рода социального законодательства, защищавшего интересы простых граждан социума эллинистического Египта. Так, конституция Александрии «Дикайомата» предписывает, что если в состоянии алкогольного опьянения человек причинил какой-либо материальный вред другому человеку, то он должен возместить ущерб в двойном размере [Цит. по: P.Nal. 1]. А если какой-либо свободный человек, ударит другого свободного человека, что «Дикайомата» предписывает выплатить пострадавшей стороне разовое возмещение ущерба в сто драхм [Цит. по: P.Nal. 1]. Таким образом, «Дикайомата» является документом, в котором предписаны некоторые наказания за причинение умышленного вреда.

Вопрос социальных гарантий не обошел и женщин в эллинистическую эпоху. Если в доптолемеевское время жена воспринималась как «дополнение» мужа и права выбора будущего супруга не имела, то с приходом Птолемеев женщины становятся более свободными в выборе мужа. Птолемеями была введена система подписания брач-

ного контракта, который свидетельствовал о том, что женщина получила равноправие в выборе партнера. Так, в одном из дошедших до нашего времени брачных договоров говорится: «Термион [невеста] и Аполлоний [жених] согласны, что они вместе пришли, чтобы разделить жизнь...» (BGU 1052 [брачный договор], 13 В.С.) [Цит. по: Select, 1970, с.11]. Также, есть ряд документов, в которых говорится о том, что в случае развода женщина, оставшаяся одна с ребенком, могла претендовать на алименты от мужа [Цит. по: Taubenschlag, 1944].

Заключение

Подводя итог рассмотрению основ государственности Птолемеевского Египта можно сделать следующий вывод:

1. С одной стороны, государство и государственность для Птолемеевского Египта представляют собой тождественные понятия: без реформ во всех сферах жизни, направленных на создание условий комфортного сосуществования местного и пришлого населения, было невозможно создать настолько стабильную государственную систему, которая за свою трехсотлетнюю историю существования не претерпела ни одного крупного конфликта между завоевателями и местным населением.

2. С другой стороны, государство и государственность – это не тождественные понятия: становлению государства способствовал целый комплекс мероприятий во

всех сферах жизни, реализованный Птолемееми.

3. Ключевым элементом в формировании Египта Птолемеяв как государства стала политика assi-

миляции греческих и египетских норм и традиций во всех сферах – экономике, политике, религии и социальной сфере.

Библиографический список

1. Бачило И. Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. №7. С. 21-30.
2. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности. Москва : Юнити-Дана, 2014. 178 с.
3. Бикерман Э. Дж. Евреи в эпоху эллинизма. Москва ;Иерусалим : Совместный издательский проект «Bibliotheca Judaica», 2000. 381 с. (Современные исследования).
4. Геродот. История в девяти книгах / пер. с греч. Москва : Ладомир, Аст, 1999. 740 с.
5. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков / Пер. с последн. фр. издания. Москва : НИЦ «Ладомир», Б.Г. (1994). 672 с.
6. Дройзен И. История эллинизма: В 3-х т. Т. 3. Москва : Наука, 2002. 528 с.
7. Климент Александрийский. Увещевание к язычникам / пер. древнегреч. Санкт-Петербург : Изд-во РГХИ, 1998. 206 с.
8. Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. Санкт-Петербург : Журнал «Нева», «Летний сад», 2000. 463 с.
9. Монте П. Египет Рамзесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / пер. с фр. Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1989. 376 с.
10. Пикус Н. Н. Царские землевладельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. Москва : Изд-во Московского университета, 1972. 253 с.
11. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
12. Струве В. В. Хрестоматия по истории древнего мира. Т. II. Греция и эллинизм. Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства Просвещения РСФСР, 1951. 336 с.
13. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / пер. с англ. Москва : Изд-во иностр. литературы, 1949. 372 с.
14. Bevan Ed. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen, 1927. 409 p.
15. Bouché – Leclercq A. A Histoire des Lagides: In 4 vol. Paris. 1903–1907. V. I. 372 p.; V. II. 365 p.; V.III. 370 p.; V. IV. 372 p.
16. Fraser P. Ptolemaic Alexandria: In 3 vol. – Oxford: The Clarendon Press, 1972. V. II. 1116 p.
17. Hólbl G. G. A History of the Ptolemaic Dynasty: Transl. from German. London, New York: Taylor & Francis Group, 2001. 257 p.

18. P. Hal. 1 [«Дикайомата»] // The Ptolemaic Legal and Judicial System. URL: www.columbia.edu/itc/classics/bagnall/3995/readings/b-d2-7.htm. (Дата обращения: 12.10.2023)
19. Petrie W. Naukratis: In II vol. / Ed. by W.M. Flinders Petrie. With chapters by C. Smith, E. Gardner and B.V. Head. London: Trubner, 1884–1888. V. I. 1884–1885. 100 p.
20. Pomeroy S. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. New York : Schocken book, 1984. 241 p.
21. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World: In 3 vol. / Ed. by M. Rostovtzeff. Oxford: The Clarendon Press, 1941. V. I. 602 p.; V. II. 710 p.; V. III. 467 p.
22. Select Papyri: In IV vol. / Transl. by A.S. Hunt and C.C. Edgar. London, Cambridge: Harvard Univ. Press, 1970. V. I-II. 452 p.
23. Sharp S. The Decree of Canopus in Hieroglyphic and Greek with Translation and an Explanation of the Hieroglyphical Characters. London: John Russel Smith, 36, SOHO SQUARE, 1870. P.P. 9-23.
24. Taubenschlag R. The Law of Graeco–Roman Egypt in the Light of the Papyri (332 B.C.–640 A.D.). New York: Herald Square Press, 1944. 485 p.
25. The Tebtunis Papyri: In IV vol. / Grenfell B.P., Hunt A.S., Smyly J.G., Edgar C.C. London : Flowde, 1902–1952. 293 p.

Reference list

1. Bachilo I. L. Faktory, vlijajushhie na gosudarstvennost' = The factors that affect statehood // Gosudarstvo i pravo. 1993. №7. S. 21-30.
2. Bondar' N. S. Konstitucionnaja modernizacija rossijskoj gosudarstvennosti = Constitutional modernization of Russian statehood. Moskva : Juniti-Dana, 2014. 178 s.
3. Bikerman Je. Dzh. Evrei v jepohu jellinizma = Jews in the Hellenistic era. Moskva ;Jerusalim : Sovmestnyj izdatel'skij proekt «Bibliotheca Judaica», 2000. 381 s. (Sovremennye issledovanija).
4. Gerodot. Istorija v devjati knigah = Herodotus. History in nine books / per. s grech. Moskva : Lodomir, Ast, 1999. 740 s.
5. Giro P. Chastnaja i obshhestvennaja zhizn' grekov = Private and public life of the Greeks / Per. s posledn. fr. izdanija. Moskva : NIC «Ladimir», B.g. (1994). 672 s.
6. Drojzen I. Istorija jellinizma: V 3-h t. T. 3. = History of Hellenism: In 3 vols. Vol. 3. Moskva : Nauka, 2002. 528 s.
7. Kliment Aleksandrijskij. Uveshhevanie k jazychnikam = Clement of Alexandria. Exhortation to the pagans / per. drevnegrech. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGHJ, 1998. 206 s.
8. Korostovcev M. A. Religija Drevnego Egipta = Religion of Ancient Egypt. Sankt-Peterburg : Zhurnal «Neva», «Letnij sad», 2000. 463 s.
9. Monte P. Egipet Ramzesov. Povsednevnaia zhizn' egiptjan vo vremena velikih faraonov = Ramses' Egypt. Daily life of Egyptians in the times of great pharaohs / per. s fr. Moskva : Nauka ; Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1989. 376 s.
10. Pikus N. N. Carskie zemlevladel'cy (neposredstvennye proizvoditeli) i remeslenniki v Egipte III v. do n.je. = Royal landowners (direct producers) and artisans in Egypt of the 3rd century BC. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972. 253 s.

11. Ranovich A. B. Jellinizm i ego istoricheskaja rol' = Hellenism and its historical role. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 s.
12. Struve V. V. Hrestomatija po istorii drevnego mira. T. II. Grecija i jellinizm = The reader on the history of the ancient world. VOL. II. Greece and Hellenism. Moskva : Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva Prosveshhenij RSFSR, 1951. 336 s.
13. Tarn V. Jellinisticheskaja civilizacija = Hellenistic civilization / per. s angl. . Moskva : Izd-vo inostr. literatury, 1949. 372 s.
14. Bevan Ed. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen, 1927. 409 p.
15. Bouché – Leclercq A. A Histoire des Lagides: In 4 vol. Paris. 1903–1907. V. I. 372 p.; V. II. 365 p.; V.III. 370 p.; V. IV. 372 p.
16. Fraser P. Ptolemaic Alexandria: In 3 vol. Oxford: The Clarendon Press, 1972. V. II. 1116 p.
17. Hölbl G. G. A History of the Ptolemaic Dynasty: Transl. from German. London, New York: Taylor & Francis Group, 2001. 257 r.
18. P. Hal. 1 [«Dikajomata»] // The Ptolemaic Legal and Judicial System. URL: www.columbia.edu/itc/classics/bagnall/3995/readings/b-d2-7.htm. (Data obrashhenija: 12.10.2023).
19. Petrie W. Naukratis: In II vol. / Ed. by W.M. Flinders Petrie. With chapters by C. Smith, E. Gardner and B.V. Head. London: Trubner, 1884–1888. V. I. 1884–1885. 100 p.
20. Pomeroy S. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. New York: Schocken book, 1984. 241 r.
21. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World: In 3 vol. / Ed. by M. Rostovtzeff. – Oxford: The Clarendon Press, 1941. V. I. 602 p.; V. II. 710 p.; V. III. 467 p.
22. Select Papyri: In IV vol. / Transl. by A.S. Hunt and C.C. Edgar. London, Cambridge: Harvard Univ. Press, 1970. V. I-II. 452 p.
23. Sharp S. The Decree of Canopus in Hieroglyphic and Greek with Translation and an Explanation of the Hieroglyphical Characters. London: John Russel Smith, 36, SOHO SQUARE, 1870. P.P. 9-23.
24. Taubenschlag R. The Law of Graeco–Roman Egypt in the Light of the Papyri (332 B.C.–640 A.D.). New York: Herald Square Press, 1944. 485 p.
25. The Tebtunis Papyri: In IV vol. / Grenfell B.P., Hunt A.S., Smyly J.G., Edgar C.C. London: Flowde, 1902–1952. 293 r.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 21.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024

**ПРАВИЛА ПРИЁМА РЕДАКЦИЕЙ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
РУКОПИСИ СТАТЬИ К РАССМОТРЕНИЮ О ПУБЛИКАЦИИ**

Направляемая в редакцию статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее в других изданиях и не отправленной на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий, опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати), и материалы автора такой статьи не будут более приниматься к публикации в научных журналах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Объем научной статьи одного автора должен быть не менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи двух-трех авторов должен быть не менее 40 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи, написанной более чем тремя соавторами, должен быть не менее 50 000 знаков с пробелами и не превышать 70 000 знаков с пробелами.

Особые случаи объема и количества соавторов статьи, написанной на основе эксперимента, решаются главным редактором журнала.

Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Статья в журнал проходит двойное слепое рецензирование и получает рекомендацию одного члена редакционной коллегии, одного внешнего рецензента и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на дополнительную независимую экспертизу.

При наличии замечаний, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано

доработать статью в соответствии с замечаниями рецензентов.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентами, может быть опубликована в течение года.

Статья проверяется редактором журнала на оригинальность в системе Антиплагиат (оригинальность текста должна быть не ниже 80 %).

Автор самостоятельно или в соавторстве может быть опубликован в журнале в течение календарного года единожды. Особые случаи повторной публикации решаются главным редактором журнала.

Научные статьи принимаются редакцией в электронном виде на почту редакции журнала ksusha-01.08@mail.ru в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения редакционного портфеля. Все особые случаи очередности публикации статей решаются главным редактором.

Авторский экземпляр журнала автор получает согласно оформленной подписке.

Аспиранту для публикации статьи необходимо предоставить редактору журнала справку из отдела аспирантуры и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Соискателю ученой степени для публикации статьи необходимо предоставить в редакцию журнала справку из отдела кадров организации, к которой прикреплен соискатель, и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Рукопись, рекомендованная рецензентами, принимается к публикации только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах. Форма лицензионного соглашения высылается автору редактором журнала.

Требования к оформлению научной статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc, docx.

Перед текстом статьи необходимо указать

- Индекс УДК.

- Отрасль науки и шифр специальности (по номенклатуре ВАК), по которым написана статья.

- Идентификационный номер автора в ORCID.

- Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и ученое звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

- Название статьи на русском и английском языках.

Аннотация:

- должна быть написана на русском и английском языках;

- не может быть копией текста статьи;

- должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

- должна содержать описание хода исследования, наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность и выводы, итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования;

- в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур;

- не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

- в тексте аннотации следует упо-

треблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

- текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

- объем каждой аннотации должен составлять от 180 до 230 слов.

Ключевые слова – не менее 7 и не более 12, разделенных точкой с запятой (на русском и английском языках).

Текст статьи должен быть обязательно разделен на смысловые части.

Обязательные:

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможные:

Актуальность

Постановка проблемы

Обзор литературы

База исследования

Методология исследования

Теоретические основания исследования

Организация исследования

Результаты и их обсуждения

Результаты и дискуссия

Анализ результатов исследования

Выводы

И другие

Постраничные сноски в статье не допускаются!

Примечания отмечаются в тексте цифрами (1, 3 и т. д.) и размещаются после библиографического списка.

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение

значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10).

Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Например: автор, книга, журнал и т. д.).

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.

При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице или их ненадлежащем качестве исполнения редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

В десятичных дробях указывать в виде разделительного знака запятую (0,92), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,5; 0,022).

Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!

Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.

При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее – только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

После текста статьи обязателен **библиографический список**, оформленный в алфавитном порядке в соответствии с требованиями редакции.

Каждый источник, указанный в библиографическом списке, должен иметь ссылку в тексте.

Библиографический список должен содержать не менее 20 источников, в том числе не менее 50% изданных за последние 5 лет, а также максимально возможное количество источников на иностранном языке (Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим этим условиям).

Ссылки на свои работы – не более 10%.

Во всех источниках должны быть представлены: полностью город и издательство, страницы, год выпуска.

Примеры оформления библиографического списка и ссылок представлены на сайте журнала в специальном разделе.

Если присланные материалы не отвечают перечисленным требованиям, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

**RULES FOR SUBMITTING THE MANUSCRIPT OF THE ARTICLE
TO EDITORS OF THE SCIENTIFIC JOURNAL FOR PUBLICATION
REVIEW**

The article sent to the editorial office must be original, not previously published in other publications and not sent for publication to other journals. If a simultaneous submission of the manuscript to several publications is found, the published article will be retracted (withdrawn from print), and materials by the author of the article will no longer be accepted for publication in the scientific journals issued by YSPU named after K.D. Ushinsky.

The size of a scientific article of one author must be at least 20,000 characters with spaces and not exceed 60,000 characters with spaces.

The size of the scientific article of two or three authors should be at least 40,000 characters with spaces and not exceed 60,000 characters with spaces.

The size of the scientific article, written by more than three co-authors, must be at least 50,000 characters with spaces and not exceed 70,000 characters with spaces.

Special cases of the size and number of co-authors of the article written on the basis of the experiment are decided by the editor-in-chief of the journal.

The procedure for specifying the authors and co-authors of the article is agreed by authors.

The journal article is double-blind reviewed and recommended by one member of the editorial board, one external reviewer, and is submitted with reviews to the journal editor to include the article in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to submit the manuscripts of the articles for additional independent examination.

If there are comments, the article will be rejected and the author will be advised to finalize the article in accordance with the comments of reviewers.

An article approved and recommended by reviewers can be published within a year.

The article is checked by the editor of the journal for originality in the Antiplagiate system (the originality of the text must be at least 80%).

The author, alone or in co-authorship, can be published in the journal within a calendar year once. Special cases of re-publication are considered by the editor-in-chief of the journal.

Scientific articles are accepted by the editors in electronic form to the mail of the editorial office of the journal ksusha-01.08@mail.ru throughout the year, published as a live queue as the editorial portfolio is filled. All special cases of the order of publishing articles are considered by the editor-in-chief.

The author receives the author's copy of the journal according to the executed subscription.

To publish the article, the postgraduate student must provide the journal editor with a certificate from the postgraduate department and a review of the supervisor to the article certified by his organization.

The applicant of the scientific degree for publishing the article must provide to the editorial office of the journal a certificate from the HR department of the organization, and a review of the scientific adviser to the article certified by his organization.

A manuscript recommended by reviewers is accepted for publication only if a completed and signed license agreement is received by mail in duplicate. The form of the license agreement is sent to the author by the journal editor.

Requirements for scientific article design

The electronic version of the article is executed in the Microsoft Word text editor and saved with the doc, docx extension.

Before the text of the article, you must specify

- UDC index.
- Branch of science and specialty code (to the nomenclature of the Higher Attestation Commission), according to which the article was written.
- Author ID in ORCID.
- Information about the author: author's full name (including a transliterated form), contact mobile phone, e-mail; degree and academic title, place of work (full official name of the organization) and position, address of the organization with the city code.
- Title of the article in Russian and English.

Abstract:

- must be written in Russian and English;
- cannot be a compilation of the article text;
  - shall contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without deepening in detail, describe the progress of the study;
  - should contain a description of the study progress, the most significant results of the study, indicating their importance and conclusions, the results that were achieved as a result of the study;
  - the abstract should not contain references to literature and special abbreviations;
    - the information contained in the title shall not be repeated;
    - significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;
    - the text shall comply with all standards and rules of the relevant language and shall not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation mistakes;
    - the size of each abstract should be 180 to 230 words.

Keywords – not less than 7 and not more than 12, separated by semicolons (in Russian and English).

The text of the article must be necessarily divided into semantic parts.

1. Mandatory:

INTRODUCTION

RESEARCH METHODS

RESULTS OF THE STUDY

CONCLUSION

2. Possible:

Relevance

Setting the problem

Literature review

Study base

Research methodology

Theoretical basis of the study

Organization of the study

Results and discussions of them

Results and discussion

Analysis of study results

Conclusions

And others

Page footnotes are not allowed in the article!

Notes are marked in the text with numbers (1, 3, etc.) and placed after the bibliographic list.

Bibliographic references to the sources used should be indicated in the text in square brackets.

Schemes are made using dashed fill or grayscale; all elements of the diagram (text blocks, arrows, lines) must be grouped. Each figure must have a sequence number, name and explanation of the values of all curves, numbers, letters and other symbols. The electronic version of the picture should be saved in jpg, tiff formats (Grayscale – shades of gray, resolution – at least 300 dpi).

Tables. Each table should be numbered and labeled. Tables must be provided in the Microsoft Word text editor, located in the text of the article in accordance with the logic of presentation. The text of the article should refer to a specific table, for example: (Table 2). The table structure should be clear, each value should be in a separate row (table cell). All columns in the tables should be entitled. Simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed. (In the tables it is possible to use a smaller type size than the main one, but not less than 10.)

Under tables and pictures, you must specify the source from which the picture or table is taken (for example, author, book, journal, etc.).

The revision does not improve the quality of the pictures and does not correct the errors made in the picture. Each picture, table, diagram must have a index number, name and explanation of all symbols.

If errors are detected in the picture, diagram, table or their improper quality, the editors reserve the right to delete the picture and text related to it.

In decimal fractions are written with comma (0.92) as a separation sign, when enumerating, each of the decimal fractions is separated from the other by a semicolon (0.5; 0.022).

Units are given according to the International System of Units (SI).

In indication of dates the words such as years, century, centuries are not used.

Quotes in the text are like «» if quotes appear inside quotes, then these " " are used.

At the first mention of the author, the initials are given in the text, hereinafter – only the surname. The initials with the surname are separated by hard space.

After the text of the article, a bibliographic list is required, arranged in alphabetical order in accordance with the requirements of the editorial board.

Each source listed in the bibliographic list must have a link in the text.

The bibliographic list should contain at least 20 sources, including at least 50% published over the past 5 years, as well as the maximum possible number of sources in a foreign language (The editorial office will give priority to articles that comply with terms).

References to their work – no more than 10%.

All sources must contain: the city and publishing house, pages, year of issue.

Examples of the design of the bibliographic list and links are presented on the journal's website in a special section.

If the submitted materials do not meet the listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editors will not consider the article for publication.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 1 (19)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 20 п. л., 10 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 50. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 23.04.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44